

Серия "Социально-гуманитарные исследования
учёных Донбасса"

Фридрих Энгельс и современность

VII Международная научная
конференция

Донецк - 2020

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ДНР

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра философии

Кафедра социологии и политологии (г. Донецк, ДНР)

**Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского
кафедра философии; каф. правовых и политических наук (г. Донецк, ДНР)**

**Воронежский государственный университет
кафедра истории философии и культуры (г. Воронеж, РФ)**

**Белгородский государственный институт искусств и культуры
кафедра философии и истории науки (г. Белгород, РФ)**

**Серия "Социально-гуманитарные исследования
учёных Донбасса"**

Фридрих Энгельс и современность

к 200-летию со дня рождения

**VII-я Международная научная
конференция**

27 ноября 2020 года

Выпуск 7

Донецк-2020

УДК 141.82(092)
ББК 87.3
Ф88

Редакционная коллегия:

Рагозин Н. П. – к.филос.н., зав. кафедрой социологии и политологии, почётный профессор, директор УНЦ «Социально-гуманитарный институт» ГОУВПО «ДОННТУ»; Римский В. П., д.филос.н, профессор, зав. кафедрой философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры; Дрожжина С. В., д.филос.н., профессор, ректор ГОВПО «ДонНУЭТ имени Михаила Туган-Барановского»; Сулимов С. И., к.филос.н., доцент, Воронежский государственный университет.

Рекомендовано к печати Учёным советом Социально-гуманитарного института ДОННТУ 20 ноября 2020 г. Протокол № 6.

Ф88 **Фридрих Энгельс и современность: к 200-летию со дня рождения.** Материалы международной научной конференции 27 ноября 2020 года / Отв. редактор д. филос. наук Рагозина Т. Э. – Донецк: ГОУВПО «ДОННТУ», 2020. – 266 с. – [Серия «Социально-гуманитарные исследования учёных Донбасса»]

Материалы сборника освещают широкий круг вопросов социально-философского, историко-культурного, социально-политического, гуманитарного характера, связанных с осмыслением теоретического наследия Ф. Энгельса и его значения для современного понимания закономерностей общественно-исторического развития,

Сборник рассчитан на научных сотрудников, преподавателей высшей школы, аспирантов, магистрантов, студентов и читателей, которых волнуют философские проблемы современности.

УДК 141.82(092)
ББК 87.3

© ГОУВПО «ДОННТУ»
© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

I.

Ф. Энгельс и современность: философско-исторические и социально-экономические аспекты

Рагозин Н. П.	Фридрих Энгельс о роли насилия в истории	7
Рагозина Т. Э.	О гениях и талантах: проблема субъекта истории в работах Ф. Энгельса	17
Галко В. И.	Ф. Энгельс о понятии совокупного капиталиста ...	37
Глушко Е. С.	Теория докапиталистических формаций Ф. Энгельса	43
Иванов М. А.	Письма об историческом материализме Энгельса как образец критики экономического редукционизма	50
Молодцов Б. И.	Ф. Энгельс: материализм и логодицея	60
Черниговских И.В.	Взаимодействие базиса и надстройки и проблема детерминации социальных подсистем	67
Армен А. С.	Институты семьи и частной собственности как механизмы женского угнетения в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»	73
Петрова Е. И., Одинцова Е. А.	Анализ этногенеза и формирования наций в контексте марксистской философии	79
Давыденко Э. Н.	Противоположность марксизма и постмодернизма в познании истории	86
Беженарь М. С.	Материалистическое понимание истории: К. Маркс и Ф. Энгельс – соратники и соавторы ...	94
Мусатова С. В.	Исторические представления Энгельса о движущих силах формирования человеческого общества	99
Романова А. С.	Личность как выражение исторической закономерности в философии марксизма	105

II.
Ф. Энгельс и современность:
историко-культурные и социально-политические аспекты

Римский В. П., Римская О. Н.	Актуальность марксизма: проблемы мифа и религии	111
Лемешко Г. А.	Влияние младогегельянства на формирование атеистических взглядов Фридриха Энгельса	121
Брычков А. С.	Военно-научное наследие Ф. Энгельса как объект фальсификации	131
Микляев В. А.	Военно-теоретическое наследие Ф. Энгельса и современная социально-философская концепция армии	141
Брычков А. С., Никоноров Г. А.	Основы философского учения о войне как военно-теоретическое наследие Ф. Энгельса	152
Швырков А. И., Борисова А. П.	Фридрих Энгельс и пролетарская теория войны...	162
Попов М. В.	Ф. Энгельс как воплощение единства трёх моментов марксизма	168
Бурцев А. И.	Исследование Ф. Энгельсом военного искусства: значение для современной эпохи	171
Кондратьев В.А., Певтиев О. В	Взгляды Ф. Энгельса на происхождение и правовое регулирование семьи и брака и их особенности в современных условиях развития ДНР	178
Соловьёва Р. П., Соловьёва Ю. М.	Институт семьи, частной собственности и государства в концепции Ф. Энгельса	189
Регинский С. Г.	Нация и национальный язык	196

III.

Ф. Энгельс и современность: проблемы теории познания и общественного сознания

Лобеева В.М., Логвинов Д.В.	Натурфилософские воззрения Ф. Энгельса: мировоззренческая парадигма, основные идеи и особенности	207
Гижа А. В.	Ф. Энгельс и диалектика	212
Кухтин М. М.	Философия Б. Спинозы в мировоззрении К. Маркса и Ф. Энгельса	221
Зырина Я. А., Емец И. А.	Атрибутивные характеристики общественного мнения в контексте диалектико-материалистического подхода К. Маркса и Ф. Энгельса ...	227
Лустин Ю. М.	Типология форм движения материи: методологический аспект философского произведения Ф. Энгельса «Диалектика природы»	240
Ширкова И. В.	Семья как право человека в системе общечеловеческих ценностей	247
Измайлова Д. И.	Трансформация религиозного сознания в свете процессов глобализации	253
Сведения об авторах	261
Анонсы и объявления	265

I.

**Ф. Энгельс и современность:
философско-исторические и социально-экономические
аспекты**

УДК 130.2

Н. П. Рагозин

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет,
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: nragozin@inbox.ru

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС О РОЛИ НАСИЛИЯ В ИСТОРИИ ¹

***Аннотация.** В статье рассматривается критика Ф. Энгельсом «теории насилия» Е. Дюринга. Раскрывается марксистское понимание роли насилия в истории и условия его преодоления. Рассматриваются формы насилия в современном обществе, и обосновывается актуальность марксистского подхода к пониманию путей преодоления насилия.*

***Ключевые слова:** частная собственность, эксплуатация, государство, власть, господствующий класс, насилие, формы насилия, дисциплина, антагонистическая форма, общественный прогресс, преодоление насилия.*

¹ Эта статья Н. П. Рагозина публикуется посмертно. Работа над статьёй была завершена автором 11 октября 2020, а 24 октября жизнь Николая Петровича Рагозина внезапно оборвалась.

Предлагаемая вниманию читателей статья представляет собой продолжение размышлений Н. П. Рагозина над темой насилия / ненасилия в общественной истории людей, изложенных автором в 2018 – 2019 гг. в статье «Проблема насилия: социально-философские и морально-этические аспекты» (См.: [6], а также [7]).

Насилие является одной из самых острых проблем современности. Оно распространено в современном мире в самых разнообразных формах, которые господствующий класс использует для защиты и продвижения своих интересов. Внутри собственной страны господствующий класс всеми силами старается лишить массы способности осознать свои интересы и организованно выступить на их защиту, т.е. создать подлинную оппозицию. По этой же причине господствующий класс организует подмену настоящей политической борьбы бесконечным пасьянсом политических партий, представляющих интересы разных фракций господствующего класса.

На международной арене он не стесняется прибегать к прямой военной интервенции или использует в этих целях международные террористические группировки, инициирует государственные перевороты, известные как «цветные революции», охотно прибегает к созданию межгосударственных и внутригосударственных конфликтов, которые затем «разрешает» в своих интересах, выступая в роли благородного «миротворца». В качестве средств насилия господствующим классом широко используются как классические инструменты – армия, полиция, суды, так и новейшие информационно-коммуникационные (Интернет, телевидение, радио, пресса) средства формирования и управления сознанием масс.

Это судорожное стремление господствующего класса удерживать свою власть любыми способами находит отражение и в буржуазной политической науке. В начале XX века М. Вебер определил буржуазное понимание политической власти как реализацию воли одних «вопреки сопротивлению других». Ближе к концу XX века американские политологи Бахрах и Баретц дополнили это определение власти «вторым измерением»: способностью господствующего класса контролировать «повестку дня», т.е. исключать принятие политических решений по тем проблемам, которые отвечают интересам подвластных. А в начале XXI века Стивен Люкс открыл «третье измерение» власти буржуазии, предсказанное в антиутопии Олдоса Хаксли: «Действительно, разве высшим проявлением власти не является порождение у другого или других таких желаний, которые вы хотели бы у них видеть, то есть обеспечение согласия с их стороны посредством контролирования их мыслей и желаний?» [1, с. 44]. Эти три ипостаси власти буржуазии не исключают, а, напротив, дополняют друг друга, выражая стремление это-

го класса навечно сохранить своё господство. А для этого можно *навязывать* свою волю подвластным, либо *игнорировать* их потребности и интересы, а ещё лучше – *контролировать* их мысли и желания, с тем, чтобы *лишить* их способности осознать свои собственные интересы и потребности.

Аналогичные сдвиги в методах достижения господствующим классом своих целей происходят и в международной политике. С конца XX века американскими политологами Дж. Наем и другими активно пропагандируется политика «мягкой силы» – подмена системы культурных ценностей и жизненных интересов народов западных стран теми образцами, которые распространяет вашингтонский «храм Свободы». Тем народам, которые поддались искушению «мягкой силы», впору вспомнить старую мудрость о том, что там, где мягко стелют, бывает жёстко спать.

Чем шире становится пространство применения насилия, и чем более разнообразятся методы и формы его применения, тем гуще в буржуазной науке туман всевозможных «подходов» и «концепций», которые запутывают понимание его сути. В этой связи мы хотели бы обратиться к классическому марксистскому пониманию насилия. Классику стоит читать и перечитывать. Она даёт верное направление развития нашей мысли и просто доставляет интеллектуальное удовольствие, когда написана таким ясным и живым языком, как главы, посвящённые критике теории насилия Евгения Дюринга в известном произведении Фридриха Энгельса «Анти-Дюринг».

В 70-х годах XIX века приват-доцент Берлинского университета Евгений Дюринг заявил о себе как о создателе нового социалистического учения², претендовавшего на «критическое» преодоление учения К. Маркса и Ф. Энгельса. На самом деле его учение представляло собой эклектическое соединение обрывков буржуазных теорий, которое, однако, грозило сбить с толку германскую социал-демократию.

Это обстоятельство заставило Энгельса выступить с критикой «системосозидающего» Дюринга, что привело к необходимости систематического изложения марксизма. Критика Дюринга да-

² Подробнее о взглядах и деятельности Е. Дюринга см.: [2, с. 16-32]

ла Энгельсу возможность, как он писал в предисловии, в «положительной форме развить» марксистское «понимание вопросов, имеющих в настоящее время общий научный или практический интерес» [3, с. 6]. Одним из таких вопросов стал вопрос о социальной природе и исторической роли насилия³. И следует заметить, что Энгельс, давая положительное развитие этого вопроса, выходит далеко за рамки того, что было доступно пониманию Дюринга с его «развязной псевдонаукой».

Дюринг исходит из того, что в историческом развитии *«первичное все-таки следует искать в непосредственном политическом насилии, а не в косвенной экономической силе»*. Дюринг воображает, что история начинается порабощением одним «мужем» («Робинзоном») другого «мужа» («Пятницы») и этот акт насилия рождает отношения частной собственности. Энгельс по поводу этого потрясающего «открытия» Дюринга, замечает, что «надо обладать самовлюбленностью г-на Дюринга, чтобы считать это воззрение таким «своеобразным», каким оно в действительности отнюдь не является» [3, с. 163].

На самом деле, Дюринг здесь воспроизводит идеалистическое понимание истории, которое господствовало в науке до возникновения марксизма. С позиций такого взгляда на соотношение экономики и политики, собственности и власти, происхождение политического насилия и его позиции в обществе кажутся загадочными. Энгельс указывает Дюрингу на неоспоримый исторический факт, который не в состоянии объяснить его теория «насильственной собственности»: «Уже тот простой факт, что порабощённые и эксплуатируемые были во все времена гораздо многочисленнее рабовладельцев и эксплуататоров и что, следовательно, действительная сила всегда была на стороне первых, – уже один этот факт достаточно показывает нелепость всей теории насилия. Значит, всё ещё проблема заключается в том, чтобы найти объяснение для отношений господства и порабощения» [3, с. 183].

Очевидно, что этот факт не приходил в голову Дюринга, хотя ещё в середине XVI века он стал предметом обсуждения в знаме-

³ Этот вопрос обсуждается в современной политической науке, но обсуждение носит абстрактный и схоластический характер. Обзор современного состояния этого вопроса представлен в работе Б. Г. Капустина [4].

нитом трактате Э. Ла Бюэсси «Рассуждение о добровольном рабстве», породившем обширную литературу. Ла Бюэсси, наблюдая зарождение абсолютных монархий в Европе, в этом сочинении задаётся вопросом: «как возможно, что столько людей, столько деревень, столько городов, столько народов нередко терпят над собой одного тирана, который не имеет никакой другой власти, кроме той, что они ему дают; который способен им вредить лишь постольку, поскольку они согласны выносить это; который не мог бы причинить им никакого зла, если бы только они не предпочитали лучше сносить его тиранию, чем противодействовать ему» [5, с. 8]. Уже простое сопоставление количества порабощённых и порабощителей, властвующих и подвластных требует искать более серьёзной причины возникновения политической власти и собственности, чем одно голое насилие – на одной стороне, и безвольное ему подчинение – на другой.

Другой, не менее очевидный факт, противоречащий теории насильственного происхождения частной собственности, на который Энгельс указывает Дюрингу, заключается в том, что имущество «должно быть сперва добыто трудом, и только после этого его можно отнять грабежом» [3, с. 165]. Насилие может служить средством *перераспределения* собственности, но не может её *создать*.

Опираясь на исследования развития и разложения общинной собственности и на анализ развития товарного производства в «Капитале» К. Маркса, Энгельс показывает, что частная собственность «образуется повсюду в результате изменившихся отношений производства и обмена, в интересах повышения производства и развития обмена, – следовательно, по экономическим причинам. Насилие не играет при этом никакой роли» [3, с. 166].

Эти же экономические причины лежат в основе отношений эксплуатации. Уже самая грубая форма эксплуатации труда – рабство – предполагает достаточно высокий уровень развития производительных сил труда, который делает возможным и экономически целесообразным использование труда рабов. Рабовладелец не одним насилием принуждает порабощённого к труду, он «имеет в своём распоряжении средства труда, с помощью которых он только и может использовать порабощённого, а при существовании рабства – сверх того – жизненные средства, необходимые для поддержания жизни раба» [3, с. 165]. Поэтому уже использование раб-

ского труда держится не только на одном внеэкономическом принуждении (проще говоря – плётке надсмотрщика) к труду. А если трудящегося лишить всех средств производства, – а именно к этому ведёт концентрация собственности в условиях развития товарного производства, – то он будет вынужден «свободно» продавать свою рабочую силу для того, чтобы обеспечить себе средства существования.

Законы экономики имеют такой же объективный характер, как и законы природы. Они заставляют нас им подчиняться, но этот диктат объективных законов не следует путать с *насилием*. Умение подчиняться объективным законам называется *дисциплиной*, с которой связана выработка у человека *разумной воли*, которая позволяет ему в трудовой деятельности ставить объективные законы, которые он познал, на службу достижения своих целей. Мы можем управлять (и в этом смысле господствовать) ходом вещей в объективной реальности, лишь подчиняясь её законам⁴. В отличие от дисциплины, *насилие* представляет собой *навязывание одним классом своей воли и интересов другим классам во имя защиты своего господствующего положения в обществе, своей роли в организации материального производства и своей доли в потреблении материального продукта*. Насилие – это средство реализации властных, политико-идеологических отношений, которые имеют своей основой материальные отношения, сложившиеся в обществе, и оно опирается на материальные средства, которыми располагает общество на данном уровне развития.

Поскольку насилие связано с отношениями больших групп людей в обществе (каст, сословий, классов), цели и интересы которых не совпадают и противоречат друг другу, то оно концентриро-

⁴ Этот вопрос прекрасно освещён в статье Ф. Энгельса «Об авторитете», в которой он анархистам-бакунистам показал, что их идеи о том, что после уничтожения государства сразу же наступит для людей ничем не ограниченная свобода, которая не требует никакой дисциплины и организации, являются просто глупостью, не способной понять элементарные основы общественной жизни. В современной политической теории большую популярность получила концепция власти М. Фуко, который, подобно анархистам отождествляя дисциплину и власть, из этого делает противоположный (и неверный) вывод о неуничтожимости насилия в обществе и его всепроникающем характере.

ванно представлено в государстве как форме организации общества. Означает ли это, что государственная организация общества и государственная власть тождественна насилию? Давайте внимательно прочитаем Энгельса.

Анализируя исторический процесс возникновения государства, он пишет: «В каждой такой (имеется в виду первобытной земледельческой – Н. Рагозин) общине существуют с самого начала известные общие интересы, охрану которых приходится возлагать на отдельных лиц, хотя и под надзором всего общества: таковы – разрешение споров; репрессии против лиц, превышающих свои права; надзор за орошением, особенно в жарких странах; наконец, на ступени первобытно-дикого состояния – религиозные функции» [3, с. 183-184]. Подобные должности, возложенные на определённых лиц, «облечены, понятно, известными полномочиями и представляют собой зачатки государственной власти» [3, с. 184]. И далее Энгельс продолжает: «Эти органы, которые в качестве представителей общих интересов целой группы общин занимают уже по отношению к каждой отдельной общине особое, при известных обстоятельствах даже антагонистическое, положение, становятся вскоре еще более самостоятельными, отчасти благодаря наследственности общественных должностей, которая в мире, где все происходит стихийно, устанавливается почти сама собой, отчасти же благодаря растущей необходимости в такого рода органах, связанной с учащением конфликтов с другими группами» [3, с. 184]. Рост самостоятельности органов, служивших первоначально общим интересам, появление противоречия частных и общих интересов, приводит к тому, что «первоначальный слуга общества, при благоприятных условиях, постепенно превращался в господина над ним», а «отдельные господствующие лица» спланиваются «в господствующий класс» [3, с. 184].

Как видим, Энгельс, в отличие от Дюринга, и в возникновении государственной власти не усматривает одно лишь голое насилие. Напротив, он пишет, что нам «важно только установить здесь, что в основе политического господства повсюду лежало отправление какой-либо общественной должностной функции и что политическое господство оказывалось длительным лишь в том случае, когда оно эту свою общественную должностную функцию выполняло» [3, с. 184].

На определённом этапе общественного развития насилие является неизбежным и даже – как бы это ни противоречило нашему моральному чувству – способствующим общественному прогрессу явлением. Марксизм даёт конкретно-историческую оценку роли насилия в истории и, признавая для определённого периода прогрессивный характер насилия, чётко указывает границы этого периода и меру прогрессивности. Энгельс выделяет два этапа в развитии насилия и его двойственный характер воздействия на ход истории: «Во-первых, всякая политическая власть основывается первоначально на какой-нибудь экономической, общественной функции и возрастает по мере того, как члены общества ... превращаются в частных производителей и, следовательно, ещё больше увеличивается отчуждённость между ними и носителями общих, общественных функций. Во-вторых, после того как политическая власть стала самостоятельной по отношению к обществу и из его слуги превратилась в его господина, она может действовать в двояком направлении. Либо она действует в духе и направлении закономерного экономического развития. Тогда между ней и этим развитием не возникает никакого конфликта, и экономическое развитие ускоряется. Либо же политическая власть действует наперекор этому развитию, и тогда, за немногими исключениями, она, как правило, падает под давлением экономического развития» [3, с. 188]. Во всей предшествующей и современной истории взаимодействие насилия и экономического развития в целом укладывается в эту формулу.

Вместе с тем, марксизм отнюдь не считает насилие вечным спутником развития общества. Энгельс указывает на исторические условия, при возникновении которых общественный прогресс сможет избавиться от столь жестокой антагонистической формы. Это может произойти, по словам Энгельса, на том этапе общественного развития, когда «громадный рост производительных сил, достигнутый благодаря крупной промышленности, позволяет распределить труд между всеми без исключения членами общества и таким путем сократить рабочее время каждого так, чтобы у всех оставалось достаточно свободного времени для участия в делах, касающихся всего общества, как теоретических, так и практических», тогда «всякий господствующий и эксплуатирующий класс» становится излишним и «более того: он стал прямым препятствием для общественного развития; и только теперь он будет неумолимо

устранён, каким бы «непосредственным насилием» он ни располагал» [3, с. 187]. Разумеется, такое преобразование общества не может произойти автоматически. Ни Маркс с Энгельсом, ни последующие марксисты никогда на этот счёт не питали иллюзий.

Напротив, чем более очевидным становится паразитический характер господствующего класса, утрата им способности выполнять общественно полезные функции, тем ожесточённее он стремится сохранить своё привилегированное положение и тем глубже во все поры общества в самых разнообразных формах проникает насилие.

Уже в «Анти-Дюринге» Энгельс показал, что борьба господствующего класса за сохранение своей власти рождает милитаризацию общества и гонку вооружений. Но гонка вооружений XIX века, известная Энгельсу, в сравнении с гонкой вооружений в XX-ом и XXI-ом веках выглядит просто детской забавой. Милитаризация современного общества, помимо гонки вооружений и создания целого сектора экономики – военно-промышленного комплекса, включает в себя *милитаризацию научно-технического прогресса*, при котором самые передовые научно-технические идеи в первую очередь используются для создания всё более совершенных средств уничтожения человека. Милитаризм породил две мировые войны и подталкивает мир к третьей, от которой господствующий класс удерживает только страх уничтожения в огне термоядерной войны.

Но, пожалуй, ещё более опасной формой насилия, которой пытается овладеть господствующий класс, является духовное насилие, контроль над сознанием и волей масс людей с использованием самых современных средств науки и техники, с тем чтобы утопию «дивного нового мира» сделать былью. Путь к выходу из мира насилия указан в марксизме. Дорогу осилит идущий.

г. Донецк,
11 октября 2020 г.

Список литературы

1. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. – М. Изд. дом Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 240 с.
2. «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и современность. /Ред. коллегия: Л. Ф. Ильичев (руководитель) и др. – М.: «Мысль», 1978. – 318 с.
3. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-ое изд. – Т. 20. – М.: Политиздат, 1961. – С. 5-342.
4. Капустин Б. Г. К понятию политического насилия // Б. Г. Капустин. Критика политической философии: Избранные эссе. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. – С. 43-85.
5. Боэсси, Этьен Де Ла. Рассуждение о добровольном рабстве / Перевод и комментарии Ф. А. Коган-Бернштейн. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – С. 5-43.
6. Рагозин Н. П. Проблема насилия: социально-философские и морально-этические аспекты / Наука. Искусство. Культура. – БГИИК, вып. 3(19), 2018. – С. 48-56.
7. Рагозин Н.П., Римский В.П., Мюльгаупт К.Е. Социально-философские и морально-этические аспекты насилия и ненасилия: марксистская версия / Философия войны и мира, насилия и ненасилия: Монография // Под ред. В.П. Римского. – М.: Академический проект, 2019. – С. 121-137.

N. P. Ragozin

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: nragozin@inbox.ru

Annotation. *The article examines F. Engels' criticism of E. Dühring's "theory of violence". The Marxist understanding of the role of violence in history and the conditions for overcoming it is revealed. The forms of violence in modern society are considered, and the relevance of the Marxist approach to understanding the ways of overcoming violence is substantiated.*

Key words: *private property, exploitation, state, power, ruling class, violence, forms of violence, discipline, antagonistic form, social progress, overcoming violence.*

УДК 130.2

Т. Э. Рагозина

(д. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: tatyana.ragozina@list.ru

**О ГЕНИЯХ И ТАЛАНТАХ:
ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ИСТОРИИ
В РАБОТАХ Ф. ЭНГЕЛЬСА**

***Аннотация.** Статья посвящена анализу теоретического вклада Ф. Энгельса в разработку и систематизацию исторической концепции марксизма. Опираясь на труды Ф. Энгельса, автор показывает значение и роль теоретических положений Ф. Энгельса, благодаря которым материалистическое понимание истории приобрело статус систематически изложенного и обоснованного учения.*

***Ключевые слова:** субстанция-субъект исторического развития, объективный субъект истории, социальная сила, труд, общественное разделение труда.*

Философской общественности хорошо известно знаменитое замечание Ф. Энгельса относительно роли К. Маркса и вклада самого Ф. Энгельса в создание и выработку материалистического понимания истории, сделанное им в работе «Людвиг Фейербах...», которая была написана в 1886 г. и издана в 1888 г.

Характеризуя материалистическое понимание истории как единственное направление, «которое действительно принесло плоды» при разложении гегелевской школы, Ф. Энгельс не просто указывает на то, что «Это направление главным образом связано с именем Маркса» [1, с. 300], но и даёт развёрнутое пояснение такой расстановке акцентов, в которой себе самому отводит достаточно скромную роль.

«Я позволю здесь себе одно личное объяснение. В последнее время не раз указывали на мое участие в выработке этой теории. Поэтому я вынужден сказать здесь несколько слов, - пишет Ф. Энгельс, - исчерпывающих этот вопрос. Я не могу отрицать, что и до и во время моей сорокалетней совместной работы с Марксом принимал известное самостоятельное участие как в обосновании, так и в особенности в разработке теории, о которой идёт речь. Но

огромнейшая часть основных руководящих мыслей, особенно в экономической и исторической области, и, ещё больше, их окончательная четкая формулировка принадлежит Марксу. То, что внёс я, Маркс мог легко сделать и без меня, за исключением, может быть, двух-трёх специальных областей. А того, что сделал Маркс, я никогда не мог бы сделать. Маркс стоял выше, видел дальше, обзревал больше и быстрее всех нас. Маркс был гений, мы, в лучшем случае, – таланты. Без него наша теория далеко не была бы теперь тем, что она есть. Поэтому она по праву носит его имя» [1, с. 300].

Следует заметить, что это – не единственное заявление по данному вопросу, которое довелось сделать Ф. Энгельсу. Так, десяти-двенадцатью годами раньше (а именно: в 1876-1878 гг.) в период написания «*Анти-Дюринга*» Ф. Энгельс во *Введении* к этой работе писал: «Этими двумя великими открытиями – материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости – мы обязаны *Марксу*» [2, с. 26-27].

Эту же мысль, только несколько в иной редакции, озвучит Энгельс, выступая и на похоронах Карла Маркса 17 марта 1883 г.: «Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, *Маркс открыл закон развития человеческой истории* <...> Но это не всё. Маркс открыл также *особый закон движения современного капиталистического способа производства и порождённого им буржуазного общества*» (курсив наш – Т. Рагозина) [3, с. 350-351].

Казалось бы, вопрос был исчерпан ещё при жизни Энгельса им самим. И тем не менее, сегодня мы попытаемся взглянуть на него по-новому, через призму проблемы, являющейся *парадигмальной* для материалистического понимания истории, – через призму проблемы *субъекта истории*, развёрнутой постановкой и обоснованием которой мы обязаны Фридриху Энгельсу.

Всякая зрелая постановка вопроса о сущности общественно-исторического развития неизбежно предполагает выдвигание в центр дискуссии такого онтологического мотива, содержание которого связано с проблемой *субстанции-субъекта исторического развития*, или, что то же самое – *объективного субъекта истории*.

Вряд ли стоит говорить, что вне контекста, очерченного концептуальными рамками проблемы *субъекта истории*, вообще невозможно сколько-нибудь удовлетворительно вести речь ни о бы-

тии истории в целом, ни о формах и механизмах её преемственного существования – в частности, ибо весь этот комплекс проблем является производным от того или иного ответа на вопрос о том, *кто* (или – *что*) именно, будучи подвержен изменениям и развитию во времени, тем не менее, преемственно существует, сохраняясь в качестве некоего активного, *самотождественного субъекта*, дающего основание считать, что мы имеем дело с одним и тем же непрерывно существующим историческим процессом развития рода человеческого (а не с двумя, тремя и т.д. разными процессами). Иначе говоря, вопрос предполагает выяснение следующего: *кто* (или – *что*) обладает способностью не только *существовать в истории*, но и активно *воспроизводить себя* во всех своих изменениях, сохраняя себя в многообразии возникающих новых форм на всех этапах общественно-исторического развития, обеспечивая его поступательный ход?

Как видим, вся «теоретическая тяжесть» проблемы материалистического истолкования истории оказывается сосредоточена на решении фундаментального онтологического вопроса: «Что такое – *субъект истории?*». Скажем больше: решение проблемы субъекта истории, очерчивая концептуальные *границы предмета* философии, заключает в себе принцип и условие самой возможности осуществления философской рефлексии над историей. Такова цена вопроса о *субъекте истории*.

В этой связи стоит обратить особое внимание на фрагмент из письма Ф. Энгельса Йозефу Блоху, в котором Энгельс, излагая суть своих и Маркса взглядов на историю, говорит следующее: «...я прошу Вас изучить эту теорию по первоисточникам, а не из вторых рук, – право же, это гораздо легче» (курсив наш – Т. Р.) [4, с. 396].

Какие же «первоисточники» рекомендует Энгельс своим соратникам в целях изучения исторического материализма «из первых рук»? Рекомендации Энгельса основаны на следующих фактах, которые он приводит: «Маркс не написал ничего, в чём бы эта теория не играла роли. В особенности великолепным образцом её применения является «18 брюмера Луи Бонапарта». Точно так же множество указаний есть и в «Капитале». Затем, - продолжает Энгельс, - я вправе, пожалуй, указать на мои сочинения: «Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом» и

«Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», в которых я дал самое подробное, насколько мне известно, изложение исторического материализма из всех существующих» (курсив наш – Т.Р.) [4, с. 396].

Что ж, будем придерживаться этих рекомендаций, а именно: изучать эту теорию по первоисточникам, а не из вторых рук, ориентируясь на указанные работы, насколько это возможно в рамках небольшого доклада.

Искомая постановка вопроса о субъекте истории является несомненным достоянием *материалистического понимания истории*. Тем не менее, в марксистской литературе советского периода она не была сколько-нибудь систематически развита и должным образом артикулирована. Причин тому несколько.

Одной из них может служить стихийно сложившаяся традиция, согласно которой социально-философские и философско-исторические проблемы де-факто составляли некое нерасчленённое, синкретическое единство с социально-политическим учением марксизма, дисциплинарно ещё «не отпочковавшимся» тогда в виде *политологии* от его собственно философских взглядов. Всё это вместе взятое, включая также и комплекс социально-экономических положений Маркса, воспринималось как *исторический материализм*, в котором вопрос о *субъекте истории* самостоятельно вообще не ставился, поскольку фактически был замещён рассмотрением разнообразных эмпирически фиксируемых субъектов, фигурирующих в темах, освещающих *роль народных масс и личности в истории, борьбу общественных классов* и т.п. Словом, *социально-политические* тезисы о народных массах как подлинном творце истории и борьбе общественных классов как её движущей силе в общем и целом замещали собой *философский вопрос* о субъекте истории.

В результате понятие «*субъект истории*», призванное выявить и осмыслить *конечную причину* и *источник* всех исторических изменений, прочно закрепилось за такими эмпирически очевидными и чувственно воспринимаемыми данностями, как *индивиды, классы, партии, народные массы, этносы, нации*. И хотя в большинстве случаев весь этот ряд венчал собой такой субъект, как *общество*, это не снимало указанной выше проблемы, ибо само *общество* понималось большей частью столь же односторонне:

либо как своеобразный конгломерат указанного ряда эмпирических субъектов, либо вообще как *абстракт* (*фикция*, *мысленный конструкт*), за которым в действительности не стоит никакая реальность⁵.

В итоге большинство интерпретаций материалистического понимания истории продолжало сохранять и латентно воспроизводить старый – *антропоморфный* по своему существу – взгляд на человеческое общество и его историю, имевший мало чего общего (за исключением разве что терминологии) с собственно философскими взглядами Маркса и Энгельса на историю.

Если мы рассматриваем общество в качестве *субъекта истории*, но при этом берём его в отрыве от его функции быть *социальной формой* «общественно-производственного организма» (К. Маркс), образующей собой внутреннюю *структуру общественного разделения труда*, то, хотим мы того или не хотим, но подобной трактовкой мы низводим роль субъекта-общества до уровня таких эмпирически фиксируемых субъектов-данностей, которые, как ни крути, всякий раз вновь оказываются представлены *индивидами*, только взятыми в их различной комбинаторике: в виде больших и малых *социальных групп, коллективов, классов, этносов, наций* и т.д., с которыми, как с чем-то хорошо знакомым в повседневной жизни, имеет дело обыденное эмпирическое сознание. Поэтому и общество в целом, согласно такой точке зрения, тоже в первую очередь ассоциируется всё с теми же чувственно воспринимаемыми индивидами; только в отличие от последних общество, мол, включает ещё и социальные группы, слои, классы и всякие прочие разности (которые на поверку опять-таки состоят из *индивидов*). *Индивид* как отправная точка зрения всякого эмпиризма от этого *никуда не исчезает*.

Поэтому неудивительно, что трактовка общества как субъекта, ставящая его в единый ряд с перечисленными звеньями и элементами социальной морфологии (индивиды/ классы/ нации и т. д.), неизбежно несёт на себе "родовое пятно" старого, домарксов-

⁵ Ярким образчиком трактовки понятия «общество» как *абстракта и фикции*, как *чисто мысленного конструкта*, за которым в действительности не стоит никакая реальность, являются взгляды В.С. Малахова [5].

ского материализма в виде *антропоморфного взгляда* на человеческую историю.

Красноречивым свидетельством стихийного засилья антропоморфного взгляда на историю является, к примеру, та понятийная неразбериха, которая до сих пор царит в большинстве учебников по философии в вопросе о разграничении идеализма и материализма как двух больших партий/линий в философии и последующего их разветвления на свои внутренние разновидности: на идеализм *субъективный* и *объективный*, с одной стороны, и на материализм *метафизический* и *диалектический* – с другой.

Некорректность такого членения философской мысли состоит в том, что основанием для разграничения на существующие разновидности внутри идеализма служат *различия в толковании субъекта*, в то время как разграничение на указанные разновидности внутри материализма проводится почему-то уже совсем на другом основании – на основании *различий в методе мышления*. Некорректность подобного деления, ставшего своеобразной меткой так называемого «поп-марксизма»⁶, отнюдь не случайна.

Для получивших широкое хождение популярных версий марксизма теоретические сложности возникают всякий раз, как только ставится задача разграничения существующих разновидностей материализма на основе различий в *толковании субъекта*. Почему? – Да потому, что, слывя материализмом *диалектическим* и позиционируя себя в качестве такового, «поп-марксизм» никогда не пытался осознать себя материализмом *объективным*, ибо неизбежно встающий при этом вопрос – об *объективном / субстанциальном субъекте истории* – оказывался для него настоящим камнем преткновения, натываясь на который он всякий раз спотыкал-

⁶ Этот термин, введённый М. Лифшицем [6, с. 140], кажется нам очень удачным, ибо точно схватывает черты, которые свойственны всякой поп-культуре, а именно: облегчённость идейного содержания, отсутствие какой-либо глубины мысли, требующей серьёзной работы ума, набор шаблонов и штампов, *выдаваемых за марксизм* косным филистерским сознанием, удушливую пустоту которых филистеры всех мастей сами же задним числом вынуждены затем глумливо и шумно опровергать как некое «упрощённое понимание истории», не будучи в состоянии понять, что борются они исключительно со своими собственными обывательскими представлениями о марксизме, а не с марксистской концепцией истории.

ся, останавливаясь в искреннем недоумении: а нужно ли вообще в рамках марксистской философии задаваться вопросом о каком-то там ещё «*объективном субъекте*» истории. Ведь если сущность материалистического понимания истории базируется на положении о том, что «*люди сами делают свою историю*», то никакая «пьяная спекуляция», сродни гегелевскому *мировому духу*, марксизму не нужна.

Меж тем, сущность марксистского взгляда на историю состоит вовсе не в признании того, что люди сами делают свою историю, ибо это – взгляд, *общий всему новоевропейскому Просвещению*, который сам по себе ещё никакого материализма, а, тем более – диалектики не содержит и содержать не может. Более того, именно этот тезис Энгельс везде и всюду всякий раз подвергает критике за его односторонность, прекрасно понимая, что именно этот взгляд на историю, базирующийся на старом просвещенческом *принципе антропоцентризма*, как раз и рождает массу всех остальных искажённых представлений о сущности марксистской теории общественно-исторического развития.

И вот здесь-то в полной мере становится очевидным то колоссальное значение теоретического вклада Ф. Энгельса в разработку и систематизацию самых сложных моментов их совместной с Марксом исторической концепции, приобретшей благодаря работам Энгельса статус *систематически развёрнутого обоснования и изложения* материалистического понимания истории. Какие же ключевые положения и принципы содержит в себе эта система взглядов на общественную историю?

Первый ключевой момент, который разъясняет Энгельс в работе «Людвиг Фейербах...», касается следующего: «Каков бы ни был ход истории, люди делают её так: каждый преследует свои собственные, сознательно поставленные цели, а общий итог этого множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир – это именно и есть история» [1, с. 306].

Говоря об истории как «общем итоге» множества разнонаправленных действий людей, каждый из которых «...преследует свои собственные, сознательно поставленные цели», Энгельс этот «общий итог» квалифицирует как некую «социальную силу», о которой они с Марксом в принципиальном плане высказались ещё в

«Немецкой идеологии» (1845 г.): «Социальная сила, т. е. умноженная производительная сила, возникающая благодаря обусловленной разделением труда совместной деятельности различных индивидов, – эта социальная сила, вследствие того, что сама совместная деятельность возникает не добровольно, а стихийно, представляется данным индивидам не как их собственная объединённая сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают; они, следовательно, уже не могут господствовать над этой силой, – напротив, последняя проходит теперь ряд фаз и ступеней развития, не только не зависящих от воли и поведения людей, а наоборот, направляющих эту волю и это поведение» [7, с. 33].

Спустя 30 с лишним лет в работе «Анти-Дюринг» Ф. Энгельс вновь вернётся к этому сюжету, дав дополнительную содержательную расшифровку *социальной силы* «...мы уже неоднократно видели, что в современном буржуазном обществе над людьми господствуют, как какая-то чуждая сила, ими же самими созданные экономические отношения, ими же самими произведённые средства производства» [2, с. 329]

Признание наличия в истории некоего *объективного субъекта*, обнаруживающего себя в действии безличной, надындивидуальной *социальной силы целого*, – это, безусловно, один из самых сложных моментов материалистического понимания истории, породивший в последующем развитии философской мысли немало искажений и предвзятых толкований не только со стороны идеологических противников, но и со стороны самых пламенных сторонников марксизма, типа Д. Лукача, Л. Альтюссера и многих других, по сей день не устающих вполне искренне и обескураженно вопрошать: «А как же Человек? Как же Личность?»⁷

⁷ К сожалению, для многих крупных философов (в частности – для Д. Лукача, М. Б. Туровского и др.) эта проблема стала камнем преткновения. Известно, например, что и Л. Альтюссер истолковал философию К. Маркса как философию материальных структур, провозгласив марксизм «теоретическим антигуманизмом». Этот мотив мы обнаруживаем отчасти в системе взглядов Д. Лукача, а также в рамках концепции «личностного монизма истории» М. Б. Туровского, который квалифицирует марксизм как «предвзятое толкование», которое якобы не учитывает *личностный*

И в самом: а как же *человек*? Обладает ли он свободой исторического творчества или навеки обречён быть марионеткой, подчинённой диктату бездушных материальных структур? Какая роль отведена человеку в системе взглядов исторического материализма? Все эти вопросы завязаны в один теоретический узел, развязать который можно, ответив, в частности, на следующий вопрос: значит ли, что исторический материализм, признавая действие объективных надличностных социальных сил и законов в истории, тем самым вообще исключает взгляд, согласно которому «...люди сами делают свою историю»? – Вовсе нет!

Это означает лишь, что для исторического материализма тезис о том, что «люди сами делают свою историю» отнюдь не является *объяснительным принципом* общественной истории, а лишь одним из положений, которое, будучи «в снятом виде» включено в материалистическое понимание истории на правах одного из моментов, само получает своё объяснение в составе новой теории с позиций нового, более глубокого и развитого объяснительного принципа, нашедшего своё выражение в признании наличия в историческом процессе *объективного субъекта* развития, каковым выступает *труд* как процесс, производящий и общество, и входящих в него индивидов.

У Ф. Энгельса эта идея прямо-таки рефреном звучит во всех его произведениях, приобретая характер важнейшего теоретического лейтмотива. Так, в письме к Йозефу Блоху от 21[– 22] сентября 1890 г., заявив, что «...Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни» и что «...Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали» [4, с. 394], Энгельс приступает к разъяснению этой сложнейшей диалектики истории.

«Мы делаем нашу историю сами» – озвучивает Энгельс кредо старого материализма времён XVIII века, при этом лишь отчасти соглашаясь с ним, ибо он тут же провозглашает большое теоретическое «НО!», содержащее возражения следующего порядка: «...но, *во-первых*, - терпеливо разъясняет Ф. Энгельс, - мы делаем

аспект истории [8, с. 14] и в котором-де личности отводится роль простого «эпифеномена» движения материальных структур [8, с. 34].

её при весьма определённых предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счёте решающими. Но и политические и т. п. условия, даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую.

<...> *Во-вторых*, - продолжает Энгельс, - история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных волей, причём каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и безвольно. Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел» [4, с. 395-396].

Этим содержание теоретических «Но!» Энгельса не исчерпывается. Заключительным аккордом изложения всей мысли Энгельса, призванной в сжатом, концентрированном виде выразить реальную диалектику истории, звучит ещё одно «Но!», которое может быть прямо адресовано всем, кто так или иначе озабочен *проблемой человека*, – и Л. Альтюссеру, и Д. Лукачу, и М. Б. Туrowsкому⁸ со товарищи: *«Но из того обстоятельства, - резюмирует Ф. Энгельс свою мысль, - что воли отдельных людей <...> достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, – из этого всё же не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в неё»* (курсив наш – Т.Р.) [4, с. 396].

⁸ Взгляды Д. Лукача и М. Б. Туrowsкого в связи с проблемой человека и разумности форм общественной жизни более подробно изложены в наших статьях (См.: Рагозина, Т. Э. Проблема «бездомности человека в мире» в зеркале негативной диалектики исторического развития [9] и Рагозина Т. Э. Возможна ли теория культуры на основе «личностного монизма истории?» [10]).

Как видим, колоссальный теоретический вклад Энгельса состоит в обосновании того, что вся общественная история людей вовсе не есть движение «голых материальных структур», лишённых какой бы то ни было *субъективности и разумности*; что все без исключения объективные формы общественного бытия людей (включая экономические отношения), все так называемые «объективные обстоятельства», которые, будучи результатом действия разнонаправленных волей и стремлений отдельных людей, отнюдь не лишены *разума и разумности* именно потому, что они – суть *равнодействующая* этих отдельных волей, желаний и стремлений, в составе которой эти индивидуальные воли, сознательные цели и стремления отдельных лиц оказываются переплавлены из форм *субъективно-разумных побуждений* в формы *объективно-разумной организации общественной жизни*. Это – с одной стороны.

С другой стороны, человеческие индивиды, чья деятельность хотя и обусловлена конкретно-исторической системой общественного разделения труда, системой общественных связей и отношений – этой могучей *социальной силой*, тем не менее, отнюдь не лишены *свободы* именно потому, что они сами являются структурными звеньями этой системы и *в этом смысле* – конечно же «сами делают свою историю».

Показательно, что именно после разъяснения этого *третьего важнейшего ключевого пункта*, освещающего решение *проблемы человека* в рамках материалистического понимания истории, Энгельс с известной долей раздражения (видимо, устав разъяснять это на многочисленных примерах из реальной истории) как раз и произносит уже цитированные нами выше слова: «Далее, я прошу Вас изучать эту теорию по первоисточникам, а не из вторых рук, – право же, это гораздо легче» [4, с. 396].

Та же мысль настойчиво звучит и в письме к В. Боргиусу от 25 января 1894 года, где Энгельсу довелось опровергать и другой распространённый среди незадачливых горе-марксистов предрассудок относительно автоматического характера действия в истории экономического фактора и где он вынужден был категорически заявить, что «... экономическое положение не оказывает своего воздействия *автоматически*, как это для удобства кое-кто себе представляет» [11, с. 175]. В этом письме Ф. Энгельс в целях устранения односторонне-метафизического крена в теоретических

воззрениях своих соратников в который раз был вынужден терпеливо разъяснять диалектику истории, обосновывая неприемлемость такого крена как в сторону однобокого признания тотально детерминирующей роли экономических отношений среди всех остальных общественных отношений, так и в сторону однобокого представления о том, что люди сами осознанно и свободно творят свою историю. В одном абзаце он *дважды*, хоть и на разный лад, разъясняет эту диалектику взаимообуславливания: «...люди сами делают свою историю, - соглашается Энгельс с тезисом старого материализма, тут же добавляя - однако в данной, их обуславливающей среде, на основе уже существующих действительных отношений, среди которых экономические условия <...> являются в конечном счете всё же решающими и образуют ту красную нить, которая пронизывает все развитие и одна приводит к его пониманию.

Люди сами делают свою историю, - вновь повторяет Энгельс. - но до сих пор они делали её, *не руководствуясь общей волей, по единому общему плану...*» (курсив наш – Т.Р.) [11, с. 175].

Как бы то ни было, но признание наличия в общественной истории людей особой надындивидуальной реальности – «социальной силы» – является одним из важнейших ключевых моментов к теоретическому портрету *объективного субъекта истории*, без которого исторический материализм оказывается не способным преодолеть сугубо *антропоморфный взгляд* на общественную историю людей, свойственный старому материализму XVIII века.

Осуществлённое историческим материализмом преодоление антропоморфного взгляда на историю методологически стало возможным именно за счёт понимания общества как *вполне специфического субъекта*, в качестве которого и у К. Маркса, и у Ф. Энгельса выступает объективно сложившаяся, естественно-исторически возникшая *система общественного разделения труда*. В этом плане подлинным субъектом истории является, конечно же, прежде всего сам *труд* как живой процесс, осуществление которого создаёт *органическую сращённость индивидов с их деятельностью и друг с другом* посредством определённых форм организации этой деятельности. *Общество* же постольку есть *субъект*, поскольку оно в каждый данный момент, будучи непосредственным *результатом* этого процесса труда, является не чем иным, как этой самой *формой его внутренней организации*, адек-

ватной характеру и содержанию труда и потому – единственно возможным *способом его существования*.

Общество потому может выступать деятельным *субъектом*, обуславливающим социальные роли как отдельных индивидов, так и больших общественных классов, этносов, наций, вызывая к жизни те или иные изменения в их реальном жизненном положении, а также обуславливая способность к постоянным превращениям себя самого как целостного «общественно-производственного организма», что оно на каждом данном этапе развития, в каждый данный момент истории предстаёт в виде конкретной, разветвлённой *системы общественного разделения труда*, которая одновременно есть также и *система всеобщей связи и универсальной зависимости всех без исключения сфер общественной жизнедеятельности людей друг от друга*. В свете сказанного, *быть обусловленным обществом как субъектом* – значит зависеть в своём существовании и функционировании от исторически определённой *системы общественного разделения труда* (этого подлинно объективного / субстанционального субъекта истории). Именно такую трактовку субъекта истории мы находим и в «18 брюмера Луи Бонапарта» и «Капитале» К. Маркса, и в «Анти-Дюринге» и «Людвиге Фейербахе...» Ф. Энгельса, равно как и в «Письмах об историческом материализме».

Согласно К. Марксу, общество потому может функционировать как *субъект*, что оно, в каждый данный момент есть *результат* и *всеобщая форма* труда, есть «...качественная структура общественно-производственного организма, являющего свои *membra disjuncta* [разрозненные члены] в системе разделения труда» [12, с. 118], благодаря которой «товаровладельцы открывают..., что то самое разделение труда, которое *делает их* независимыми частными производителями, *делает* в то же время независимыми от них самих процесс общественного производства и их собственные отношения в этом процессе, что независимость лиц друг от друга дополняется системой всесторонней вещной зависимости» (курсив наш – Т.Р.) [12, с. 118].

Как видим, вовсе не какие-либо конкретные лица и даже не группы лиц, образующих большие общественные классы (как, например, класс независимых частных товаропроизводителей) с их волевыми установками и действиями, совершающимися на основе

осознанных мотивов и намерений, – *вовсе не они сами по себе со своим коллективным волеизъявлением порождают* к жизни отношения личной независимости индивидов друг от друга, равно как и отношения всесторонней вещной зависимости, которые, взятые вместе, в качестве *закона общественной жизни* сами в итоге господствуют над индивидами, в какие бы объединения и конфигурации союзов друг с другом эти индивиды ни вступали. Причём, не только над классом независимых частных товаропроизводителей, но и над всеми без исключения «органами» и «разрозненными членами» данного конкретно-исторического общественного целого.

Кто же тот могущественный субъект, способный в недрах общества будить и вызывать к жизни такие силы, с которыми затем оказываются не в состоянии справиться никакими заклинаниями ни политические гении-одиночки, ни общественные классы, ни этносы и нации, и, напротив, диктату которого подчиняется в своём существовании и развитии каждое звено социальной структуры, как, впрочем, и всё общество вместе со всей его событийной историей?

Таким субъектом, с точки зрения К. Маркса и Ф. Энгельса, является *труд и формы его разделения*, то есть – складывающиеся естественноисторическим образом *объективно-целесообразные* (и потому – *разумные*⁹) *формы его организации*. Именно они, объективно-целесообразные формы общественного разделения труда *делают* членов феодального общества сначала независимыми частными производителями, *превращая* их затем в новый общественный класс – класс предпринимателей-капиталистов; и именно это же самое разделение труда, продолжает Маркс, *делает* в то же время независимыми от них самих весь реальный процесс общественного производства и их собственные отношения в этом процессе, *порождая* тем самым совершенно новый тип общественных связей, которых раньше не было.

А вот как разъясняет этот же принципиально важный момент, составляющий самую суть материалистического понимания

⁹ Как видим, Маркс совсем не случайно называл их вслед за Гегелем «*объективными мыслительными формами* для производственных отношений данного исторически определённого общественного способа производства ...» (курсив наш – Т. Рагозина) [3, с. 86].

истории, Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Говоря о тех же самых «*membra disjuncta* [разрозненных членах]» современного ему капиталистического «общественно-производственного организма» – о буржуазии и пролетариате – он характеризует их как закономерный продукт и результат, обусловленный рядом смен, произошедших в *способах организации труда*: «Оба эти класса развились благодаря переходу сначала от *цехового ремесла к мануфактуре, а затем от мануфактуры к крупной промышленности*, вооружённой паром и машинами. На известной ступени развития, пущенные в ход буржуазией новые производительные силы – *прежде всего разделение труда и соединение в одном общем мануфактурном предприятии многих частичных рабочих* – и разvíвшися благодаря им условия и потребности обмена стали несовместимыми с существующим, исторически унаследованным и освящённым законом строем производства, то есть с цеховыми ... привилегиями <...>, свойственными феодальному общественному строю. *В лице своей представительницы, буржуазии, производительные силы восстали против строя производства, представленного феодальными землевладельцами и цеховыми мастерами*. Исход борьбы известен. Феодальные оковы были разбиты...» (курсив наш – Т. Рагозина) [1, с. 309].

Этот фрагмент содержит сразу несколько примечательных моментов, имеющих первостепенное значение для рассматриваемой нами проблемы субъекта истории. Дело в том, что *цеховое ремесло, мануфактура, крупная промышленность*, будучи последовательными этапами в процессе становления капиталистического способа производства, отличаются друг от друга не только и не столько техническими средствами труда (хотя и это имеет место), сколько тем, что они – суть *разные способы организации труда, разные способы его разделения*. Поскольку они значительно способствуют росту производительности труда и эффективности общественного производства в целом, постольку они тоже предстают как *реальные производительные силы общества*, существующие вместе и наряду с такими производительными силами, как люди и средства производства. Однако от последних *формы разделения труда* существенно отличаются тем, что они, во-1-х, носят «*чувственно-сверхчувственный характер*» (К. Маркс) и, во-2-х, в качестве производительных сил производят не предметы и вещи, а со-

вершенно особый продукт – саму *форму общества*, ту или иную *форму социальной связи и зависимости людей друг от друга*.

В «Людвиге Фейербахе...» Энгельс буквально «на пальцах» пытается разъяснить, что *не буржуазия* сама по себе является субъектом, определяющим ход истории, а куда более могущественные, объективные надличностные силы – *мануфактура* как особый способ разделения труда (в виде соединения в одном общем мануфактурном предприятии многих частичных рабочих) и *крупное машинное производство* как более развитая форма разделения труда, превратившая частичного рабочего в придаток машины. Именно они, эти последовательно сменяющие друг друга *формы организации труда*, будучи силами *социоморфными* по самой своей сути и по характеру производимых ими продуктов, «восстали против строя производства, представленного феодальными землевладельцами и цеховыми мастерами» [1, с. 309]. Буржуазия же явилась всего-навсего их *представительницей*, посредством которой и *в лице которой* эти социоморфные силы обусловили динамику всех общественных изменений.

Именно они – эти надличностные, социоморфные силы, свершив свой исторический приговор относительно существования класса феодальных землевладельцев и цеховых мастеров, не только предопределили их уход с исторической сцены и отмирание соответствующих общественных отношений, но и в лице всё той же своей представительницы – буржуазии – утвердили *капитал* как новую объективно-целесообразную и, следовательно, *объективно-разумную форму организации* общественного производства, то есть – новую *форму общества*, которая в виде сложившейся системы отношений выступает на каждом последующем витке развития уже в качестве некоей «априорной реальной формы» – как некий «*объективный субъект*» [6, с. 137], подчиняющийся всеобщему закону своего движения все без исключения явления общественной жизни, в том числе – и наделённые им свойством *субъектности* свои собственные модусы, представленные индивидами, социальными группами, классами, партиями, этно-национальными и государственными образованиями.

Труд как целостный «общественно-производственный организм», производящий *общество* (в виде системы разделения труда и, соответственно – в виде системы универсальной связи и зависимости всех сфер общественной жизни друг от друга), является под-

линым *субъектом истории* потому, что он же одновременно является её *основой*, – словом, поскольку он есть, говоря словами Э. В. Ильенкова, «... "субстанция-субъект", т.е. активная причина всех своих формообразований, не нуждающаяся поэтому в формировании извне, вне её и независимо от неё существующим деятельным субъектом...» [13, с. 153], в то время как субъект в обыденном смысле слова, «... субъект, наделённый сознанием и волей, т.е. личность, тут понимается как модус той же самой всеобщей субстанции, как способ её саморазличения, как её представитель, и лишь постольку – как субъект» [13, с. 153].

Здесь пролегает тонкая грань, не позволяющая затушевать принципиальное различие, существующее между двумя ипостасями *субъектности*, как правило, упускаемое из виду эмпирическим сознанием. Различие состоит в том, что *труд* как процесс производства общественной жизни (и его адекватная форма-репрезентант – *общество* в виде системы разделения труда / системы универсальной связи и зависимости) *может быть субстанцией-субъектом* (причиной всех своих изменений), не нуждающимся ни в каком ином созидающем его извне деятельном субъекте, сам в действительности являя собой *тождество объекта и субъекта*, а индивиды, группы, классы и прочие более сложные и крупные образования таковой субстанцией-субъектом *не являются*, поскольку не являются источником и причиной своих изменений.

Эти последние, в силу указанных отличий, в определённом смысле хотя всё же и являются субъектами, но с оговоркой, а именно: они существуют в эмпирической истории как *особенные модификации* субстанциального субъекта, как *формы превращённые*, производные от истинного субъекта истории, то есть – от труда как объективного естественнoисторического процесса производства всей общественной жизни, всегда остающегося тождественным самому себе.

Поэтому ни стихийно складывающиеся этносы и нации, ни самосознающие себя индивиды с их объединениями в группы, классы и политические партии, ни возвышающиеся над всеми ними государство (кажущееся эдаким всемогущим *Левиафаном*), ни транснациональные корпорации с их финансовой мощью и претензией определять контуры грядущего мира и смотреть на историю как на «*свой проект*» – никто из них, по большому счёту, не явля-

ется подлинным субъектом истории. *Труд и формы его разделения* – вот та скромная обитель, где на самом деле скрыта «хитрость мирового разума», незримо вершащая судьбы истории. *Труд и формы его разделения* – вот та неустанно совершаемая днём и ночью деятельность, которая прорывает в недрах истории невидимые подземные ходы и которая полтора столетия назад заставила одного из самых пронизательных мыслителей всех времён усмотреть в *глубинной динамике труда* всеобщий принцип объяснения истории и сделать восторженное признание: «Ты хорошо роешь, старый крот!» [14, с. 205].

Знаменитое выражение Маркса «Ты хорошо роешь, старый крот!», сделанное им в работе «18 брюмера Луи Бонапарта», которая, если вспомнить оценку Энгельса, является «... в особенности великолепным образцом ... применения» теории исторического процесса, – отнюдь не единственный случай использования философами шекспировского образа *крота*. Именно этот же образ *крота* использовал и Гегель, только у него в качестве крота всемирной истории выступал, как известно, *мировой дух*.

Как видим, суть материалистического понимания истории, начиная с «Немецкой идеологии» и заканчивая «Письмами об историческом материализме» Энгельса 1894 г., заключалась в принципиально новом для философской мысли понимании диалектики истории, которую и Маркс, и Энгельс усмотрели в саморазвивающейся системе общественного разделения труда.

Системообразующим основанием этой системы выступает **а)** сам живой процесс труда, структурными элементами и звеньями которого, с одной стороны, выступает **б)** объективно складывающееся в ходе совместной деятельности людей определённое *разделение труда* – та самая социальная форма связи индивидов, которая обуславливает функции и характер действий каждого из них и которая в силу этого с необходимостью господствует над ними в качестве некоей безликой «*социальной силы*», и, с другой стороны – **в)** индивиды, каждый из которых хотя и «... преследует свои собственные, сознательно поставленные цели» [1, с. 306], тем не менее, действует в рамках определённых исторических условий, будучи вынужденным считаться с этой самой «социальной силой» – системой общественно-разделённого труда.

Вот он, принципиально иной ответ исторического материализма на старую проблему, осознанно артикулированную ещё фи-

лософией Просвещения и приобретающую вид антитезы «человек и его сознательная деятельность – с одной стороны, среда, воспитание, обстоятельства – с другой», ставшей выражением теоретических попыток понять, какая же из сторон является приматом-носителем сущности исторического развития.

В том-то всё и дело, что ни сам по себе человек (или пусть даже этносы, нации, классы и прочие социальные группы), ни сама по себе надындивидуальная «социальная сила» в виде совокупности общественных отношений и обстоятельств, взятые в своей отдельности, ещё не образуют жизнеспособный, саморазвивающийся «общественный организм».

Труд и формы его разделения, являя собой органическую сращённость форм общественных связей и отношений, этой безличной «социальной силы» с человеческими индивидами, преследующими свои сознательные цели и интересы, – только он и есть та искомая саморазвивающаяся система, которая представляет собой действительную *субстанцию-субъект истории*, образующую её объективно существующую саморазвивающуюся основу.

Эти систематически развитые и обоснованные Ф. Энгельсом ключевые положения материалистического понимания истории не оставляют места никаким сомнениям и скепсису относительно той колоссальной роли и того огромного вклада в развитие философии марксизма, которые связаны с именем Фридриха Энгельса.

Список литературы

1. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / К. Маркс, Ф. Энгельс. Полн. Собр. Соч. Т. 21. – С. 269-317.
2. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / К. Маркс, Ф. Энгельс. Полн. Собр. Соч. Т. 20. – С. 5-338.
3. Энгельс, Ф. Похороны Карла Маркса / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 19. – С. 350-352.
4. Энгельс, Ф. Письмо Йозефу Блоху, 21 [-22]сентября 1890 / К. Маркс, Ф. Энгельс. Полн. Собр. Соч. Т. 37. – С. 393-397.
5. Малахов, В. Неудобства с идентичностью / В. Малахов // В кн. Малахов В. "Скромное обаяние расизма" и другие статьи. – М.: Модест Колеров и "Дом интеллектуальной книги", 2001. – 176 с.
6. Лифшиц, Мих. Дух и его действительность. 1974 г. / М. Лифшиц. О Гегеле. – М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2012. – С. 127-151.
7. Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М., 1955. – Т. 3. – С. 7-544.

8. Туровский, М. Б. Философские основания культурологии / М. Б. Туровский. – М. : РОССПЭН, 1997. – 440 с.
9. Рагозина, Т. Э. Проблема «бездомности человека в мире» в зеркале негативной диалектики исторического развития / Т. Э. Рагозина // Культура и цивилизация (Донецк). Научный журнал. – ГОУ ВПО «ДонНТУ». – Донецк, 2018. – Выпуск № 2 (8). – С. 20-27.
10. Рагозина Т. Э. Возможна ли теория культуры на основе «личностного монизма истории»? / Культура и цивилизация (Донецк). Научный журнал. – ГОУ ВПО «ДонНТУ». – Донецк, 2019. – Выпуск № 1 (9). – С. 17-27.
11. Энгельс, Ф. Письмо В. Боргиусу, 25 января 1894 / К. Маркс, Ф. Энгельс. Полн. Собр. Соч. Т. 39. – С. 174-177.
12. Маркс, К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 23. – 907 с.
13. Ильенков, Э. В. Субстанция / Э. В. Ильенков ; Философская энциклопедия // гл ред. Ф.В. Константинов. – М.: «Советская энциклопедия», 1970. – Т.5. Сигнальные системы – Яшты. – С. 151-154.
14. Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1957. – Т. 8. – 705 с.

T. E. Ragozina

(Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: tatyana.ragozina@list.ru

**ABOUT GENIUS AND TALENTS:
THE PROBLEM OF THE SUBJECT OF HISTORY
IN THE WORKS OF F. ENGELS**

***Annotation.** The article is devoted to the analysis of the theoretical contribution of F. Engels to the development and systematization of the historical concept of Marxism. Based on the works of F. Engels, the author shows the significance and role of the theoretical provisions of F. Engels, thanks to which the materialistic understanding of history acquired the status of a systematically stated and grounded doctrine.*

***Key words:** substance-subject of historical development, objective subject of history, social force, labor, social division of labor.*

130.2

В. И. Галко

(к. экон. наук)

Университет рабочих корреспондентов Фонда Рабочей Академии
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)E-mail: univer.rabkor@mail.ru**Ф. ЭНГЕЛЬС О ПОНЯТИИ
СОВОКУПНОГО КАПИТАЛИСТА**

***Аннотация.** В статье рассматривается развитие Ф. Энгельсом понятия совокупного капиталиста, под которым понимается буржуазное государство. Государственная собственность на средства производства в условиях капитализма есть собственность всего класса капиталистов. В статье поддерживается позиция, что после 1961 года в СССР государственная собственность перестала быть формой общественной собственности на средства производства.*

***Ключевые слова.** Капитал, капиталист, совокупный капиталист, государство, государственная собственность на средства производства.*

Капитал – одно из ключевых понятий капиталистического производства. Вырастая из товара – элементарной клеточки капитализма, капитал определяет себя как самовозрастающую стоимость, или стоимость, приносящую прибавочную стоимость. Каждый отдельный капиталист – представитель капитала, олицетворение капитала, и если брать точное определение – персонифицированный капитал.

Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» развивает понятие капитала, данное К. Марксом в «Капитале», что связано с функциями и действиями государства по поддержанию условий производства, а также отражает объективный процесс развития капитализма, концентрации и централизации капитала, все большего выхода буржуазного государства на экономическую арену.

Современное государство, пишет Энгельс, «какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист». [1, с. 290]. То есть, рассматривая капиталистическое производство, следует различать индивидуальных капиталистов и совокупного капиталиста в лице буржуазного государства.

Государство – орган политической надстройки, это машина в руках господствующего класса для сохранения и удержания своего господства. По видимости буржуазное государство представляет интересы всего общества, по сути – это орган господствующего класса. Государство выражает интересы класса капиталистов в целом. При этом государство «поправляет» отдельных представителей своего класса, может посадить в тюрьму зарвавшихся капиталистов и пр.

Переход части собственности на средства производства в условиях капитализма в руки государства не означает, что государственная собственность становится общественной собственностью. Государственная собственность при капитализме – это общая собственность класса буржуазии. Так, максимальная оценка доли госпредприятий в экономике России - 70% [2]. Удельный вес организаций государственной и с долей государственной собственности в объеме промышленного производства Беларуси составляет 73,3 % [3, с. 11]. При этом и Россия, и Беларусь – вполне капиталистические страны.

Более того, возможный переход всей собственности на средства производства в руки буржуазного государства ни в коей мере не будет означать конца капиталистических отношений. Наоборот, это будет свидетельствовать о полном превращении государства в совокупного капиталиста. Говоря о буржуазном государстве, Энгельс отмечает: «Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются». [1, с. 290].

Совокупного капиталиста в современном буржуазном обществе представляют высшие должностные лица, парламентарии, чиновники. Механизмы осуществления государством, его органами и представителями интересов класса буржуазии раскрыты, в частности, А. В. Золотовым [4]. В современных условиях депутаты, сенаторы, чиновники, формально выступая от имени народа, фактически тесно связаны с монополистическим капиталом.

Энгельс далее отмечает, что государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта классовых интересов, но содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения. На высшей точке происходит переворот. [1, с.

290]. После победы социалистической революции рабочий класс с помощью государства диктатуры пролетариата приступает к преобразованию экономических отношений – утверждению общественной собственности и строительству социалистической непосредственно общественной экономики.

Общественная собственность на средства производства и непосредственно общественное производство – экономическое основание диктатуры пролетариата. И наоборот, социалистическое непосредственно общественное производство не может существовать и развиваться без диктатуры пролетариата.

Что происходит в случае утраты рабочим классом власти? Вызывает острую дискуссию вопрос переходного периода от коммунизма к капитализму. Тезис о контрреволюционном перевороте в СССР в 1961 году и начале переходного периода от коммунизма к капитализму обосновывает М. В. Попов: «Принятое XXII съездом КПСС в 1961 году решение об отказе в программе партии от диктатуры пролетариата наряду с отказом считать правившую в стране КПСС партией рабочего класса означало, что произошел политический переворот, произошла контрреволюция, и государство в СССР из государства рабочего класса превратилось в свою противоположность – государство диктатуры буржуазии» [5, с. 11].

После изменения сущности социалистического государства на противоположную, государственную собственность уже нельзя назвать общественной. Получили ситуацию, когда собственность осталась по внешней форме государственной, но перестала быть общественной. Собственником бывших общественных средств производства стало государство диктатуры буржуазии.

Государство, как отмечал Энгельс, необходимо господствующему классу для поддержания внешних условий производства, в особенности для насильственного удержания эксплуатируемого класса в определяемых данным способом производства условиях подавления [1, с. 291 – 292]. После контрреволюционного переворота в СССР государство, в соответствии со своей сущностью как государство диктатуры буржуазии, взяло курс на реставрацию капиталистических отношений. Оно выступило орудием уничтожения социалистических производственных отношений и восстановления условий эксплуатации. До поры и времени этот процесс прикрывался коммунистической фразеологией. Причем чем глубже

и интенсивнее шел процесс уничтожения социализма, тем больше произносилось здравниц и клятв верности марксизму-ленинизму.

В октябре 1961 года произошел разворот на 180 градусов, и началось движение назад, в капитализм. Экономика по внешней видимости ещё выглядела как единая монополия, но уже ставшая работать не в интересах всего общества, а его части (и поэтому единой её уже нельзя назвать). Можно говорить о единой монополии условно, только в том смысле, что собственником средств производства стал совокупный капиталист – государство диктатуры буржуазии.

В переходный период от коммунизма к капитализму уже не рабочий класс, а совокупный капиталист стал распоряжаться прибавочным продуктом. И распоряжался не с целью обеспечения полного благосостояния и всестороннего развития всех членов общества (или уничтожения классов). Наоборот, пошёл процесс усиления классовых различий. Остановилось сокращение рабочего дня как главное условие увеличения свободного времени для всестороннего развития всех членов общества. Участие трудящихся в управлении стало формальным и было низведено до уровня контроля, что допустимо и при капитализме. Что касается удовлетворения материальных и духовных потребностей населения, то в известной мере это происходит и при капитализме, поскольку он также есть форма развития производительных сил.

В ходе экономической реформы 1965 года государство диктатуры буржуазии сделало прибыль и рентабельность целью предприятий. Это означает, что в экономику были внедрены показатели, адекватные цели капиталистического производства и противоположные цели социалистического непосредственно общественно-го производства.

Юридическое оформление в частную собственность отдельных лиц части средств производства стало лишь делом времени. Этот процесс был завершён в России в результате приватизации начала 90-х годов прошлого века. Окончанием переходного периода можно назвать тот момент, когда конкретные физические лица юридически оформили свои притязания на куски теперь уже бывшей общественной собственности. Все стало на свои места, как в других капиталистических странах – и частнокапиталистический сектор, и мелкотоварный сектор, и государственный сектор. По

факту сегодня имеется не только совокупный капиталист, но и индивидуальные капиталисты – владельцы заводов, газет, пароходов.

Кто представлял совокупного капиталиста в переходный период от коммунизма к капитализму? Те, кто управляли средствами производства, но уже не в общественных интересах, а в интересах этой группы лиц (от имени народа и якобы в интересах народа), кто принимали решения по уничтожению социализма и протаскивали их в жизнь, кто присваивали себе результаты труда рабочих. Это те чиновники, которых называли партийно-государственной номенклатурой. Государственной – потому что государство есть аппарат принуждения и проведения классовых интересов. Партийной – потому что КПСС была правящей партией, и государственный аппарат проводил в жизнь партийные решения.

Вся махина системы управления, все ее представители-управленцы вынуждены были исполнять партийные и государственные решения. Тех, кто не выполнял или выступал против решений партии и государства (возможно такие были), выкидывали из партийно-государственного аппарата.

Выполнив в переходный период задачу реставрации капиталистических отношений, совокупный капиталист сегодня в России сконцентрировался, говоря словами Ф. Энгельса, на насильственном удержании эксплуатируемого класса в определяемых данным способом производства условиях подавления и на эксплуатации рабочего класса. Поэтому перед современным рабочим классом России стоит задача совершения переворота в капиталистическом способе производства и строительства нового общества без классов.

Список литературы

1. Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. – Изд. 2-ое. – М.: Политиздат. 1961. - Т. 20. - С. 1-338.
2. Ведомости, 6 мая 2019 г.
3. Статистический бюллетень: Основные показатели деятельности организаций государственного сектора за январь - декабрь 2019 года.- Минск. 2020. - 123 с.
4. Золотов А. В. Экономическое саморегулирование / ННГУ, Н. Новгород: изд-во Нижегородского ун-та, 1992, 137 с.
5. Попов М. В. Контрреволюция в СССР / The scientific heritage. 2019. № 40.

V. I. Galko

(Candidate of economic sciences)

University of working correspondents of the Fund of Working Academy
(Saint-Petersburg, Russian Federation)

E-mail: univer.rabkor@mail.ru

Annotation. *The article deals with the development of F. Engels ' concept of the aggregate capitalist, which is understood as the bourgeois state. State ownership of the means of production under capitalist conditions is the property of the entire capitalist class. The article supports the position that after 1961 in the USSR, state ownership ceased to be a form of public ownership of the means of production.*

Key words. *Capital, capitalist, aggregate capitalist, state, state ownership of the means of production.*

УДК 101.8

Е. С. Глушко

(к. эконом. наук, доцент)

Автомобильно-дорожный институт,
Донецкий национальный технический университет
(г. Горловка, Донецкая Народная Республика)

E-mail: ketkop@mail.ru

ТЕОРИЯ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ Ф. ЭНГЕЛЬСА

***Аннотация.** В статье проводится анализ одного из трудов Ф. Энгельса о сущности рода, где он уточняет концептуально-понятийный аппарат диалектико-материалистической теории исторического процесса. Рассмотрены проблемы понимания данной теории разными философами в конкретных временных рамках. Доказана важность проведенных исследований Ф. Энгельса для развития общества в целом.*

***Ключевые слова:** род, семья, государство, родоплеменные отношения, общественно-экономические формации, классово-антагонистическое общество, производительные силы.*

Книга Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» занимает особое место в разработке марксистской теории исторического процесса. Основоположники марксизма, делая акцент в основных опубликованных работах на актуальнейших проблемах своего времени – анализе сущности капиталистической общественно-экономической формации, выработке основ стратегии и тактики борьбы пролетариата за социалистическую революцию, предвидении важнейших принципов будущего коммунистического общества, в них лишь попутно касались вопросов древней истории человечества, главным образом в контексте рассмотрения предыстории современного им общественного развития. Вместе с тем известно, что К. Маркс много лет готовился к написанию капитального труда, где предполагал специально исследовать разложение родо-племенного и генезис классово-антагонистического общества. Тем более, что в конце 70-х годов исторической наукой был накоплен огромный новый материал, касающийся как изучения народов, задержавшихся в силу исторической изоляции и экстремальных природных условий на различных

этапах первобытнообщинной формации, так и ее реликтовых институтов в странах, где капитализм уже появился, но высших для того времени форм развития не достиг.

Необходимо отметить, что исследованием произведений Ф. Энгельса и К. Маркса посвящены работы многих ученых философов, а именно: А. А. Коряковцева, К. Н. Любутина, В. Ж. Келле и др. Однако, работа «Происхождение семьи, частной собственности и государства» не получило у них должного внимания.

Целью статьи является рассмотрение теории докапиталистических формаций в ряду произведений классиков марксизма-ленинизма сквозь призму основных трудов титанов данной доктрины.

Книга Энгельса – специальное и потому наиболее обстоятельное в классической марксистско-ленинской литературе исследование закономерностей развития первобытного и раннеклассового общества. Вместе с тем она составляет органическую часть теоретического наследия основоположников диалектического и исторического материализма. Так, с первой совместной рукописью Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» Марксов конспект книги «Древнее общество» и работа Энгельса перекликаются тем, что в основе всех трех произведений лежит стремление выявить различные диалектически связанные аспекты древнего общества, социальной субстанцией которого выступало материальное производство средств к жизни и прежде всего – орудий труда. На фундаменте развития производительных сил и общественного разделения труда осуществляется производство самого человека, как собственность и власть, обуславливающих воспроизводство потребности в труде и самой материалистической связи людей друг с другом.

Исключительно важна в методологическом и историко-философском плане проблема места «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [1] в научном творчестве основоположников марксизма. Например, нередко в литературе ставится вопрос о том, что Энгельс в названном произведении по сути дела исключил из поля зрения в качестве объекта исторического исследования народы Востока, а также феномен специфических базисных и надстроечных структур, известных в науке как «азиатский способ производства». Некоторые авторы ставят эту проблему еще резче: не означает ли отсутствие в «Происхождение семьи,

частной собственности и государства» восточных сюжетов молчаливый отказ Энгельса от попытки теоретической реконструкции процесса создания экономических и политических предпосылок складывания классовых антагонизмов, предпринятой им в «Анти-Дюринге».

Например, голландский ученый Лоуренс Крэдер, исходя из посылки, что в «Анти-Дюринге» преобладал ретроспективно-хронологический подход к материалу, в то время как в «Происхождение семьи, частной собственности и государства» – перспективно-типологический, делает вызывающий принципиальные возражения вывод о том, что метод, разработанный в последней книге Энгельса, якобы противоположен методу, использованному им прежде в «Анти-Дюринге».

Но ведь в «Анти-Дюринге» не содержится каких-либо идей, принципиально несовместимых с концепцией, развиваемой в «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Долее того, это взаимодополняющие друг друга сюжеты. Другое дело, что не совпадает предмет исследования. В первом случае Энгельс делает акцент на диалектической взаимосвязи противоположных тенденций разложения первобытнообщинной формации на древнем Востоке и древней Греции, во втором – на столкновении классов в греко-римском мире и у древних германцев [2, с. 7].

Вряд ли правомерно видеть в таком повороте тематики отказа Энгельса от своих прежних взглядов. Речь должна идти лишь об изменении угла зрения, исследовательской позиции, о выборе других граней объективного исторического процесса, о перенесении внимания на другие его аспекты и стадии.

Многое может объяснить и различный жанр названных работ Энгельса, сравнительный анализ обстоятельств, послуживших поводом к их написанию, и непосредственно из этого вытекающего различия теоретических и идеологических задач обеих книг Энгельса.

И, наконец, время, разделяющее период написания соответствующих разделов «Анти-Дюринга» (1877) и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1891), было периодом бурного развития исторической науки в значительной мере под влиянием того импульса, каким стало для нее растущее влияние диалектико-материалистического понимания истории. В тоже вре-

мя (нередко под влиянием политической проблематики) внимание исследователей после открытия Г. Маурером в Германии реликтов общины, считавшейся до этого социальным феноменом, присущим лишь Востоку, вновь стало перемещаться к европейским сюжетам.

В содержательном плане главное заключается в том, что в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс выявляет диалектику смены первобытнообщинной формации классово-антагонистическим обществом прежде всего со стороны разложения первобытнообщинного строя. Именно эту объективную стадию всемирно-исторического по своему характеру процесса перехода человечества к классовым антагонизмам по существу игнорировал Е. Дюринг. Естественно, в центре внимания Энгельса оказались цивилизации древнего Востока и древней Греции. Напротив, в «Происхождение семьи, частной собственности и государства», как следует уже из самого названия, основным предметом исследования выступает процесс генезиса собственно классовых антагонизмов.

Соответственно, акцент, сделанный Энгельсом в «Происхождение семьи, частной собственности и государства» на анализ наиболее «чистых» форм и вариантов их становления, напоминает выбор Марксом Англии в качестве наиболее подходящего классического объекта изучения генезиса капитализма. Что же касается сопоставления соответствующих сюжетов в «Анти-Дюринге» (преимущественно восточных) и в «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (почти исключительно западных), то в первом случае Энгельс сделал упор на экономические закономерности разложения первобытнообщинной формации (критикуя дюрингианскую «теорию насилия»), а во втором – на диалектику генезиса частной собственности и государства как основы классово-антагонистического общества.

Те тенденции социально-экономической и политической эволюции – становление моногамии, частной собственности и государственной власти, логика развития, взаимодействие и стадийное соотношение которых интересовали Энгельса в древневосточных цивилизациях застыли в состоянии вековой летаргии. Они не были сметены нашествиями кочевников, носившими характер политических катаклизмов, и в то же время не получили возможности развертывания своих некогда прогрессивных потенциалов. На данном витке истории человечества – в период среднего и тем более выс-

шего варварства – ее эпицентр переместился в южную и западную Европу, так же как реликты предшествующих ступеней эволюции древнего общества сохранились на американском континенте, в Австралии и на островах южных морей. Ведь главным для Энгельса было не описание истории культуры, а логика и научная классификация стадий, ступеней, закономерных этапов социально-экономического развития древнего человечества [3, с. 116].

Наконец, написанием своей книги Энгельс как бы передал эстафету новому поколению марксистов. В частности, в 1893 г. (после перевода им в 1888 г. На русский язык «Манифеста Коммунистической партии» и изучения «Капитала») с «Происхождением семьи, частной собственности и государства» еще при жизни автора знакомится переехавший в Петербург 23-летний В. И. Ленин.

Именно в этот период в России с резкой и едкой критикой марксизма выступил идеолог русского либерального народничества Н. К. Михайловский. Его «претензии» к теоретическому наследию основоположников научного социализма начинались с того, что Маркс изучил только капитализм (причем западноевропейский) и создал теорию развития только буржуазного общества, непригодную, следовательно, для стран и народов, сохранивших первичные формы социально-экономических отношений типа русской общины.

В 1894 г. В. И. Ленин, который к этому времени не только глубоко изучил, но и перевел на русский язык особенно заинтересовавшие его фрагменты «Происхождения семьи, частной собственности и государства», в своей новой книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» дал принципиальную критику «критики» Михайловского и высоко оценил методологическое и теоретическое значение книг Энгельса для развития исторического материализма. Ленин убедительно аргументировал универсальный всемирно-исторический характер марксистского учения об обществе. Он также показал полную несостоятельность попыток вульгарно-примитивного отождествления сферы применимости его вывода и открытых им закономерностей с пространственно-временной локализацией объекта и места проведения Маркосом и Энгельсом своих исследований, т. е. с Западной Европой середины и второй половины XIX в.

Прежде, поясняет В. И. Ленин, недостаток фактических дан-

ных не позволял применить разработанное Марксом диалектико-материалистическое понимание истории к анализу некоторых важнейших явлений древнейшей истории Европы, например, гентильной (родовой) организации, которая в силу этого и оставалась загадкой.

В последующих работах В. И. Ленин неоднократно вновь обращался к «Происхождению семьи, частной собственности и государства». В частности, он использовал значительные фрагменты из этой книги, характеризующие признаки и исторические переходящий характер государства, в работе «Государство и революция» (1917 г.), а в своей лекции «О государстве» (1919 г.) призвал слушателей к кропотливому изучению указанного произведения Энгельса как «одного из сочинений современного социализма».

Книга Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государство» – важный вклад в дело обоснования и дальнейшего развития марксизма. Обобщение и критическое истолкование новейших по тем временам этнографических исследований позволили великому соратнику Маркса сделать на этом материале важные теоретические и политические выводы, существенно дополнить, детализировать и конкретизировать разработанную им совместно с Марксом целостную концепцию всемирной истории и наряду с этим дать убедительное опровержение многих догм буржуазной науки, в частности представлений об изначальности патриархальной семьи, частной собственности, государственной власти, социального неравенства, эксплуатации, угнетения.

Таким образом, труд Энгельса содержит глубоко и разносторонне аргументированное диалектико-материалистическое объяснение истории человечества на ранних этапах его развития, включая обстоятельную характеристику экономических предпосылок и исторических условий развертывания процессов возникновения моногамии, частной собственности, государства в результате развития производства и общественного разделения труда, обусловивших разложение родоплеменного строя, имущественную дифференциацию, социальные антагонизмы.

Список литературы

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс. – М.: Потидиздат, 1986. – 239 с.
2. Коряковцев А. А. Диалектика как проблема классического марксизма / А. А. Коряковцев, К. Н. Любутин // Научный ежегодник. – 2015. – №15 – С. 7-11.
3. Келле В. Ж. Принцип историзма в познании социальных явлений / В. Ж. Келле. – М.: Издательский дом «Гуманитарий», 2013. – 291 с.

Y. S. Glushko

(Candidate of Economic Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Gorlovka, Donetsk People's Republic)

E-mail: ketkop@mail.ru

F. ENGELS' THEORY OF PRECAPITAL FORMATIONS

***Annotation.** The article analyzes one of the works of F. Engels on the essence of the genus, where he clarifies the conceptual and conceptual apparatus of the dialectical-materialist theory of the historical process. The problems of understanding this theory by different philosophers in a specific period are considered. The importance of the research carried out by F. Engels for the development of society as a whole has been proved.*

***Key words:** clan, family, state, tribal relations, socio-economic formations, class-antagonistic society, productive forces.*

УДК 101.8

М. А. Иванов

(студент 2 курса магистратуры)

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

(г. Белгород, Российская Федерация)

E-mail: ivanovmaxim965@gmail.com

ПИСЬМА ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ ЭНГЕЛЬСА КАК ОБРАЗЕЦ КРИТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕДУКЦИОНИЗМА

***Аннотация.** В статье рассмотрена критика Ф. Энгельсом упрощения материалистического понимания истории с целью выявления актуальных моментов данной критики. Дана характеристика развития и специфики материалистического понимания истории, выявлены наиболее важные сегменты в критике Энгельса; осуществлен сравнительный анализ материалистического и идеалистического понимания истории. Доказана релевантность тезисов Энгельса, обусловленная сохранением фундаментального разделения труда на умственный и физический.*

***Ключевые слова:** исторический материализм, материалистическая диалектика, монизм, исторические процессы, философия, критика, идеология.*

Сохранение противоположности материализма и идеализма, в силу существования объективной основы такого разделения – умственного и физического труда, ведёт к непримиримой теоретической борьбе. Научным пониманием истории является только материалистическое понимание истории, и это доказывается в том числе не только рядом работ классиков марксизма-ленинизма и выдающимися представителями советской науки, но и посредством исторической практики первого опыта построения социалистического государства, несмотря на весь современный кризис левого движения. Борьба с историческим материализмом ведется в русле обвинения его в экономическом редукционизме, неэвристичности, и актуализируется даже сейчас, несмотря на отсутствие видимой социалистической угрозы капитализму. Именно поэтому рассмотрение основных идей Энгельса в данной работе является чрезвычайно важным и сегодня для развития в современных условиях ма-

териалистического понимания истории, в том числе – для критики действительных устремлений к «экономизму» в сфере марксистской философии и нападок «извне». Целью данной работы является определение актуальных моментов критики экономического редукционизма Энгельсом в «Письмах об историческом материализме».

Согласно историческому материализму, фундаментом, основой понимания и действительного общественного развития являются производительные силы и производственные отношения, и не просто эти две категории, но их тесная взаимосвязь, диалектическое взаимодействие, развитие через *противоречие*. Маркс и Энгельс подчеркивали важность производственного отношения к природе, совершающегося посредством общественных отношений производства. Общество, выйдя из недр природы, стало развиваться на собственной основе, включая в себя природу, изменяя ее, но при этом находясь с ней в тесной связи. Более детально, в рамках становления новой науки, эти положения были развиты в «Немецкой идеологии», написанной Марксом и Энгельсом.

Иными словами, существенным является то, что общество имеет объективную основу своего развития, так как природа, будучи включенной в общественные производительные силы, *независима* от воли и сознания людей, и вследствие этого на начальных этапах развития общества и в период классово-антагонистического развития общества господствует *непознанная необходимость*, подчиненность людей природным законам и незрелым (созревающим) законам общественного развития, социальной формы движения материи. Каким образом производственные отношения складываются при своем развитии посредством деятельности людей, но, при этом, не осознаются? Для того чтобы тратить деньги, к примеру, человеку совсем не обязательно знать, что есть деньги с научной точки зрения; точно так же и капиталисту вполне достаёт его обыденной «здоровой» практики для того, чтобы получать прибыль, насколько не вникая в сущность данного общественного явления.

Итак, люди с необходимостью вступают в материальные отношения, и развитие данных отношений, их складывание, их существование не «проходит» полностью через сознание людей. Парадоксальное, на первый взгляд, положение, было вполне научно исследовано Марксом и Энгельсом. Прежде всего, отметим, что ос-

новоположники материалистического понимания истории критически переосмысливали и перерабатывали научные достижения предшествующих школ, и осмысление гегелевской философии и материалистических воззрений Фейербаха приводило молодого Маркса к формулировке принципиально нового материализма, с учетом роли общественной практики [1, с. 3].

Поскольку подлинно научные, а не вульгарные философские школы, в конечном счете, осмысливали *действительность*, отношение мышления к бытию, постольку оказалось возможным определить рациональные элементы как у немецких идеалистов, так и у материалистов. В обусловленной разделением труда спекулятивной трактовке *объективности* форм общественного сознания у немецкого идеализма и в новом антропологизме Фейербаха заключались подходы к рассмотрению проблем развития мира, истории общества, *но с различных сторон*. Именно это влекло за собой как недостатки, так и преимущества материализма и идеализма в XVIII, первой половине XIX-го века.

Исходя из этого, необходимо сделать вывод об ошибочности упреков в эклектике относительно деятельности Маркса и Энгельса, так как диалектический материализм и материалистическое понимание истории являются критическим развитием наличных научных знаний, а подлинная критика представляет собой одновременно и развитие принципиально нового, с преодолением *заблуждений*, которые являются составной частью становления всякого знания, процесса получения знания – познания, иными словами, говоря языком диалектики, процесс подлинной критики есть снятие (*Aufheben*).

Итак, в философии Гегеля был обнаружен мистифицировано интерпретированный процесс практико-теоретической и теоретико-практической деятельности всего человечества [2, с. 154-155]. Гегелевское понимание от практики – к теории, а затем – обратно, заключалось как раз в противоположном движении (от слова к делу). Причем весь этот процесс, по гегелевскому мировоззрению, заключался в рефлексии Абсолютного духа посредством его инобытия – материи. Однако диалектическое понимание процесса опредмечивания и распредмечивания, пусть и сквозь идеалистическую призму, было дано. Достижение Фейербаха заключается в постулировании необходимости опоры на материю, как на то, что первично, на подчеркивании ошибочности *дуализма*, установления

непреодолимой преграды между сознанием (духом) и материей, в указании важности *природы*.

Возникает еще один закономерный вопрос: неужели вся сложная совокупность общественных отношений (помимо отношений производства) является просто чем-то производным, несущественным, и историю мы можем объяснять только лишь прибегая к редукционизму, подходя с точки зрения чистой экономики? Ответ на этот вопрос потребует анализа трех основных моментов критики Энгельса: свобода воли, сознание и цели людей; причины существования идеологии; материалистическая диалектика и ее важность.

Фридрих Энгельс отмечал: «...Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни*. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. *Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу*. Экономическое положение – это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки...» [3, с. 394] (курсив – наш).

Прежде, чем перейти специально к надстройке, стоит сформулировать новый вопрос: как возможен объективный исторический процесс при деятельности сознательных субъектов, обладающих своей волей, желаниями, целями и устремлениями? Во-1-х, заметим, что поиск научного ответа с необходимостью приводил к осознанию наличия фундаментальной причины исторического процесса.

Именно на основе выбора той или иной школой, теоретическим направлением той или иной основы мы можем определить: является ли понимание истории в их концепциях идеалистическим или материалистическим. Попытка же выработки «нейтрального монизма» в истории (говоря прямо – дуализма), ведет все к тому же, но более опосредованному многочисленными промежуточными звеньями, уклону в идеализм, который заключается либо в оправдании спиритуализма, детерминации развития «Целью исто-

рии», либо же к более иррациональной, упаднической разновидности идеалистического понимания истории, принимающей парадоксальную, на первый взгляд, форму отрицания историзма вообще.

Попытки, к примеру, французских материалистов признать *среду и мнения* одинаково равнозначными в существовании и во взаимодействии приводили к укреплению порочного круга замкнутого суждения, ибо если, по их замечанию, мнения определяются средой, то отсюда же вытекает контраргумент: в истории есть масса примеров, когда именно мнения (конкретнее – идеология) *воздействовала* на среду [4, с. 17]. Образно говоря, в проблеме первичности яйца или курицы можно было лишь заявить, что однозначного ответа здесь нет, а имплицитно наличествует фундаментальная антиномия.

Таковы затруднения, к которым приводит последовательная методологическая метафизика. С точки же зрения диалектики, здесь нет никаких неразрешимых затруднений. Мы начали наши рассуждения с достаточно большой цитаты Энгельса, и краткий исторический экскурс в общих чертах уже заранее дал ответ на этот вопрос, и этот ответ как раз дает нам зрелую основу для понимания всех коллизий развития исторической науки по этому вопросу, ведь рассмотрение с точки зрения зрелой науки дает более глубокое понимание ранних этапов [5, с. 43].

Исходя из посылки, заключающейся в том, что для того, чтобы жить, человечество должно производить общественно, Энгельс отмечает: «Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом, история, как она шла до сих пор, *протекает подобно природному процессу* и подчинена, в сущности, *тем же самым законам движения*. Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, каждый из которых хочет того, к чему его влечет *физическая конституция и внешние, в конечном счете экономические, обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные)*, что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, – из этого все же не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее» [3, с. 396].

Почему человек в конкретную историческую эпоху мыслит так, а не иначе? Почему, к примеру, древний грек мыслил далеко не так, как мыслит грек современный? Человек действует на основе того, из чего ему предоставлен выбор. Именно в конечном счете базис, материальные производственные отношения дают определенный спектр возможностей для действий субъектов, обществ, социальных групп, классов, межклассовых объединений или даже всего общества, при наличии для последнего момента, разумеется, необходимых предпосылок в отношении производства. Вместе с тем, если имеется несвобода, а свобода суть лишь кажущаяся таковой, определенная отрицательно, не как для-себя-бытие, и если необходимость отчуждена и довлеет над человеком, то он может действовать не вполне сознательно. Такая свобода переходит в свое иное, а целеполагание суть не вполне зрелое, тяготеющее к незрелому, ведь цель должна предвосхищать ряд необходимых для ее достижения компонентов, условий (это характерно и для собственно труда) [6, с. 79-80].

Мы рассмотрели первую основную составную часть критики Энгельсом экономического редукционизма. Приступая к характеристике второй части, мы можем сформулировать ее основной вопрос следующим образом: чем обусловлено воспроизведение идеологическими сферами идеалистического понимания истории, которое является одной из сторон критики материалистического понимания истории, и какова связь этого процесса с появлением пресловутого экономического редукционизма.

Энгельс подчеркивает, что разделение труда дает нам понимание всех «казусов» общественной жизни в идеологической сфере, ее генезисе и в обратном влиянии на базис. «Это легче всего понять с точки зрения разделения труда. Общество порождает известные общие функции, без которых оно не может обойтись. Предназначенные для этого люди образуют новую отрасль разделения труда внутри общества. Тем самым они приобретают особые интересы также и по отношению к тем, кто их уполномочил; они становятся самостоятельными по отношению к ним, и – появляется государство» [3, с. 416]. И далее: «Это есть взаимодействие двух неодинаковых сил: с одной стороны, экономического движения, а с другой – новой политической силы, которая стремится к возможно

большей самостоятельности и, раз уже она введена в действие, обладает также и собственным движением» [3, с. 417].

Именно пребывание людей в относительном (а не абсолютном) обособлении своей сферы деятельности от других сфер общественного бытия и обуславливает существование идеологии. «Идеология – это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как речь идет о мыслительном процессе, то он и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления – или из своего собственного, или из мышления своих предшественников» [7, с. 83].

Объективное существование идеального вне сознания отдельного индивида и вводит в заблуждение людей, захваченных умственным трудом. Усваивающий культуру считается с ней как с данностью, и возникает когнитивная погрешность, когда, говоря словами Маркса, посредствующее движение исчезает в своем результате. В классовых обществах это является закономерным. Чрезвычайно разветвленная и сложная опосредованность взаимодействия общественной теории с общественной практикой (с производительным отношением к природе, в конечном счете) и скрывает процесс возникновения, к примеру, понятия, системы понятий, концепций, теорий.

Как отметил Энгельс, такая «болезнь» была характерна и для самой практической науки – политэкономии: «А с тех пор как к этому прибавилась буржуазная иллюзия о вечности и абсолютном совершенстве капиталистического производства, – с этих пор даже "преодоление" меркантилистов физиократами и А. Смитом рассматривается как чистая победа мысли, не как отражение в области мышления изменившихся экономических фактов, а как достигнутое, наконец, истинное понимание неизменно и повсюду существующих фактических условий» [7, с. 83-84].

Ранее мы уже подчеркивали, что разделением труда обусловлена и спекулятивная трактовка объективности форм общественного сознания, и мы можем сделать следующий вывод: идеалистическое понимание истории потенциально приводит к уклону с противоположной стороны, а именно к абсолютизации базиса обще-

ственного развития, и к упущению других сторон общества, к редукционизму экономического толка. Энгельс отмечал, что существенным является не сведение надстройки к базису, а ее *выведение* из последнего. В противном случае марксизм являлся бы совокупностью априорных схем, способных задним числом объяснять что угодно. Общество же есть органическое целое, и разрыв взаимосвязей сторон при отражении объекта исследования является антинаучным *на современном этапе развития истории* как науки. И отсюда мы логически переходим к заключительной стадии.

«Чего всем этим господам не хватает, так это диалектики. Они постоянно видят только здесь причину, там – следствие. Они не видят, что это пустая абстракция, что в действительном мире такие метафизические полярные противоположности существуют только во время кризисов, что весь великий ход развития происходит в форме взаимодействия (хотя взаимодействующие силы очень неравны: экономическое движение среди них является самым сильным, первоначальным, решающим), что здесь нет ничего абсолютного, а все относительно. Для них Гегеля не существовало» [3, с. 420-421].

Именно материалистическая диалектика позволяет органично учитывать все стороны общества, не попадая при этом в порочный круг, поскольку здесь монистический взгляд является материалистическим, а, следовательно, первопричина всегда и во всем учитывается. Даже специальная характеристика политики имеет в качестве подчиненного момента характеристику и учет отношений производства, и это же справедливо в обратном порядке. Точно так же материалистическая переработка метода восхождения от абстрактного к конкретному позволила Марксу устранить разрыв анализа и синтеза, соединить их в новой научной методологии в процессе исследования капиталистического способа производства [5, с. 37-38].

Мы проанализировали три актуальных, по нашему мнению, аспекта критики экономического редукционизма, которые были изложены Энгельсом в частных переписках. Общая характеристика материалистического понимания истории, краткий исторический экскурс, в связи с анализом трех важнейших аспектов, позволяют сделать следующий вывод: антагонистические отношения в классовом обществе неумолимо приводят к партийности философии, и

наиболее ярко она проявляется именно в идеалистическом понимании истории. Именно это делает релевантным разобранные критические замечания Энгельса, в силу чего не является парадоксальным то, что новейшая критика материалистического понимания истории по своей сути является достаточно архаичной, принимающей лишь кажущуюся новизну формы.

При отсутствии специальной характеристики таких концепций мы старались включать их в качестве составных частей объекта критических высказываний Энгельса. Само вскрытие источника такого понимания исторических процессов дает прочную основу для конкретных и детальных критических замечаний. Оппонирование таким концепциям, на наш взгляд, потенциально ведет к возникновению иной крайности: недопустимому упрощению действительно сложного и многогранного исторического процесса. Работы Маркса и Энгельса, напротив, являются классическим образчиком применения научной исторической теории к исследованию конкретных эпох, и именно на такой философии должно основываться дальнейшее исследование истории человечества.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 3. – 629 с.
2. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории / Э. В. Ильенков. – М.: Издательство политической литературы, 1984. – 320 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1965. – Т. 37. – 599 с.
4. Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю / Г. В. Плеханов. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. – 334 с.
5. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). Часть I / К. Маркс. – М.: Издательство политической литературы, 1980. – 564 с.
6. Вазюлин В. А. Логика истории: Вопросы теории и методологии / В. А. Вазюлин. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 384 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1966. – Т. 39. – 713 с.

M. A. Ivanov
(2nd year graduate student)
Belgorod National Research University
(Belgorod, Russian Federation)
E-mail: ivanovmaxim965@gmail.com

**LETTERS ON ENGELS'S HISTORICAL MATERIALISM
AS A SAMPLE OF CRITICISM
ON ECONOMIC REDUCTIONISM**

Abstract. *The article addresses F. Engels's criticism on simplifications of materialist conception of history aiming to discover relevant elements of this criticism. Characteristic of the development and specificity of materialistic conception of history was provided and the most crucial parts in Engels's criticism were revealed; comparative analysis of materialist and idealist conceptions of history was undertaken. Relevance of Engels's theses, determined by the relating fundamental division of labour into mental and physical one, was proven.*

Keywords: *historical materialism, materialist dialectic, monism, historical processes, philosophy, criticism.*

УДК 165.1: 111.1

Б. И. МОЛОДЦОВ

(к. филос. наук, доцент)

Луганский государственный педагогический университет

(г. Луганск, Луганская Народная Республика)

E-mail: mbilg@mail.ru

Ф. ЭНГЕЛЬС: МАТЕРИАЛИЗМ И ЛОГОДИЦЯ

***Аннотация.** В статье посредством логической реконструкции становления понятия бесконечности исследуется вопрос о способности бытия в его бесконечном становлении быть соизмеримым со свободой человека, истиной, нравственной вменяемостью. Делается вывод о том, что логодиця составляет всеобщую формообразующую определённую марксистского мировоззрения.*

***Ключевые слова:** бесконечность потенциальная и актуальная, множественность, беспредельность как основание единения, логодиця.*

Прежде всего о том, что побудило нас к работе над статьёй. Это стремление защитить марксизм от упреков в объективизме, который вполне удовлетворяется тем, что культивируемое им объективно всеобщее (идея), и побеждает и прокладывает себе дорогу только в общем, в единичном же, с точки зрения конечного, всеобщее эфемерно, неуловимо, прерывисто, идеально, лишь идеальное. Да, идеальность определена бытием, зависит от бытия, но где же свобода, разум, деятельность? – задаётся вопросом Мих. А. Лифшиц, в текстах которого автор этих строк находит основание и вдохновение для своих исследований. Ведь всё это очень стеснено, но есть, подчёркивает Лифшиц и указывает на то, что учёт свободы, разума, деятельности в онтологии общественного бытия оказалась задачей, которую его друг и близкий по теоретической позиции автор – Георг Лукач, не смог решить. Да что там Лукач, если даже Энгельса, по словам Лифшица, *можно* истолковать в том смысле, что объективность, как следствие взаимодействия, есть овеществление, образование неконтролируемой субъектом силы, мешающей ему быть самим собой [1, с. 146]. Мы полагаем, что имеется в виду следующее место из письма Энгельса Йозефу Блоху от 21-22 сентября 1890 г.: «Мы делаем нашу историю сами, но, в-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете

решающими ... Во-вторых, история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей ... Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и безвольно. Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел» [2, с. 395 – 396]. Но если, размышляет «обыкновенный марксист» Мих.А. Лифшиц, сущность общественного бытия состоит только в том, что из произвольных актов людей складывается безразличная к требованиям их ума и сердца объективная сила, то человек бездомен в окружающем его мире и ему остаётся только роковая свобода в духе Ницше или в духе экзистенциализма [3, с.148]. «Нет, – подчёркивает Лифшиц, – нужно вывести именно *свободу* из необходимости» [1, с.146]. И в самом деле, ведь известно, что марксизм не терпит эклектики. Но вывести свободу из необходимости возможно в том случае, если сама необходимость, или, говоря иначе, объективность, понимается в качестве имеющей в себе основание для того, чтобы свобода была. И учитывая то, что представления, а впоследствии и понятия о необходимости сформировались из осознания того факта, что всё в мире подчинено бесконечному круговороту бытия и небытия, то имея целью исследовать вопрос о возможности такого понимания необходимости, которое вбирало бы и способность её иметь в себе начало свободы, мы оказываемся перед необходимостью обратиться к истории понимания мыслью этого бесконечного кругооборота.

Прежде всего, на основании исследования известного искусствоведа и философа Мих.А. Лифшица, отметим то, что тема причастности всего конечного (и, конечно же, человека) бесконечности, мало того, ответственности пред бесконечностью, выражает простейший опыт осознания человеком мира и своего положения в нём – она порождает фабулу, составляющую остов древней мифологии [4]. О подверженности того, что выделилось из всего, выравниваемому действию беспредельного говорил Анаксимандр. Для него выделение есть адикция, нарушение правды, и за такую несправедливость все отдельное должно платить остальной природе «виру и пению по приговору времени». Гарантией этого порядка является великий беспорядок – архея, первоначальная сущность, в

которую все возвращается, или «беспредельное», «не знающее границ», то, что комментаторы Анаксимандра поясняют термином – стойхенон, стихия [4, с. 98]. Только в мысли о том, что гарантом выравнивающего действия по отношению ко всякой выделенности выступает беспредельное имеется некоторая непродуманность, а именно: как лишённость может обладать силой действия по отношению к тому, что превзошло её, имея в себе определённую, коей лишённость не обладает; как низшее, более бедное содержанием, может выступать мерилем высшего, не нарушение ли это логоса мироздания?

Нам представляется, что стремление разрешить проблему, вскрытую этим вопросом, привело античную мысль к пониманию того, что Единое (а не «беспредельное»), как гармоничное целостное единение и восполнение всякой выделенности, выступает гарантом выравнивающего действия по отношению к выделенности.

Противопоставление Единого, как гармоничного целостного вида реальности, её простому существованию было характерно для всей античной мысли, но гипертрофированной формы достигло на излёте античности, в неоплатонизме.

Здесь мы позволим себе сослаться на авторитет С.С. Аверинцева, который исследуя европейскую культурную традицию в период перехода от античности к средневековью, отмечает, что для античной мысли понятие Единого (бытия) содержит импликацию «совершенства». Дурное, неустроенное, бесструктурное, бунт вещества против устрояющей его формы есть на языке платонической мысли «не-сущее» («меон») [5]. Из понятия о Едином, чьё бытие вечно происходит разработанное античной мыслью и особенно неоплатониками оправдание космоса: все, что есть, есть лишь в той мере, в которой оно совершенно, несовершенство образует как бы пустоту вокруг вселенского бытия и ни в коей мере не может быть отнесено за счет последнего. Зла в некотором смысле «нет», ибо оно есть лишь как «нетость», как не-полагание соответствующего блага [5]. Отсюда беспредельный онтологический оптимизм – сущее не может выпасть из своего совершенства, и беспокоиться не о чем, некому жаловаться, как некого и благодарить.

Но жизненная серьёзность эпохи поздней античности выражала себя в явлении страдания, понятиях греха и жертвы и с оправданием бытия, как сущего, самосознание эпохи примириться не могло. «Да не будет! – восклицает Августин, – чтобы нам пове-

рить этому... По кругу блуждают нечестивцы; не потому, что их жизнь должна возвращаться па предполагаемые ими круги, но потому, что таков путь их заблуждения, т. е. ложное учение» [5]. Это «Да не будет!» как нельзя лучше выражает острый интерес к теме прорыва определённости сложившимся единством бытия, его отрицания. Мысль задумывается об онтологической значимости отрицания и находит таковую прежде всего в том, что благодаря отрицанию оказывается возможным выход за пределы круговорота ставшего бытия в пространство бесконечно иного и иного бытия. Бесконечность при этом возможно понимать так как её понимал ещё Аристотель – она есть беспредельное движение по конечному и существует потенциально, а не актуально. Это «не то, вне чего ничего нет, – приводит П.П. Гайденок слова Аристотеля, – а то, вне чего всегда есть что-нибудь» [6].

Но в таком случае бесконечность сбывается как множественность, справедливо, на наш взгляд, замечает мыслитель эпохи Возрождения Ник. Кузанский [7]. А множественность предполагает отношение одного и другого, а не только смену (отрицание) одного другим. Тем самым, бесконечная множественность иного и иного предполагает минимум бытия, меньше которого не может быть, т. е. – ограничение отрицания, его определённость, отрицание отрицания. Этим отношением отрицания не только к бытию, но и к самому себе бесконечной множественности полагается возможность становиться актуальным единством. Причём, поскольку бесконечность ни для чего не больше, ни для чего не меньше, ничему не равна, то равенство, отсутствие выделения одного за счёт другого, оказывается беспредельным пределом для единения. Вот как! Бесконечность, даже не имея самостоятельного бытия, то есть, не будучи богом, а становясь собою лишь в развитии, оказывается полагающей для себя и всего объемлемого собою беспредельный предел. Поистине, как отмечает Дж. Бруно, глубокая магия заключается в умении вывести противоположность, предварительно найдя точку объединения. К этому стремился мыслью Аристотель, считая лишение, к которому присоединена известная склонность, за родоначальника, отца и мать формы, но не мог достигнуть этого. Он не сумел к этому прийти, ибо, остановившись в роде противоположения, он задержался таким образом, что, не спускаясь к виду контрарности и утверждая, что контрарности не могут акту-

ально совпасть в одном и том же предмете, он не углубился в познание единства и безразличия постоянной природы и бытия [8]. И поскольку бесконечное единение положено отношением множественности иного и иного к минимуму, меньше которого ничего не может быть, то и осуществляется единение посредством отношений, полагающих порядок, организацию, целостность, возвышающуюся над всякой относительностью. Просто бытие в единении может играть меньшую роль по сравнению с теми всеобщими отношениями, которые оно «несёт». Может быть даже так, что множественность, как простое количество иного и иного, оказывается в одном месте, а единение, как становление, генетическое отношение, – в другом.

Но в наше время ориентация на возвышающееся над всякой относительностью единение нередко отождествляется с «забвением» бытия в угоду его «виду», «идее». В бытии, дескать, нет ни отдельно фиксированных содержаний, ни связей между ними, а есть, как пишет русский философ С.Л. Франк, чьи тексты доступным русскому читателю языком излагают суть иррационализма XX в., лишь некое целостное сплошное единство [9]. Только при таком понимании бытия, человек способен избежать диктата всеобщего в деле вменения своих решений и действий ответственности пред бытием в его бесконечности. Такое возможно в силу способности человека переживать время, когда им, человеком, схватывается предыдущее и последующее как одно и другое, а в промежутке – нечто от них отличное. Способность выделять промежуток в единении предыдущего и последующего позволяет человеку располагать своё сознание вне какого-либо особенного их единения и, обратившись к бесконечно возможному, без посредства какой-либо обосновывающей идеализации, просто перебирая варианты, разведывать возможность единения последующего и предыдущего. Эта позиция далека от какого бы то ни было произвольного позволения всему быть равнозначным. Вот-бытие – выступает здесь основанием истины. Опыт ответствующего пред бесконечностью сознания самоконституируется при этом *действием* медиальной структуры, которая, как пишет Гадамер, отталкивает себя от себя самой как исходной и, двигаясь концентрическими кругами, изменяет свою величину, свои масштабы, выбором вариантов расширения своей базовой непрерывности [10, с. 312]. Но разве в этом случае практика имени дела с бесконечностью и ответствования пред нею не

оказывается практикой отталкивания от стены, или стихии бесконечно возможного, утилитарно эффективного, но безразличного к своему состоянию, к тому имеется ли в таковом максимум или минимум бытия?

Такой оборот дела бросает благоприятный свет на выработанное натурфилософами эпохи Возрождения понимание бесконечности. Оно выражает тот факт, что бытие вообще есть абстракция, полагать модальность для всякой определённости, бытие способно, лишь обретая конкретность формы, логический рельеф и более широко – возвышающееся над всякой относительностью единение. Всякая определённость исключает, всякая направленность оставляет в стороне, никакое «что» не способно вобрать в себя бесконечность, оказываясь чем-то насильственным по отношению к ней как единению. Но насилие в отношении бесконечности субъективирует её, провоцирует её ответный ход в отношении определённости. И в силу того, что это ход бесконечности, его действию нет преград. Разве действие этой сверхсилы не значит, что бытию присущи не только черты объективной необходимости, но и норма свободы? Разве то, что возвышающееся над всякой относительностью единение полагается отсутствием в бесконечности какой-либо выделенности, не говорит о том, что свобода не может быть привилегией, не может служить куском, вырванным из общего пирога?

Вывод. Таким образом, в природе и обществе обнаруживается действие некоего автоматизма, согласно которому субъективные требования людей встречают поддержку (или, наоборот – получают отпор) в самом окружающем мире, что общему ходу истории (включая сюда и историю природы) оказывается присущим некий разумный и, в последнем счёте, гуманный смысл, который мы обычно приписываем свободному выбору человеческого субъекта.

Список литературы

1. Лифшиц Мих.А. Что такое классика? – М. : Издательство «Искусство XXI век», 2004. – 512 с.
2. Энгельс Ф. Письмо к Йозефу Блоху от 21-22 сентября 1890 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2-е. – Т. 37. – С. 393 – 397.
3. Лифшиц Мих.А. О Гегеле. – М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2012. — 304 с.

4. Лифшиц Мих.А. Античный мир, мифология, эстетическое воспитание / Лифшиц Мих.А. Мифология древняя и современная. – М. : Искусство, 1979. – С. 10 – 140.
5. Аверинцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от Античности к Средневековью / Из истории культуры средних веков и Возрождения. – М. : Наука, 1976. – С. 17 – 64. – [электр. ресурс] // Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature3/averintsev-76.htm> – заголовок с экрана
6. Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 528 с.
7. Николай Кузанский. Об учёном незнании / Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / Сост. С.В. Перевезенцев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 448с. – [электр. ресурс]//Режим доступа: http://library.nlu.edu.ua/POLN_TEXT/KOMPLEKS/KURS_1/kurs/10/01_1.htm – заголовок с экрана
8. Бруно Дж. О причине, начале и едином / Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / Сост. С.В. Перевезенцев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 448 с. – [электр. ресурс] // Режим доступа: http://library.nlu.edu.ua/POLN_TEXT/KOMPLEKS/KURS_1/kurs/10/01_1.htm
9. Франк С.Л. Непостижимое / Франк С.Л. Сочинения – М. : Издательство «Правда», 1990. – С. 183 – 603. – [электр. ресурс] // Режим доступа : https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/nepostizhimoe/1_2_1#sel= – заголовок с экрана
10. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем./Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988.– 704 с. – [электр. ресурс] // Режим доступа : http://yanko.lib.ru/books/philosoph/gadamer-istina_i_metod.pdf – заголовок с экрана

B.I. Molodtsov

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Lugansk State Pedagogical University (Lugansk, LPR)

E-mail: mbilg@mail.ru

F. ENGELS: MATERIALISM AND LOGODICY

***Annotation.** Through the logical reconstruction of the formation of the concept of infinity, the article examines the question of the ability of being in its infinite formation to be commensurate with human freedom, truth, moral sanity. The conclusion is made that logodicy constitutes a general form-forming definiteness of the Marxist worldview.*

***Key words:** potential and actual infinity, multiplicity, infinity as the basis of unity, logodicy.*

УДК 304.5

И. В. Черниговских

(к. филос. наук, доцент)

Воронежский государственный университет

инженерных технологий

(г. Воронеж, Российская Федерация)

E-mail: igrchernigovskix@rambler.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БАЗИСА И НАДСТРОЙКИ И ПРОБЛЕМА ДЕТЕРМИНАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПОДСИСТЕМ

***Аннотация.** Статья посвящена анализу той роли, которую могут сыграть основные положения социальной философии марксизма при изучении процессов детерминации социальных подсистем.*

***Ключевые слова:** Ф. Энгельс, базис, надстройка, причинно-генетическая детерминация, производители, управленцы, функциональная детерминация.*

Роль Ф. Энгельса как одного из основоположников марксистской исторической науки определяется, прежде всего, его участием в разработке материалистического понимания истории. В цикле «Писем об историческом материализме», Энгельс протестовал против сведения марксистского учения об обществе к одностороннему «экономическому материализму» и предложил более гибкую интерпретацию социальной философии марксизма, рассмотрев активность и относительную самостоятельность «надстройки» по отношению к «базису».

Занимаясь проблемой анализа взаимодействия социальных подсистем, автор выделяет для себя следующие моменты в рассуждениях Ф. Энгельса, которые составляют теоретическую основу этого анализа.

1. Определяющее значение экономических отношений, под которыми понимается «способ, каким люди определенного общества производят средства к жизни и обменивают между собой продукты». Эти экономические отношения составляют базис общества.

2. Относительная самостоятельность надстройки, что проявляется в существовании особых интересов и закономерностей. Это

связано с тем, что надстройка решает, в том числе, и такие задачи, которые напрямую не связаны с целями экономической деятельности.

3. Обратное воздействие надстройки на базис, т. е. превращение следствия в свою очередь в причину. Это воздействие может быть следующим: оно может способствовать его развитию, либо, наоборот, тормозить его дальнейшее развитие и даже реставрировать в нем отжившие уклады; наконец, в сфере надстройки рано или поздно возникают такие явления (революционная идеология), которые способствуют разрушению прежнего базиса и установлению нового, более передового.

4. Необходимость изучения взаимодействия различных элементов общества на основе экономической необходимости. При этом понимание этого взаимодействия зависит от объективно возможной «точки наблюдения», связанной с известным масштабом рассмотрения исторических событий, и должно рассматриваться не абстрактно, а в рамках определенной познавательной ситуации.

Взаимодействие различных элементов общества характеризуется, прежде всего, их корреляцией, т. е. взаимной зависимостью. Коррелятивная связь выражается и в том, что изменения одних элементов передаются другим. Таким образом, элементы общества могут взаимно усиливать или ослаблять друг друга.

Рассматривая общество как систему, можно, первоначально, говорить об определенном равенстве всех ее элементов в процессе функционирования. Это равенство состоит, разумеется, не в том, что их функции и роль в системе одинаковы, а в том, что все они равно необходимы для ее существования в качестве целого и в этом смысле они тождественны. Однако каждый элемент играет, как правило, свою роль. Эта роль определяется функцией данного элемента в составе целого, а также связана с положением детерминирующего элемента и/или доминирующего элемента.

Отношения детерминации можно рассматривать с двух точек зрения. Во-первых, с точки зрения причинно-генетической детерминации, связанной с порождением одних элементов другими. И здесь ведущую роль играет материально-производственный базис. В частности, один из наиболее известных исследователей этой темы В. С. Барулин выстраивает причинную связь в следующей последовательности: 1) экономическая сфера выступает как основа общества и всех других сфер; 2) ближайшей общественной сферой,

которая возникает на основе экономической жизни и непосредственно связана с ней, является социальной сферой; 3) обе эти сферы обуславливают политическую сферу; 4) и уже эти три сферы определяют специфику и многообразие духовной сферы [1].

Однако, возникнув, эти новые элементы начинают оказывать обратное влияние на порождающие их. Это влияние связано со спецификой выполняемых функций. Как писал Ф. Энгельс в письме к Ф. Мерингу всякое «историческое явление, коль скоро оно вызвано к жизни причинами другого порядка, в конечном итоге экономическими, тут же в свою очередь становится активным фактором, может оказывать обратное воздействие на окружающую среду и даже на породившие его причины» [2, с. 84]. В результате этого возникает функциональная детерминация. Именно функциональная детерминация обеспечивает тому или иному элементу доминирующую роль.

Слово «доминанта» в переводе с латинского означает главенствующую идею, господствующий элемент, основной признак или важнейшую составную часть чего-либо [3, с. 411]. Соответственно доминирование означает форму, способ связи элементов, при котором один из них – доминирующий – оказывает преобладающее влияние на другие элементы, подчиняет их себе. Поэтому он играет ведущую роль в формировании облика общества в целом в конкретный исторический момент. Изменения, происходившие с этим элементом, обязательно передаются остальным, к его состоянию начинают приспосабливаться и другие.

Еще одна причина необходимости различения детерминирующей и доминирующей роли заключается в том, что если детерминирующую роль материально-производственного базиса определяют в основном объективные факторы, то доминирующую роль других элементов – совокупность объективных и субъективных факторов. Роль субъективных факторов в данном случае определяется тем, что взаимодействие между элементами выражается во взаимодействии между разными группами элит, представляющие эти элементы.

Стремление к доминированию связано с тем, что каждый из элементов имеет свои средства (инструментальные по отношению к системе как целому) для реализации своей системной функции. Так, например, для экономической деятельности одним из таких

средств является получение прибыли; для политической деятельности – власть. Для деятельности по производству сознания общества таким средством, по мнению автора, выступает контроль над информацией. При этом элементы стремятся превратить эти средства в самостоятельные цели (т. е. перевести их из инструментальных в финальные), первоначально в собственных рамках, а затем и всего общества в целом. В результате, каждый элемент стремится стать доминирующим и навязать свое средство, превращенное в цель, остальным и, в конечном счете, всему обществу в целом. Однако это навязывание определяет состояние других элементов не прямо и непосредственно, а преломляясь через действие внутренних условий этих элементов, их собственные закономерности.

Так же нужно иметь в виду, что в эту борьбу элементы включаются не одновременно. Дело в том, что «сознание» своего интереса каждым элементом происходит в разные исторические периоды [4, с. 8-9].

В реальности «чистое» доминирование любого элемента предполагает противодействие со стороны других элементов. Поэтому, даже достигнув доминирующего положения, элемент вынужден постоянно реагировать на вызовы других элементов. Кроме того, необходимо учитывать последствия проявления внутренних закономерностей самого элемента. Поэтому история общества – эта история борьбы за доминирование между разными элементами.

В своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс пишет о трех крупных разделах труда, причем первые два связаны с производственной деятельностью (земледелие, скотоводство, ремесло). Третье уже связано с обменом произведенного – появлением купцов. Так же выделяют четвертое разделение труда, связанное с отделением умственного труда от физического, т. е. с разделением на производителей материального и информационно-символического продукта. Однако возникновение государства, а вернее – различных государств – связано еще с одним (пятым) разделением труда – разделением на тех, кто производит и тех, кто создает условия для этого производства (управленцы и связанные с ними военные). При этом можно говорить о том, что первоначально четвертое и пятое разделение труда происходили вместе, так как возникающий умственный труд был, в основном, связан с управленческой деятельностью.

Взаимодействие производителей и управленцев можно рассматривать с точки зрения «единства» и «борьбы» интересов. «Единство» интересов связано с поддержанием и развитием конкретного (национального, политического, культурного) социального образования. А «борьба» интересов отражает разницу в понимании значимости этих элементов, т. е. производителей и управленцев, для функционирования социального целого.

Значимость управленцев связана с решением следующих задач: во-первых, с организацией единого хозяйственного механизма в условиях функционального и регионального разделения труда и, во-вторых, с необходимостью организации внутренней и внешней безопасности.

Реализация этих задач предполагает организацию эффективного распределения созданного в обществе материального и информационно-символического продукта.

В результате столкновения интересов между производителями и управленцами связано с решением следующего вопроса: кто и как будет осуществлять это распределение. Причем и у первых и у вторых ответ на вопрос «Как будет осуществляться распределение?» предполагает два варианта: 1) в интересах своей группы и 2) в интересах общества в целом. И здесь перед исследователем открывается «широкое поле» возможностей для анализа, особенно если добавить учет возможных вариантов понимания интересов общества, которые могут варьироваться от сакральных до профанных.

Список литературы

1. Барулин В. С. Диалектика сфер общественной жизни. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 230 с.
2. Энгельс Ф. Францу Мерингу, 14 июля // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Изд. 2-е. – Т. 39. – С. 82-86.
3. Советский энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1979. – 1600 с.
4. Черниговских И. В. Основные подсистемы общества: борьба за доминирование // Current issues of modern socio-political phenomena: theoretical and methodological and applied aspects : materials of the IV international scientific conference on March 13–14, 2016. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2016. – P. 6-9.

I. V. Chernigovskikh

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)
Voronezh State University of Engineering Technologies
(Voronezh, Russian Federation)

E-mail: igrchernigovskix@rambler.ru

**INTERACTION OF THE BASIS AND SUPERSTRUCTURE
AND THE PROBLEM OF DETERMINATION
OF SOCIAL SUBSYSTEMS**

Annotation. The article is devoted to the analysis of the role that the main provisions of the social philosophy of Marxism can play in the study of the processes of determination of social subsystems.

Key words: F. Engels, basis, superstructure, causal-genetic determination, producers, managers, functional determination.

УДК: 141.8:396.1

А. С. АРМЕН

(старший преподаватель)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: armenanastasiya@gmail.com

ИНСТИТУТЫ СЕМЬИ И ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК МЕХАНИЗМЫ ЖЕНСКОГО УГНЕТЕНИЯ В РАБОТЕ Ф.ЭНГЕЛЬСА «ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ, ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВА»

***Аннотация:** Автор обращается к теоретическому наследию Ф. Энгельса, чтобы проследить, каким образом институты семьи, брака и частной собственности способствовали закреплению подчиненного положения женщины в капиталистическом обществе, а также каковы возможности ее эмансипации.*

***Ключевые слова:** социализм, феминизм, пролетариат, буржуазный брак, частная собственность.*

Зарождение семьи и брака происходит в верхнем палеолите с момента возникновения экзогамии. Именно в этот период культура на Земле обретает системный характер, тогда как раньше присутствовали лишь очаги культурного развития в отдельных областях. Эти два момента, безусловно, взаимосвязаны, и положение, возникшее в верхнем палеолите можно назвать революционным, так как семья – важнейший социальный институт, давший начало развитию ряда культурных направлений. Это матричный центр таких социокультурных феноменов, социальных институтов, как воспитание, образование и, безусловно, экономика.

Не зря античная философия, стремящаяся к целостному истолкованию мира культуры как воплощения высшего космического порядка, обращается в том числе к сущности и причинам взаимодействия семьи, общинной (государственной) и частной собственности, подчеркивая их взаимообусловленность. Не случайно Аристотель критиковал Платона за его идею обобществления имущества, жен и детей. Полное огосударствление жен и детей приведет к разрушению института семьи, обобществление имущества – к

краху частной собственности – двух важнейших составляющих в движении культурного развития, созидания и стимуляции труда.

Восприятие частной собственности как главной идеи культурной динамики глубоко освещается в философии Просвещения (Ж.-А. Кондорсе, Ж.-Ж. Руссо) и социологии XIX века (О. Конт, Э. Дюркгейм и другие). На сращении семей и частного капитала строился классический вариант капитализма в Европе. Фундаментальной работой, детально и методологически целостно освещающей ценность материального развития и духовного производства институтов семьи, частной собственности и государства, является труд классика марксизма Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1883).

Тезис идеологов марксизма о том, что идея прогресса и развития общества обусловлена социально-экономическими условиями, а не является следствием только человеческих желаний и устремлений, нашел отклик и у теоретиков феминизма. Очевидно, что специфика развития семьи как социального института и проблема взаимоотношений полов, равно как и иные формы социальной организации, помещены в исторический контекст. Не являясь ни природной данностью, ни результатом человеческого сознания, они есть продукт конкретной исторической ситуации, а, следовательно, могут быть подвержены изменениям. Вместе с тем, такие изменения не могут произойти благодаря призывам к разуму или принципам справедливости, а только вместе с прогрессом условий производства. Именно эти идеи легли в основу фундаментального труда, ставшего классикой не только марксистской, но и феминистской литературы.

В своей работе Ф. Энгельс развивал идею о том, что угнетение женщин является результатом господства частной собственности и существования моногамного брака, которые исключают женщин из сферы общественного производства. Взяв за основу труд антрополога Л. Моргана, с целью проследить эволюцию форм семейно-брачных отношений, Энгельс писал о том, что для примитивных обществ было характерно равноправие полов, даже при разделении труда, а происхождение определялось по материнской линии – т.н. «материнское право». Появившаяся возможность накопления собственности в руках мужчин (поскольку эта возможность была связана с традиционными для мужчины сферами хозяйствования – одомашнивания и разведения животных) и необходи-

мость передачи собственности по наследству (следовательно, возникновение нужды в обеспечении строгой моногамии со стороны женщины) и стало основной причиной угнетения последних. Как выразился Энгельс, «ниспровержение материнского права стало всемирно-историческим поражением женского пола. Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения» [1, с. 60]. Так Ф. Энгельс напрямую увязывает неравноправие полов с классовым неравенством, считая угнетение женщины мужчиной первой формой классового угнетения. Таким образом, муж в семье представляет буржуазию, жена – пролетариат.

Представляют интерес также рассуждения Энгельса о том, что и такое общественное зло, как проституция, также является продуктом буржуазного общества и обусловлено господством частной собственности как фактора власти и моногамной семьи, построенной на голой экономической выгоде и расчете. Последняя не предполагала подлинной привязанности и влечения, поэтому все, что связано с любовью, сексуальной привлекательностью и влечением, выходит за рамки семейных отношений. «Гетеризм – это такой же общественный институт, как и всякий другой; он обеспечивает дальнейшее существование старой половой свободы – в пользу мужчин. На деле не только терпимый, но и широко практикуемый, особенно же используемый господствующими классами, гетеризм на словах подвергается осуждению. Но это осуждение в действительности направляется не против причастных к этому мужчин, а только против женщин; их презируют и выбрасывают из общества, чтобы, таким образом, снова провозгласить, как основной общественный закон, неограниченное господство мужчин над женским полом» [1, с. 77]. Этот, еще один вид мужского господства и связанная с ним мизогиния, по Энгельсу, вытекали из экономической категории частной собственности, с момента своего появления детерминирующей мышление мужчин-собственников и требующей исключения женщины из общественной жизни и труда вне семьи, позиционирование ее самой в качестве товара.

То есть подчинение женщин совпало с возникновением частной собственности и классового общества, так как именно тогда

женщины утратили свое главенствующее положение в семье и стали экономически зависимыми от мужчин. Кроме того, это доказывает, что женское угнетение не является объективной и неизменной чертой человеческих взаимоотношений, а есть лишь составной частью классового общества. Отсюда следует, что ликвидация частной собственности положит конец угнетению по признаку пола, так как у мужчин больше не будет причин для эксплуатации женщин: «... разделение труда вне семьи стало другим. Та самая причина, которая прежде обеспечивала женщине ее господство в доме – ограничение ее труда домашней работой, – эта же самая причина теперь делала неизбежным господство мужчины в доме; домашняя работа женщины утратила теперь свое значение по сравнению с промысловым трудом мужчины; его труд был всем, ее работа – незначительным придатком.

Уже здесь обнаруживается, что освобождение женщины, ее уравнивание в правах с мужчиной невозможно ни сейчас, ни в будущем, пока женщина отстранена от общественного производительного труда и вынуждена ограничиваться домашним частным трудом. Освобождение женщины ... сделалось возможным только благодаря современной крупной промышленности, которая – не только допускает женский труд в больших размерах, но и прямо требует его и все более и более стремится растворить частный домашний труд в общественном производстве» [1, с.167]. То есть, выводя формулу так называемого «двойного угнетения», которому подвергаются женщины пролетарского класса в буржуазном обществе: *они угнетены как класс и как пол*, Энгельс отмечал, что именно внутри капиталистического общества зарождаются предпосылки для новых равноправных отношений между мужчиной и женщиной. Выступая против капиталистической эксплуатации, он все же рассматривал женскую занятость как прогрессивный фактор общественных изменений.

По мере того, как женщины будут вовлекаться в общественное производство, будет достигаться равноправие. С победой социализма в положении как женщин, так и мужчин произойдут значительные изменения, а именно отпадет необходимость в существовании семьи, так как экономическую, хозяйственную и воспитательную функции возьмет на себя государство. «Частное домашнее хозяйство превратится в общественную отрасль труда. Уход за детьми и их воспитание станут общественным делом; общество

будет одинаково заботиться обо всех детях, будут ли они брачными или внебрачными» [1, с. 78].

Отметим, что благодаря утверждению марксистской идеологии в качестве государственной в России, после революционных событий 1917 года имели место попытки воплощения на практике многих из озвученных Энгельсом тезисов. Идея борьбы с двойным угнетением получила масштабную поддержку и благодаря уже российским идеологам пролетарского женского движения вылилась во вполне конкретную – профеминистскую государственную политику молодого советского государства.

Рассуждая о перспективах семьи, Энгельс настаивал на том, что брак по любви возможен только в пролетарской среде, так же как истинное равноправие полов. Поскольку у пролетариата нет собственности, нет и повода для эксплуатации женщин. Выступая против проституции, двойных стандартов сексуальной морали как основы буржуазного брака, автор утверждал, что вместе с победой социализма на смену ему придет «индивидуальная половая любовь», которая как он считал, уже была свойственна взаимоотношениям в среде пролетариата. Отметим, что рассуждения Ф. Энгельса о пролетарском браке в некоторой степени идеалистичны, за что и подвергались критике со стороны как современных последователей марксизма, так и представителей феминизма.

Во-первых, он игнорировал саму мысль о том, что пролетарская семья может быть источником угнетения, а мужская сексуальность и агрессия даже в социалистическом обществе может представлять опасность для женщины: изнасилование не рассматривалось им в качестве инструмента мужского доминирования. Кроме того, не была озвучена проблема домашнего насилия, которая широко обсуждалась в XIX в. и которая была центральным вопросом либерального феминизма.

Во-вторых, в своих рассуждениях, Энгельс не касался вопроса о неравной оплате за равный труд, не учитывал последствий низкой оплаты женского труда, а также тех выгод, что получал мужчина в браке от сексуальных и бытовых услуг жены. Реальное положение многих женщин обстояло так, что они не имели возможности свободно уйти от мужа в том случае, если «пролетарский брак, основанный на свободном выборе по любви и сексуальном влечении», даст трещину.

Процесс женской эмансипации, тем не менее, был запущен, и сегодня можно утверждать, что юридическое равноправие полов достигнуто как в приватной, так и общественной сферах. Эпоха позднего капитализма все также нуждается в женском труде, интенсивно вовлекая женщину в процесс производства. На современном этапе, усилиями женских движений, женщина имеет возможности для самореализации в общественной, политической, экономической сферах наравне с мужчиной; супружеские отношения трансформировались в эгалитарные, партнерские, основанные на взаимном уважении и любви.

При этом, отметим, что идеи Ф. Энгельса не теряют своей актуальности, поскольку, невзирая на юридические гарантии и законодательно закрепленные льготы и преференции, капиталистический социум, как и 150 лет назад, ставит перед женщинами вопросы преодоления двойного угнетения, неравной оплаты труда и дискриминации на рабочем месте, совмещения социальных ролей матери и работницы, а также самовосприятия в качестве живого товара.

Список литературы

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. – Москва: Издательство политической литературы, 1982. – 240 с.

A. S. Armen

(Senior Lecturer)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail – armenanastasiya@gmail.com

FAMILY AND PRIVATE PROPERTY INSTITUTIONS AS MECHANISMS OF FEMALE OPPRESSION IN F. ENGELS'S BOOK «THE ORIGIN OF THE FAMILY, PRIVATE PROPERTY AND THE STATE»

Annotation: The author turns to the theoretical legacy of F. Engels in order to trace how the institutions of family, marriage and private property contributed to the consolidation of the subordinate position of a woman in a capitalist society, as well as what are the possibilities of her emancipation.

Key words: socialism, feminism, proletariat, bourgeois marriage, private property.

УДК 101.1:316

Петрова Е.И.

(старший преподаватель)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени М. Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: elena_i_v@inbox.ru

Одинцова Е.А.

(к. юр. н., доцент)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени М. Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: odintsova.e.a@gmail.com

АНАЛИЗ ЭТНОГЕНЕЗА И ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

***Аннотация.** В статье рассматривается феномен этноса и нации в ракурсе марксистской теории происхождения наций. Формирование нации объясняется через социальные законы развития общества. Определяется важнейшее условие формирования нации, как потребность в преодолении феодальной раздробленности экономики и развитие капиталистических экономических связей больших групп людей, совместная деятельность которых предполагает общность территории и языка.*

***Ключевые слова:** этнос, этничность, нация, народность, экономические факторы, социальные общности, культура, идентичность.*

Современная эпоха, особенно последняя четверть XX и первые десятилетия нового века, ознаменована проблемами единства и многообразия цивилизаций и культур, взаимодействия этносов и наций, ксенофобии и национализма, агрессии и экстремизма. На сегодняшний день для жизни и практической деятельности народов наиболее актуальными становятся проблемы социального развития и этнического бытия, сохранения исторического наследия и культурных традиций, менталитета и идентичности. Межэтнические конфликты и гражданские войны в разных регионах мира, которые продолжаются уже несколько десятилетий, системные трансформации обществ способствовали радикальному изменению социальной и политической карты планеты. Они и сегодня заставляют ученых продолжать искать ответы на новые вызовы современности, пересматривать большинство известных политических концепций

нации, парадигм этничности и социальных теорий этноса, идеологические основы решения национального вопроса.

Проблемы этносов и наций требуют к себе все более пристального внимания, так как давно вошли в разряд самых злободневных и актуальных в социально-политической практике. Неоднозначные и сложные процессы взаимодействия культур и цивилизаций, этносов, наций и народов свидетельствуют о необходимости определения природы и сущности этносов как особенных систем, уникальных природно-биологических, социально-культурных и духовно-нравственных целостностей.

В статье рассматривается феномен этноса и нации в ракурсе марксистской теории происхождения наций. Формирование нации объясняется через социальные законы развития общества. Среди известных западных исследователей, которые изучали сущность понятия «этнос», «нация» в контексте социологии и философии, стоит отметить таких, как А. Бастиан, Ж. В., Кагиян С. Г., Ляпуж, Маркс К., Д. Г. Морган, П. Топинар, Энгельс Ф. и пр.

С точки зрения некоторых современных авторов, этническая принадлежность и идентификация в отечественном (полиэтническом) обществе приобретают политический смысл, провоцируя обострение противоречий между этническими группами (этническими меньшинствами). В условиях демократического общества они приобретают весомый общественный потенциал. В связи с этим все более актуальными становятся и научные разработки, связанные с совершенствованием теоретических основ определения таких понятий, как «этнос», «этничность», «нация».

Целью данной работы является анализ понятий «этнос», «нация» с точки зрения марксистской теории развития нации, его содержания как социально-философского феномена. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

- исследовать важнейшие условия формирования этноса и нации согласно учениям К. Маркса и Ф. Энгельса;
- определить перспективы дальнейшего изучения теории нации.

В современной научной литературе понятие «этнос» функционирует в значении «сообщество, объединяющее людей, принадлежащих к одному временно-пространственному измерению, людей одного происхождения, одного языка общения, материальной и духовной культуры» [1, с. 102]. Понятие «народ», «этнос», «нация»

взаимозаменяемы, синонимичны, когда речь идет о поиске истоков, происхождении этноса. Потребность в определении границ этих понятий объясняется их полисемантическим характером. Данные понятия нередко употребляются в различных смысловых значениях.

Ученые XIX века, изучавшие конкретные народы в своей практической деятельности чаще использовали термины «нация», «раса», «племя». Лишь со временем термин «этнос» начинает употребляться в литературе в самостоятельном значении и в довольно необычном смысле.

Так, французский антрополог П. Топинар необходимыми атрибутами общественного быта называл материальную культуру, а также язык. По мнению ученого «под этническими признаками разумеют все факты, вытекающие из соединения людей между собою, под влиянием какого бы то ни было побуждения: общественных нужд, выгоды, личного произвола или воинственных наклонностей» [2].

Немецкий этнограф А. Бастиан под «этническим» понимал культурно-специфический облик народа. Он выделял отдельные «этнические ареалы» (египетский, ассирийский, китайский, японский, индийский и др.).

Французский социолог XIX века Ж.В. Ляпуж предложил употреблять термин «ethnie» для обозначения культурной единицы. Его соотечественник антрополог Ж. Деникер дал определение этнической группы как «народы», «нации», «племена», причем подчеркивая, что они отличаются друг от друга языком, образом жизни, поведением. Он предпочитал термину «этнос», термин «народ» [3].

Американский ученый Л. Г. Морган использовал термин «этнический период» для обозначения стадии, пройденной человечеством в ходе своего развития. Он отмечал, что «этнический период представляет собой определенное состояние общества и отличается свойственным этому периоду образом жизни. Человечество начало свое поприще с самой низкой ступени развития и проложило себе дорогу из состояния дикости к цивилизации, благодаря медленному накоплению опыта» [4, с. 7]. Стоит отметить, что взгляды Лююиса Генри Морганна оказали сильнейшее воздействие на мировоззренческие взгляды как К. Маркса, так и Ф. Энгельса. Маркс

набросал конспект «Древнего общества» с множеством пометок и примечаний, а Ф. Энгельс за короткое время написал книгу «Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана». Оба ученых усмотрели в исследовании Л. Моргана научное подтверждение своих идей в области частной собственности, классового неравенства и вечности отделенной от народа государственной власти. То есть труд Л. Моргана был использован основателями марксизма как важнейшее практическое доказательство их умозрительных идей.

Одной из идей марксистской философии является определение понятия исторической общности людей как рода, племени, нации.

В доклассовый период основной формой общности людей является род, племя. Род – первичный социальный и этнический коллектив, обладающий общностью происхождения, общим языком, верованиями, общими обычаями, чертами культуры и быта. Экономической основой данной общности (рода) являлась перво-бытнообщинная собственность.

Племя представляет собой более крупную общность людей, состоящую из двух или нескольких родов. Ф. Энгельс характеризует племя следующими основными признаками: собственной территорией и именем, особым диалектом, правом вводить в должность и смещать избранных родами старейшин и военных вождей, общими религиозными представлениями и культовыми обрядами, наличием заседающего публично совета племени, состоящего из старейшин и военных вождей [5, с. 879].

В этот период родоплеменная общность была единственно возможной формой функционирования и развития всего первобытного общества и производства.

С возникновением общественного разделения труда, с появлением торговли, появлением отношений имущественного неравенства родоплеменная общность уступает место новой форме общности людей, которой явилась народность. Впоследствии экономическую разобщенность хозяйственных районов ликвидировали товарно-капиталистические отношения, они укрепили связи между жителями данной народности и близких к ней, содействовали образованию общего для них языка, общих черт культуры, сплачивали людей в более устойчивые общности - нации. «... родственные племена, - пишет Ф. Энгельс, - сплачивались в постоян-

ные союзы, делая, таким образом, первый шаг к образованию наций» [5, с. 292]. То есть, классик марксизма говорит о формировании в родовую эпоху устойчивых этнических общностей – народов и народностей, которые стали первой предпосылкой к образованию народа-нации как классовой, политико-экономической категории. Еще в одной работе, в «Манифесте Коммунистической партии», К. Маркс и Ф. Энгельс указывают на капиталистическую основу формирования нации: «Буржуазия...сгустила население, централизовала средства производства, концентрировала собственность в руках немногих. Независимые...области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами оказались сплоченными в одну нацию, с одним правительством, с одним национальным классовым интересом...» [6, с. 428].

По схеме исторического материализма К. Маркса и Ф. Энгельса, смена этносоциальных общностей людей («племя», «народность», «нации») соответствует поступательному ходу общественно-экономических формаций истории человечества, то есть человеческое общество развивается в соответствии с развитием производительных сил и производственных отношений.

Согласно марксистской теории, на первобытнообщинной стадии развития человечества происходит образование первых этносоциальных общностей - «племен», основой организации которых являются родовые связи. С возникновением рабовладельческого общества, которое первым в истории человечества характеризуется классовой структурой, появляется «народность» (народ), основой социальных связей которой является территориальность. Эта форма общности существует и в феодальный период. К. Маркс и Ф. Энгельс в своих работах часто употребляют термин «национальность», который применим именно к народностям феодального общества, предшествующим нации, хотя сформулированного определения «нация», «национальность» в работах нет. Развитие капиталистического производства, возникшего в недрах капитализма, обуславливает возникновение качественно новой общности людей – «нации».

Таким образом, можно отметить, что классическая марксистская теория выделяет важнейшим условием формирования нации потребность в преодолении феодальной раздробленности экономи-

ки и развитие капиталистических экономических связей больших групп людей, совместная деятельность которых предполагает общность территории и языка.

К. Маркс и Ф. Энгельс в связи с зарождением и становлением капитализма доказали закономерный характер возникновения национальной формы развития общества, указали решающую роль экономических факторов в формировании и прогрессе наций. По мнению классиков марксизма, нация возникает наряду с формированием централизованного государства в политическом отношении, с появлением буржуазии – в социальном, с формированием национального рынка – в экономическом. Таким образом, следует отметить, что для марксистов важна была роль классовых противоречий в смене этапов исторического развития [7].

Исходя из проведенного анализа, можно сделать следующие выводы:

1. Классическая марксистская теория выделяет важнейшим условием формирования нации потребность в преодолении феодальной раздробленности экономики и развитие капиталистических экономических связей больших групп людей, совместная деятельность которых предполагает общность территории и языка.

2. Марксистской теорией доказан закономерный характер возникновения национальной формы общественного развития в связи с зарождением и утверждением капитализма, с учетом решающей роли экономических факторов, особенно общности экономической жизни, в формировании и прогрессе наций.

3. Исследование проблемы «этнос», «народность», «нация» в марксистском учении позволяет выявлять тенденции и познавать закономерности процесса расцвета и сближения национальных общностей, овладевать механизмом их действия и взаимодействия.

4. Мы считаем, что перспектива дальнейшего теоретического изучения феномена нация состоит в более подробном рассмотрении социальных предпосылок возникновения данной категории.

Список литературы

1. Резникова К. В. Этничность как категория социального познания / К. В. Резникова // Социодинамика. – 2015. – № 1. – С. 101-111.
2. Топинар П. Антропология / П. Топинар. - Санкт-Петербург, 1879 год. Издание Л. Ф. Пантелеева. – С. 407

3. Пьер-Андре Тагиефф. Цвет и кровь. Французские теории расизма=La couleur et le sang. Doctrines racistes a la francaise. – М.: Ладомир, 2009. – 240с.
4. Морган, Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. / Л. Г. Морган. – Л.: Издательство института народов Севера и ЦИК СССР. 1934. – С. 7.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в трех томах, т. 3. / К. Маркс, Ф. Энгельс – М.: Изд-во пол. лит-ры, 1979. – 643с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс, – М.: Изд-во пол. лит. 2 изд., т. 4, 1955. – 615с.
7. Кагиян С. Г. Нации, этносы и национализм: социально-философский анализ этно- национального дискурса. / С. Г. Кагиян – Саратов: Сателлит. – 2004. С. 20.

E. I. Petrova

(senior lecturer)

Donetsk national University of Economics and trade
named after M. Tugan-Baranovsky
(Donetsk, Donetsk people's Republic)

E-mail: elena_iv@inbox.ru

E. A. Odintsova

(PhD in Law, associate Professor)

Donetsk national University of Economics and trade
named after M. Tugan-Baranovsky
(Donetsk, Donetsk people's Republic)

E-mail: odintsova.e.a@gmail.com

**ANALYSIS OF ETHNOGENESIS AND FORMATION
OF NATIONS IN THE CONTEXT OF MARXIST PHILOSOPHY**

***Annotation.** The article considers the phenomenon of ethnos and nation from the perspective of the Marxist theory of the origin of Nations. The formation of a nation is explained through the social laws of development of society. The most important condition for the formation of a nation is defined as the need to overcome the feudal fragmentation of the economy and the development of capitalist economic relations of large groups of people whose joint activity implies a common territory and language.*

***Keywords:** ethnos, ethnicity, nation, nationality, economic factors, social*

УДК 141

Э. Н. Давыденко

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный университет экономики и торговли

имени Михаила Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: davydenko-elina@mail.ru

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ МАРКСИЗМА И ПОСТМОДЕРНИЗМА В ПОЗНАНИИ ИСТОРИИ

***Аннотация:** выявляется современное звучание и актуальность мировоззрения Маркса, сравниваются и противопоставляются учения К. Маркса, Ф. Энгельса и постмодернизма в познании истории и социальных процессов. Рассматривается влияние марксизма на постмодернизм и наоборот.*

***Ключевые слова:** марксизм, исторический материализм, диалектический материализм, постмодернизм, агностицизм, истинность, нарратив, метатекст.*

Имя Маркса, да еще в сочетании с понятием коммунизма, напоминает нам о как будто навсегда ушедших временах, которые вроде бы и ворошить не нужно. Но тема марксизма может быть актуальна и в наше время. Можно сослаться на довольно банальное мнение, что без прошлого нет будущего. Однако нам представляется интересным взгляд на Маркса без тех принудительных ограничений, которые были характерны для советского марксизма, а также без характерной дробности в освещении наследия Маркса (можно вспомнить схоластическое смакование законов общественного развития, реализующихся с «железной необходимостью» и категорий диалектики). В шестидесятые годы XX в. ситуация в философии начала меняться, схоластическая дробность мало-помалу исчезла, но устойчиво сохранялась членение учения Маркса на философию, политическую экономию и научный социализм.

Несмотря на то, что марксистское учение и постмодернистское направление возникли с разрывом в сто лет, их идеи являются предметом анализа, дискуссий и подражания.

Первая проблема, которая возникает при рассмотрении двух, достаточно противоречащих друг другу философских направлений,

это актуальность их принципов и взглядов в данное время, на данном этапе развития философской мысли.

Второй задачей, посвященной в этой работе, является сравнение и противопоставление этих двух философских направлений, изучение их исторических отношений между собой, влияние марксизма на постмодернизм и наоборот.

В наше время постмодернизм стал весьма популярен и носит характер доминирующей тенденции в Западной Европе, которая претендует на исключительное место, подавляя другие научные концепции. Данная ситуация несколько напоминает идеологическую диктатуру марксистско-ленинской философии.

Главными отличиями двух научных парадигм являются противоположные мировоззренческие установки. Марксизм, продолжая линию классической философии, принципиально расходится с постмодернизмом в том, что в определении истины опирается на общественно-историческую практику качественного преобразования социального бытия и ориентирует человека на лучшее будущее, тогда как постмодернизм стоит на позиции глобального агностицизма, отрицая возможности нахождения истины, ее неуловимый характер. Он провозглашает: «Истины нет – вот истина!». В силу этого, однако, он опровергает не только себя самого, но и всю классическую модернистскую традицию. В постмодернизме истина воспринимается операционально, как совокупность эффективных правил власти. По мнению М. Фуко, истина – это интерпретационное своеволие субъекта, «что-то вроде принудительного действия» [1, с. 167-168]. Как утверждал К. Маркс, «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос» [2, с. 21].

Философские понятия и принципы марксизма во многом являются продолжением классической немецкой философии Гегеля и Фейербаха. Основными предметами изучения марксизма являются фундаментальные классические проблемы взаимоотношений человека и мира, отношений между субъектами в обществе, роль человека в истории и мире в целом.

Маркс и Энгельс придерживались того, что нельзя изменить мир посредством идей, как-либо изменяя сознание. К. Маркс критиковал представителей идеализма за то, что они рассматривали человеческую активность как нечто духовное, а материалистов за пассивность в прошлом. Он считал, что основным считается практика – деятельность материальная, создающая блага для человека и общества. Вместе с тем, критикуя «уравнительный» коммунизм в письме к А. Руге (1843 г.), Маркс комментировал, что коммунизм должен обратить внимание не только на материальную сферу человеческого существования, но и на духовную, выдвинуть цель освоения человеком всего мира культуры, созданной человечеством.

Теоретические основания марксизма, были восприняты частью интеллектуальных кругов Европы и мира как метод изучения и толкования общественных явлений прошлого с их проекцией в будущее. В своих научных построениях К. Маркс и представители марксистской историософии исходили из единства и многообразия исторического процесса, указывая на обилие вариантов исторического и социального развития, существующих в рамках общих закономерностей. Центральной идеей марксизма стало утверждение универсального взгляда на закономерный естественно-исторический процесс прогрессивной эволюции человечества от примитивной общественной организации первобытных сообществ ("первобытного коммунизма") до высшего и гуманистического общественного устройства – коммунизма, основанного на обобществлении средств производства материальных благ, равноправном их распределении между членами общества, свободе духовного совершенствования. Основной теоретический фундамент марксизма составила материалистическая философия с ее двумя составляющими – диалектическим материализмом и историческим материализмом. Первый утверждал первичность материи и вторичность сознания (общественное бытие определяет общественное сознание) и переносил законы диалектики на природу, человека и общество. Второй – формулировал понятия и теории общественного развития, основанные на экономическом детерминизме и социальной борьбе как двигателях общественного развития и изменений. Однако Маркс так и не дал широкого обобщающего изложения исторического материализма как такового. За эту задачу взялся Энгельс в своем «Анти-Дюринге».

Привлекательной стороной материалистического подхода к истории является анализ социальных структур в их конкретном взаимодействии в определенных временных и пространственных рамках с пристальным вниманием к экономическим вопросам. Кроме того, исторический материализм изучал вопросы значения науки в истории человечества, роли народных масс и личности в истории общества, а также проблемы этики и эстетики. Это дало почву академическим ученым европейских стран скептически отнестись к марксизму, заимствуя только отдельные компоненты его учение о капитализме и экономическом детерминизме. Большую популярность материалистическое понимание истории нашло среди деятелей социал-демократического движения, которые пропагандировали учение среди масс (П. Лафарг во Франции, А. Бебель, В. Либкнехт, К. Каутский, Э. Бернштейн в Германии, А. Лабриола в Италии, Плеханов в России, Ф. Зорге в США, Л. Кшивицкий в Польше и др.).

Очевидно, что по Марксу структура общества строится на чисто линейной зависимости общественных явлений от определяющей их экономической основы (базиса), а его динамика представляет собой однолинейный прогресс общественных форм. В то же время формационный подход не отрицает многообразия истории, проявляющегося в локальных особенностях развития отдельных стран, в специфике переходных этапов из одной формации в другую. Но данный подход создает определенные трудности в отражении многообразия, многовариантности исторического развития.

Свой метод мышления Маркс определил как диалектический. Диалектика, по его мнению, включает как позитивное, так и негативное понимание существующего, основываясь на том положении, что все в мире находится в движении и всему приходит конец. Логическим методом Маркс обосновывал неизбежное крушение капитализма и переход общества непременно к социалистическому строю. Этот переход Маркс обосновывал как результат качественного изменения отношений к собственности и производственных отношений на общественных началах, в результате чего может возникнуть общество, в котором, как считали Маркс и Энгельс, свободное развитие каждого является условием свободного развития всех, то есть коммунизм.

Уже в XIX в. начался пересмотр некоторых теоретических положений марксизма, который привел к появлению в XX в. новых "развитых" разновидностей марксизма, в частности, немецкого ревизионизма (Э. Бернштейн, К. Каутский), австромарксизма (М. Адлер, О. Бауер, К. Реннером, Р. Гильфердинг), советской версии под названием "марксизм-ленинизм" (Ленин, Сталин), неомарксизма на Западе (Д. Лукач, К. Корш, А. Грамши, Франкфуртская школа – В. Беньямин, Т. Адорно, Ю. Хабермас), китайской версии марксизма (Мао Цзэдун), ряда левых марксистских доктрин в странах Третьего мира.

Изменение общественных условий в индустриальных странах Запада в начале XX в., новые научные открытия вызвали начало ревизии марксистских основ, в частности в трактовке исторических явлений. С одной стороны, сторонники марксизма одновременно с пропагандой марксизма начали его применения к анализу исторического прошлого и теоретического совершенствования в рамках доктрины «марксизма-ленинизма». С другой стороны, на Западе марксизм был в эпицентре дискуссий о возможности общественно-политического обновления капиталистического мира. Критике подверглись схематические положения марксизма об автоматизме социальных изменений, о неотвратимости революционных форм преобразования общества. Западные марксисты реагировали на критику и пытались осмыслить новые тенденции трансформации общественных отношений, которые стали заметны в конце XIX века. Ревизия ряда основополагающих принципов марксизма была осуществлена в трудах немецких и австрийских марксистов, деятелей социал-демократии. К. Каутский одним из первых отказался от экономического детерминизма в объяснении общественных изменений (2-томник "Материалистическое понимание истории", 1927-29). Э. Бернштейн противопоставил революционному пути изменения устройства – эволюционный. Австрийские марксисты поставили вопрос о дополнении марксизма достижениями социологии, психологии, этнологии, а также морально-этическими идеалами.

В середине и второй половине XX - начале XXI в. значительное влияние на трансформацию исторической парадигмы марксизма на Западе оказали изменения эпистемологических основ историографического творчества, связанные с "когнитивным поворотом", постструктурализмом и деконструктивизмом, "лингвисти-

ческим обращением", "культурно-антропологическим вызовом", возникновением "нарративной философии истории" и другими новациями в понимании социальных процессов, которые скрываются за понятием постмодернизм. Общим направлением ситуации постмодерна является "культурный" подход ко всем достижениям человеческого разума, устранению (или признанию) идеологической окраски произведений человеческой мысли, акцент на культурном плюрализме как основе социального общежития людей и сообществ, отказ от чрезмерных амбиций рационализма в пользу чувственности. В результате "постмодернистского вызова" марксистская парадигма постепенно растворилась в новых направлениях и школах обществоведения – "новой исторической науки", психоистории, интеллектуальной истории, культурно-антропологической истории, микроистории, гендерной истории, устной истории, постколониальных студиях, истории понятий, истории вещей и т.п. Все они отвергают возможность научного синтеза общественных процессов в виде "метарассказов", отдают предпочтение анализу субъективности в реконструкции прошлых событий и явлений, которая позволяет глубже проникнуть в прошлый человеческий мир мышления, мировоззрения и действия.

Представители постмарксизма, которые на базе критики теоретических основ марксизма сформировали постмодернистские подходы к социальной реальности (Ж. Дерида, Ж. Лакан, Ф. Бодрияр, М. Фуко, Р. Барт, Р. Рорти, Х. Уайт), отрицали его теоретические постулаты – объективный универсализм, детерминизм и монизм. На их место они ввели историю и общество как "мысленный конструкт", "гегемонизм" как результат направленного политического действия, "логику равенства" вместо борьбы противоречий и "радикальную демократию" вместо "диктатуры класса".

В марксизме присутствует альтернативная концепция – концепция идеального, в то время как постмодернизм – это уход от реальности через текст в номаде. Главная идея постмодернизма – культура как система знаков, мир как текст, язык нарратива есть культурный универсум. Язык считается знаковой структурой,местилищем знаний, и он не зависит от деятельности людей, намерения субъекта. В постмодернизме вся реальность мыслится как текст, дискурс, повествование. Сама историцистская методология заменяется методологией дискурса, языковой игры.

Согласно взглядам Х Уайта, исторический нарратив конституируется не из реальности, а из ее «высвечивающихся образов» и имеет собственные формы существования. Эту мысль развивают сторонники этого ученого – философы истории, реализующие деконструктивистские рефлексивные операции. В основе метода «деконструкции» Ж. Деррида лежит идея восприятия исторического процесса как специфической реальности – «метатекста», который, собственно, и аккумулирует в себе всю совокупность сущностных характеристик исторического бытия. История тут не фиксируется с помощью понятий и категорий, она сводится к тексту, а ее познание сводится к интерпретации этого текста. «Ничто не существует вне текста» – утверждал Ж. Деррида, – то и любой индивид неизбежно находится внутри текста, что ведет к «смерти субъекта», через которого «говорит язык» (М. Фуко). Постмодернисты избавляются от субъекта, то есть от самого человека как источника субъективности. Человек, заявляют постмодернисты, является лишь марионеткой «потока желаний» и «дискурсивных практик». Раз нет никаких граней, значит, нет ни добра, ни зла, ни истины, ни лжи. Подобные взгляды весьма опасны для культуры.

Л. Стоун писал о том, что возрождение нарратива знаменует крушение моделей исторического детерминизма в новейшей западной историографии и означает «конец определенной эры – эры попыток создать связное научное объяснение перемен в прошлом» [3, с. 91].

Постмодернизм подвергает критике центрированность как основной принцип европейской культуры Нового времени, рационального мышления модерна, которое отвергается как метафизическое. Следуя из этого, постмодернизм доказывает невозможность существования целостной универсальной системы знаний, и считает, что оно может быть лишь фрагментарным, состоять из множества локальных культурных контекстов.

«Постмодернистская чувствительность» – специфическое видение мира, который предстает им децентрированным, фрагментарным, неупорядоченным, лишенным причинно-следственных связей и ценностных ориентиров, представляющего сознание лишь в виде иерархически неупорядоченных фрагментов. То есть философы постмодерна приходят к убеждению, что наиболее правильное и адекватное постижение реальности доступно природному интуитивному «поэтическому мышлению» с его ассоциальностью,

образностью, метафоричностью, а вовсе не естественным и точным наукам, не традиционной философии, опирающейся на формализованный понятийный аппарат. В целом постмодернистская философия настолько противоречива, парадоксальна, неопределенна, что может восприниматься как некое переходное состояние научного знания в переходную эпоху, когда постмодернизм успешно разрушает ценности и ориентиры предыдущей эпохи как устаревшие, но все же он не может предложить новую методологию исследования нового мира.

Несмотря на попытки ревизионизма марксистского учения со стороны многих современных постмодернистских направлений, нужно признать, что в философии Маркса можно найти зародыши многих идей актуальных для современной философии, социологии, истории и других наук.

Список литературы

1. Грицанов А.А. Новейший философский словарь. Постмодернизм. – Мн. : Современный литератор, 2007. – 816 с.
2. К. Маркс. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 39-ти т. Т.3. – Издание второе М.: Издательство политической литературы, 1955-1974 гг.
3. Stone L. History and Postmodernism // Past and present. 1992. № 135.

E. N. Davydenko

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)
 SO HPE «Donetsk National University of Economics and Trade
 named after Mikhail Tygan-Baranovsky,
 (Donetsk, Donetsk People's Republic)
E-mail: davydenko-elina@mail.ru

CONTRADICTIONS OF MARXISM AND POSTMODERNISM IN THE KNOWLEDGE OF HISTORY

***Annotation.:** reveals the contemporary sound and relevance of Marx's worldview, compares and contrasts the teachings of Karl Marx, F. Engels and postmodernism in the knowledge of history and social processes. The influence of Marxism on postmodernism and vice versa is considered.*

***Key words:** marxism, historical materialism, dialectical materialism, postmodernism, agnosticism, truth, narrative, metatext.*

УДК 130.2

М. С. Беженарь

(ассистент)

Донецкий национальный технический университет

(Донецкая Народная Республика, г. Донецк)

E-mail: mascha.bezhenar@mail.ru

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ: К. МАРКС И Ф.ЭНГЕЛЬС - СОРАТНИКИ И СОВАТОРЫ

***Аннотация.** Автором статьи предпринят краткий обзор основных идей материалистического понимания истории К. Маркса и Ф. Энгельса. Представлен взгляд на марксистскую теорию исторического развития как на наиболее универсальную социальную теорию в истории философии. Показан междисциплинарный характер исторического материализма и его связь с современными социально-историческими науками.*

***Ключевые слова:** марксизм, теория исторического развития, исторический материализм.*

Только за последние несколько лет опубликовано несколько десятков монографий и сборников (не говоря уже об отдельных статьях в периодических изданиях), посвященных марксистской теории исторического процесса и использованию исторического материализма в истории, этнологии, социальной антропологии, социологии, политологии и т. д. (См. работы П. Андерсона, А. Бадью, А. Вудса, Т. Гранта, А. Грамши, Ф. Джеймисона, Н. Жалдака, С. Земляного, Э. Ильенкова, В. Коровикова, Г. Карпи, А. Коряковцева, С. Вискунова, М. Лифшица, А. Мегилла, А. Рахманов, Т. Рокмора, Ю. Семенова, Ф. Уина и др. [1]). За полтора же столетия существования материалистическое понимание истории оказало беспрецедентное влияние на все научные дисциплины и все направления и школы социального и гуманитарного профиля. В своей работе «Карл Маркс. «К критике политической экономии»», написанной ещё в 1859 году, Энгельс указал на этот всеобщий характер сущности материалистической теории исторического развития: «Не для одной только политической экономии, а для всех исторических наук (а исторические науки суть те, которые не являются науками о природе) явилось революционизирующим открытием то положение, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы

жизни вообще», что все общественные и государственные отношения, все религиозные и правовые системы, все теоретические воззрения, появляющиеся в истории, могут быть поняты только тогда, когда поняты материальные условия жизни каждой соответствующей эпохи и когда из этих материальных условий выводится все остальное» [2, с. 491].

В различных работах Марксом и Энгельсом были исследованы многочисленные аспекты человеческой истории. Ими были выявлены объективные причины и предпосылки перехода человека от естественного, природного существования к формам общественной жизни – собственно, истоки истории человечества. Изучены разнообразные формы образования ранних общественных организаций, формы ранней государственности у различных народов древнего мира. Выявлены объективные причины исторического процесса и его прогрессивный характер. Наконец, из бесконечного многообразия проявлений общественной жизни в её историческом развитии, авторами исторического материализма была выявлена та объективная сила, которая необходимым закономерным образом движет всем историческим процессом на протяжении всей мировой истории человечества.

Общая идея материалистического понимания истории была кратко сформулирована Марксом в его знаменитом Предисловии «К критике политической экономии» – труде, содержащем изложение основ исторического материализма. «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определённой степени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания... На известной степени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является лишь юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха соци-

альной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке... Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даёт достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» [3, с. 6-7]. Интересно, что хотя единоличным автором этого фундаментального труда является Маркс, в Предисловии он сам отмечает, что они с Энгельсом «решили сообща разработать наши взгляды в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии» [3, с. 8]. Именно так, совместно, и были выработаны основополагающие принципы материалистического понимания истории.

Знание обширнейшего конкретно-исторического материала и применение научных методов его систематизации, обобщения и выделения объективных существенных признаков развития человеческого общества, позволило авторам материалистической теории исторического процесса выявить типические формы организации общества на различных этапах его развития. Так была разработана теория общественно-экономических формаций. В этой теории, претендующей на отображение реальной истории человеческого общества, любой реальный исторический процесс выступает в чистом, идеальном виде, в форме логического процесса. Здесь следует вспомнить указание Энгельса на то, что логическое есть «не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые даёт сам действительный исторический процесс, причём каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы» [3, с. 497].

Изучая историю человечества как объективный, закономерный и единый процесс, Маркс и Энгельс провели глубокий анализ возникновения и развития человеческого общества, что, в свою очередь, позволило выявить существенные закономерные черты всемирно-исторического процесса. В основе научного подхода к общественной истории рода человеческого лежит принцип функционирования необходимых и объективных законов, определяющих всё многообразие форм и проявлений жизни общества. В со-

ответствии с этими законами происходят все социальные изменения и поступательное историческое развитие человечества по восходящей линии – от более простых форм организации общественно-экономических формаций к более сложным. Принцип саморазвития является главным, системообразующим принципом в философии марксизма.

Материалистическое понимание истории в достаточно развёрнутом виде было изложено Марксом и Энгельсом ещё в первой главе первого тома «Немецкой идеологии», написанном в ноябре 1845 года. Новое понимание общества и истории Маркс назвал материалистическим, противопоставляя его идеалистическому пониманию. В «Немецкой идеологии» эта идея выражается следующим образом: «Итак, это понимание истории заключается в том, чтобы исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порождённую им форму общения – т. е. гражданское общество на его различных ступенях – как основу всей истории; затем необходимо изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т. д. и т. д., и проследить процесс их возникновения на этой основе, благодаря чему, конечно, можно будет изобразить весь процесс в целом (а потому также и взаимодействие между его различными сторонами)» [4, с. 37].

Тезис о том, что надстроечные проявления общественной жизни не имеют своей истории, проходит красной нитью через всю первую главу первого тома «Немецкой идеологии»: «Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [4, с. 25]. Иначе говоря, не существует отдельно взятой истории политики, права, науки, искусства, религии и т. д., рассматриваемой независимо от истории производящей деятельности человека, от производительных сил общества и тех производственных отношений, в которые они объективным, естественным и необходимым образом вступают в процессе этой производящей деятельности.

Разработанная Марксом и Энгельсом ещё в середине XIX в. концепция исторического развития и в наше время является научной теорией, наиболее адекватно и непротиворечиво определяю-

шей закономерность истории человечества, сущностные силы её развития, направленность и смысл всемирно-исторического процесса. И в начале XXI в. она не имеет равных по универсальности философского понимания истории, уровню научной разработанности и количеству сторонников. Это, безусловно, наилучшая социально-историческая теория современности.

Список литературы

1. Марксистская философия и работы, посвящённые марксистской философии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://filial.shpl.ru/news/marxism2016> и <http://filial.shpl.ru/news/5378>
2. Энгельс Ф. «Карл Маркс. «К критике политической экономии»» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 13. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – С. 489-499.
3. Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 13. – М.: Государственное издательство политической литературы. 1959. – С. 1-167.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 3. – М.: Государственное издательство политической литературы. 1955. – 630 с.

M. S. Bezhenar

(assistant)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: mascha.bezhenar@mail.ru

MATERIALISTIC UNDERSTANDING OF HISTORY: K. MARX AND F. ENGELS - ASSOCIATES AND CO-AUTHORS

Annotation. The author of the article undertook a brief overview of the main ideas of the materialist understanding of the history of K. Marx and F. Engels. The article presents a view of the Marxist theory of historical development as the most universal social and historical theory in the history of philosophy. Shows the interdisciplinary nature of historical materialism and its relationship with modern socio-historical sciences.

Key words: marxism, theory of historical development, historical materialism.

УДК 141.201

С. В. Мусатова

(ассистент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail – s.v.musatova@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЭНГЕЛЬСА О ДВИЖУЩИХ СИЛАХ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

***Аннотация:** В статье рассматривается анализ Ф. Энгельсом проблемы становления человеческого общества, выявление им обобщённых причин развития человечества в историческом аспекте. Проводится сравнительная аналогия с методологией А. Тойнби.*

***Ключевые слова:** общество, труд, деятельность, история, цивилизация.*

В Новое время начинают формироваться представления об обществе и истории на нерелигиозной основе, с опорой на естественные причины развития человечества. Географическая среда оказалась первым выделенным сущностным фактором, определяющим историческое состояние общества, который был принят французскими просветителями как решающая детерминанта формы правления народов. «Многие вещи управляют людьми, пишет Монтескьё, – климат, религия, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа» («О духе законов», 1748 г.) [1, с. 545]. Этот подход, выделяющий объективную основу развития общества, может быть определен как материалистический, но не исторический. Он в большей степени мог бы быть отнесён к существованию обществ архаического типа, живущих в традиционном укладе, в единстве с природной средой многие столетия и тысячелетия. Тем не менее, это был шаг вперёд по сравнению с мифологическими описаниями циклического движения человечества от золотого века к железному или с христианским повествованием об изначальном грехопадении и грядущем Страшном суде. В обоих последних случаях перед нами присутствует та или иная форма предопределённой заданности, а человеку в этих условиях остаётся в скорбях и

печалях, осознавая свою вселенскую малость до века претерпевать печальный удел «малых сих».

Для действительно научного рассмотрения истории требовалось, во-первых, определить собственную форму развития человечества как отличающуюся от природной эволюции, и, во-вторых, найти в этой форме то основополагающее звено, которое определяет, в конечном итоге, специфику и основные особенности именно исторического бытия. Выполнение первого пункта позволяет преодолеть представление о фатальном действии слепой, довлеющей над человечеством неизвестной вселенской силы. Второе же ставит исследование истории на её собственную, не мистифицированную основу. Эти два пункта, конечно, взаимосвязаны. Говоря о первом аспекте, Энгельс чётко отграничивает историю от простой эволюции: «Вместе с человеком, – говорит он, – мы вступает в область истории. Люди... чем больше они удаляются от животных в узком смысле слова, тем в большей степени они делают историю сами..., и тем меньше становится влияние... непредвиденных последствий, неконтролируемых сил...» [2, с. 18-19].

Ф. Энгельс, изучая проблемы социального взаимодействия, акцентирует в своей работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» внимание на совместной трудовой деятельности людей как определяющем факторе формирования социума и его последующего исторического развития. Он отмечал, что «...развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена» [3, с. 74]. Таким образом, не внешние условия, а именно внутренние, причём, имеющие объективный, материальный характер своего функционирования, становятся определяющими факторами социально-культурного, исторического развития.

Анализируя доисторические ступени культуры Ф. Энгельс в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [4] выделяет три главные эпохи развития человечества – дикость, варварство и цивилизацию. Каждая из них имеет три условно обозначенные ступени – низшую, среднюю и высшую, которые различаются в соответствии с прогрессом в производстве средств к жизни. Именно благодаря этим ступеням происходит развитие семьи (или предпосылки к её появлению), но, безусловно, без точных

разграничений – иногда процесс развёртывается на стыке эпох или ступеней одной из них. Кратко рассмотрим выделенные этапы развития человечества.

Период дикости определён практикой преимущественного присвоения готовых продуктов природы, тогда как всё то примитивное, что искусственно создано человеком, является лишь предпосылкой к этому присвоению. Именно потому, что у человека не было никаких средств защиты, не предусмотрено природой, он вынужден был жить на деревьях, благодаря чему удалось выжить в ареале обитания крупных хищников. Питаться приходилось в основном орехами, плодами и кореньями. Одно из главных достижений этого времени – зачатки членораздельной речи. Позже, появляется потребность в огне и умении его самостоятельно добывать, обусловлено это изменением рациона, что привело также к определённой независимости от климатических условий и рельефа местности. В этих условиях начинается освоение новых земель, происходит создание примитивных каменных орудий.

Высшая ступень дикости завершается изобретением орудий для охоты, а именно: лука и стрел, что ознаменовало становление охоты как постоянного промысла и образования небольших поселений.

Эпоха варварства знаменует период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью собственно человеческой деятельности. Ширится гончарное производство, и его можно считать первым видом ремесла. Собираательство и охота, в свою очередь, постепенно переходят в скотоводство и земледелие. По сравнению с периодом дикости, где развитие происходило, в основном, однотипно и равномерно, вне зависимости от территории, в период варварства осуществляется дифференциация любой деятельности в зависимости от характера местности и наличных ресурсов. Таким образом, темпы развития географически различающихся цивилизаций были совершенно разными.

Высшая ступень варварства начинается с плавки железной руды и постепенно переходит на стадию цивилизации благодаря изобретению буквенного письма с его применением для записывания словесного творчества. Самые яркие примеры – это греки героической эпохи, итальянские племена и основание ими Рима, германцы Тацита, норманны времен викингов. Письменность появи-

лась примерно к 3300 г. до н.э. в Шумере, к 3000 г. до н.э. в Египте, к 2000 г. до н.э. в Китае. Что касается древних греков, то в настоящее время твёрдо установлено, что алфавит не мог быть воспринят ими ранее IX в. до н.э.

С этапом появления цивилизации начинается период, продолжающийся вплоть до нашего времени. Его начало характеризуется развитием практики более качественной обработкой природных материалов, что означает возникновение периода промышленности и в собственном смысле этого слова и как искусства человеческой деятельности.

Некоторые современные авторы полагают, что основной тезис марксизма о развитии обществ заключается в положении о неравном распределении ресурсов. Так, в монографии Чилипенко Ю.Ю. утверждается: «Важной для понимания специфики социального взаимодействия является основополагающая идея о том, что общество является системой взаимодействий, основанной на неравном распределении ресурсов, что ведёт к эксплуатации и принуждению, а капитализм приводит не только к отчуждению людей от того, что они производят, но и к отчуждению людей друг от друга, что снижает эффективность социального взаимодействия в определённых сферах общественной жизни».[5, с. 15]. Однако, точнее будет говорить не о неравном распределении ресурсов, а о разном отношении к средствам производства с точки зрения владения ими. Именно их сосредоточение в руках класса собственников позволяет им распределять прибавочный продукт в его подавляющем объёме в свою пользу, оставляя наёмному работнику минимальный уровень оплаты.

Касательно же собственно материалистического понимания истории мы читаем у Энгельса: «...определяющим моментом в истории является в конечном счёте производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять–таки, бывает двоякого рода. С одной стороны – производство средств к жизни...; с другой – производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определённой исторической эпохи..., обуславливаются обоими видами производства... Чем меньше развит труд..., тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей» [4, с. 4].

Таким образом, в развёрнутом определении Энгельса мы нигде не встречаемся с фактором неравного распределения ресурсов.

Позицию классического марксизма на вопрос о движущих силах истории мы, хотя и тезисно, но в целом обрисовали. Каковы же воззрения на эту тему представителей собственно зарубежного интеллектуального сообщества? Возможно, они нашли более глубокое основание истории, разработав иную методологию, подойдя к делу исследования социокультурных, исторических отношений с позиций не исторического материализма, а его антипода, идеалистического воззрения.

Обратимся к фундаментальному труду А. Дж. Тойнби «Постижение истории» [6]. Он тщательно избегает малейшего упоминания о классах, классовых антагонизмах, о роли труда, производственных отношений и т.д., но вводит научно не верифицируемые характеристики психологического типа – «вызов–и–ответ», «уход–и–возврат». Тойнби, на первый взгляд, действует строго рационально. Он сравнивает разные методологии, в частности, он привлекает методы классической физики и пишет: «В исследовании положительного фактора мы использовали методологию физики. Мы строили рассуждения в абстрактных терминах и проводили эксперимент с природными феноменами – силой инерции, расой, средой. ...Мы видим, что ошибок больше, чем достижений. ...Предпринимая последнюю попытку..., двинемся по пути, указанному Платоном. Отрешимся от формул Науки и вслушаемся в язык Мифологии» [6, с. 106-107]. И в следующем же абзаце Тойнби выдвигает гипотезу относительно генезиса цивилизации как результат «столкновения между двумя сверхчеловеческими личностями» [6, с. 107]. Иными словами, историк встал не то что на донаучную точку зрения, но попал прямо в объятия мифологии со всеми вытекающими последствиями. Попутно заметим ложность дихотомии по выбору методологии, предполагающей одну альтернативу – либо физический подход, либо мифологический. Физика решает задачи исследования природных феноменов, а не исторических и социальных.

Переход от примитивных обществ к цивилизации Тойнби определяет, как действие «творческого меньшинства»: «Характерным типом индивида, действия которого превращают примитивное общество в цивилизацию и обуславливают причину роста растущей цивилизации, является “сильная личность”, “медиум”, “ге-

ний”, “сверхчеловек...”» [6, с. 260]. Здесь остаётся один шаг до утверждения нацистской идеологии.

Таким образом, можно констатировать, что подход Ф. Энгельса к изучению общественных явлений действительно является единственно верным в силу своей научности, как об этом и говорилось в отечественной социальной философии советского периода, а все те прочие вариации ведут в отжившие, архаические способы понимания, имеющие, как правило, религиозно–мифологическую природу.

Список литературы:

1. Монтескьё Ш.Л. О духе законов // Антология мировой философии: В 4 т. – Т. 2: Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. – Москва: Мысль, 1970. – 536-545 с.
2. Энгельс Ф. Диалектика природы. – Москва: Политиздат, 1982. – 359 с.
3. Энгельс, Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные произведения в 3-х т. – Т. 3. – Москва: Политиздат, 1985. – С. 69–82.
4. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. – Москва: Издательство политической литературы, 1982. – 240 с.
5. Чилипенюк Ю.Ю. Социально-трудовые отношения: теория и практика взаимодействия субъектов в сфере малого и среднего бизнеса: монография / Ю. Ю. Чилипенюк – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2015. – 363 с.
6. Тойнби А. Дж. Постижение истории: Пер. с англ. / Сост. Огурцов А.П. – Москва: Прогресс, 1991. – 736 с.

S. V. Musatova

(assistant)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: s.v.musatova@yandex.ru

THE PRINCIPLE OF ACTIVITY IN INTERPRETATION OF THE CONCEPT "SOCIAL"

***Annotation.** This work examines the problem of Friedrich Engels' analysis of the formation of human society, identifying the reasons for the development of mankind in the historical aspect. Analogies are drawn with various approaches of other authors.*

***Key words:** society, labor, activity, civilization.*

УДК 101.9

А. С. РОМАНОВА

(аспирант)

Донецкий национальный университет
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: anna.romanova1810@gmail.com

ЛИЧНОСТЬ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА

Аннотация. Работа посвящена философскому анализу феномена личности в контексте марксистской философии. Сделан акцент на соотношении личности и массы в историческом процессе. Сделан вывод о том, что деятельность личности, противоречащая объективным законам развития, обречена на провал. При этом марксизм не отрицает способность выдающихся личностей оказывать значительное влияние на развитие общества.

Ключевые слова: личность, масса, общество, история, историческая закономерность.

Личность и ее роль в историческом развитии общества является одним из наиболее актуальных, обсуждаемых и при этом недостаточно раскрытых вопросов социально-гуманитарного знания. Философское наследие Ф. Энгельса и К. Маркса (в частности, такие работы как «Немецко-французский ежегодник», «Святое семейство, или Критика критической критики» [1], «Нищета философии» [2], «Манифест Коммунистической партии» [3]) является значимым вкладом в решение этой сложной и многоуровневой проблемы.

При этом Ф. Энгельс и К. Маркс, опираясь на диалектическую методологию, рассматривали развитие личности и общества как неразрывно связанные факторы социального прогресса. В философских трудах 1848–1852 гг. Ф. Энгельс и К. Маркс активно освещали вопрос о соотношении ролей масс и личностей в истории. Материалом, на основании которого строились их выводы, были практические результаты европейских революций периода 1848–1849 гг. Важнейшим выводом классиков марксизма было то, что действий масс в революции имели одновременно объективную обусловленность и их субъективную активность, опирающуюся на диалектическую взаимосвязь между исторической деятельностью

трудящихся масс и выдающихся личностей. Тем самым К. Маркс и Ф. Энгельс в эти годы внесли важнейший вклад в развитие материалистического понимания истории, развития общества и человека.

Существует множество определений понятия личности, но все они проблему личности рассматривают в связи с понятиями «человек», «индивид», «индивидуальность».

Человек – это общее понятие, характеризующее живое существо (лат. *homo sapiens*), что проявляет ту или иную степень разумности.

В общественной жизни человек выступает как индивид. Под понятием «индивид» понимается единичный представитель человеческого рода без учета его биологических особенностей, специфики реальной жизни и деятельности, то есть, как обезличенное существо. Индивидуальность – это неповторимое своеобразие человека.

Каждый человек, живя в обществе, характеризуется как представитель пола, как специалист в определенной профессии, как гражданин, как член семьи. Тем самым он, на основе опыта жизни и процесса обучения, реализует определенный социальный багаж, проявляет себя как личность.

Понятие «человек» и «личность» нередко отождествляются, употребляются как синонимы. Однако между ними есть разница. Во-первых, человек является целостностью, а личность является частью, компонентом человека. Во-вторых, человек является существом биосоциальным, тогда как понятие «личность» характеризует общественный аспект человека, то есть человека, который поднялся до определенного уровня социализации.

Личность (греч. *persona*, маска в древнегреческом театре) – это отдельный человек с определенными чертами характера, индивидуальными способностями и склонностями.

Это понятие употребляется только по отношению к отдельному человеку, и притом начиная только с определенного этапа его развития. Нельзя сказать что-то о личности новорожденного ребенка. Личностью в специфическом смысле этого слова является человек, у которого есть свое мировоззрение, свои позиции и ярко выраженное отношение к жизни.

Неотъемлемыми признаками личности выступают разумность, владение языком, способность к трудовой деятельности, са-

мостоятельность, стремление к свободе, сила воли, оригинальность чувств, ответственность. Эти признаки детерминируются всей системой общественных отношений, всем социальным укладом.

Основным видом деятельности личности является труд. В работе проявляются социальные качества человека, которые делают его личностью. В этом плане можно утверждать, что общество формирует личность путем ее социализации, путем воздействия на нее социальной среды.

Личность не только формируется социумом, социальной средой, но и сама влияет на них в зависимости от образования, профессии, общественного положения и активности. Определяющая роль в этом процессе принадлежит социуму, который создает благоприятные условия для деятельности человека.

В то же время нужно учитывать, что взаимосвязь между личностью и обществом проявляется в зависимости от индивидуальной жизнедеятельности человека, а также от потребностей и возможностей общества, от того, какие условия созданы в нем для развития личности, для ее самореализации.

Следует также учитывать возможность обострения взаимоотношений личности и общества, особенно в периоды кризисных явлений в социальной системе, в условиях ослабления управляемости социальных процессов и их неэффективности. Эти процессы сейчас свойственны нашему обществу и выражаются в первую очередь в ценностной и практической переориентации в области экономики, политики и духовной сфере.

Народная масса в социально-философском смысле является сообществом, сочетающим классы и слои, которые заинтересованы в развитии общества. Народная масса состоит из классов. Основную ее часть составляют работники различных отраслей. Глубина общественных преобразований напрямую зависит от участия масс в этих преобразованиях. Хотя масса состоит из индивидов, только отдельные личности надолго остаются в исторической памяти.

Личность является одним из ключевых понятий при изучении социума на том или ином этапе его развития. Причем соотношение индивидуального и социального устанавливается и в физическом, и в социальном измерениях. Человек активно формирует

вокруг себя собственное пространство. Это происходит путем присвоения материальных и символических благ.

Индивидуально-личностное и общественное сознание неразрывно связаны между собой. Личность всегда существует в социуме, формируется и развивается при воздействии отдельных культурных и социальных условий, кодов, норм и ценностей. Но, с другой стороны, сам социум состоит из отдельных индивидов.

Принято считать, что личностное сознание и социум – это два противоположных полюса на шкале социально-философского знания. Соответственно, между ними существует большое количество разногласий, потому что общество всегда представляет собой несколько целое, нельзя свести отдельных индивидов, составляющих ее. Ведь на основании принципов системного подхода, система не равна сумме своих элементов. Каждая новая человеческая система или группа создает новые социально-психологические и культурные качества, которые можно понять только исходя из рассмотрения этой системы или группы, но не из исследования отдельных индивидов.

Марксистский подход к вопросу соотношения личности и масс в социально-историческом развитии весьма подробно изложен в работе «К вопросу о роли личности в истории» Г.В. Плеханова. Хотя марксизм решительно порвал с теологией и объяснял ход исторического процесса материальными факторами, он многое унаследовал от объективной идеалистической философии Г. Гегеля в целом и в отношении роли личности в частности. К. Маркс, Ф. Энгельс и их последователи считали, что исторические законы инвариантны, то есть реализуются при любых обстоятельствах. В такой ситуации роль личности в истории представляла второстепенной. Личность может лишь наложить индивидуальный отпечаток на неизбежный ход событий, ускорить или замедлить реализацию исторического закона, но не в состоянии ни при каких обстоятельствах изменить запрограммированный ход истории. И если бы не было одной личности, то ее непременно бы заменила другая, которая выполнила бы ровно ту же историческую роль.

Такой подход фактически базировался на идеях неизбежности осуществления социально-исторических законов, действующих вопреки всему, с «железной необходимостью». При этом критики марксизма часто подчеркивают, таких законов нет и быть не может в истории, поскольку общества в мировой системе играют разную

функциональную роль, которая нередко зависит от индивидуальных способностей политиков. Если посредственный правитель промедлит с реформами, его государство может попасть в зависимость, как, например, это случилось в Китае в XIX в. В то же время проведенные правильно реформы способны превратить страну в новый центр силы (например, Япония в XIX в. сумела перестроиться и занять активную позицию в новых политических и исторических реалиях).

К критическим аспектам трактовки вопроса о соотношении личности и народных масс в истории относится также то, что в марксизме недостаточно внимания уделено ситуациям, когда личность не только действует в определенных обстоятельствах, но, когда обстоятельства позволяют, в известной мере творит их согласно собственным пониманию и особенностям. Например, в эпоху в начале VII в. арабские племена чувствовали потребность в новой религии. Но какой она могла стать в своем реальном воплощении, во многом зависело уже от конкретной личности (в данном конкретном случае – личности Пророка Мохаммеда). Кроме того, многие события, включая социалистическую революцию в России, следует признать результатом, который мог бы и не осуществиться без совпадения ряда случайностей и выдающейся роли В. Ленина и Л. Троцкого. В отличие от философского подхода Г. Гегеля в марксизме во внимание принимаются уже не только положительные, но и отрицательные деятели (первые могут ускорить, а вторые – замедлить реализацию закона). Однако оценка положительной или отрицательной роли личности существенно зависела от субъективной и классовой позиции философа.

Таким образом, материалистическое понимание истории, представленное в трудах Ф. Энгельса и К. Маркса, включает признание роли личности в истории, а также способность выдающихся личностей оказывать значительное влияние на развитие общества. При этом делается акцент на том, что подобное влияние возможно лишь в случае, когда идеалы и действия такой личности основываются на правильном понимании интересов и потребностей передового класса общества, являются выражением назревших исторических задач, соответствуют объективному ходу истории; в умении понять и выразить потребности исторического развития, определить пути их осуществления и состоит сила выдающихся лично-

стей. В противном случае деятельность личности превращается в тормоз общественного развития, оказывается реакционной. Деятельность, противоречащая объективным законам развития, обречена в конечном итоге на провал, а личность, пытающаяся осуществлять такого рода деятельность, становится одиозной.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – 240 с.
2. Маркс К. Ницета философии / К. Маркс. – М.: ЭКСМО, 2016. – 160 с. – (Великие личности).
3. Маркс К., Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: ИТРК, 2016. – 68 с.

A. S. ROMANOVA

(graduate student)

Donetsk National University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail – anna.romanova1810@gmail.com

***Summary.** The work is devoted to the philosophical analysis of the personality phenomenon in the context of Marxist philosophy. Emphasis is placed on the relationship between personality and mass in the historical process. It is concluded that the activity of a person, which contradicts the objective laws of development, is doomed to failure. At the same time, Marxism does not deny the ability of prominent personalities to have a significant impact on the development of society.*

***Key words:** personality, mass, society, history, historical regularity.*

II.

Ф. Энгельс и современность: историко-культурные аспекты

УДК 130.2

В. П. Римский

(д. филос. наук, профессор)

Белгородский государственный институт искусств и культуры
(г. Белгород, Российская Федерация)

E-mail – rimskiy@bsu.ru

О. Н. Римская

(к. филос. наук, доцент)

Белгородский государственный институт искусств и культуры
(г. Белгород, Российская Федерация)

E-mail: olgarimskaja@rambler.ru

АКТУАЛЬНОСТЬ МАРКСИЗМА: ПРОБЛЕМА МИФА И РЕЛИГИИ

Аннотация. В статье представлена марксистская концепция социогенеза мифа и религии, которые расходятся в культурно-цивилизационных системах с начала разделения производства на материальное и духовное, что создает условия для переработки предшествующих идеальных продуктов первобытного сознания в особые формы сознания, отвечающие новым социально-историческим (классовым) условиям.

Ключевые слова: марксизм, миф, мифологическое сознание, религия, фетишизм, отчуждённая форма сознания.

В современном обществе сохраняется суеверие: если объявили, что некий человек умер, а он оказался жив, то этот человек уж точно проживёт ещё очень долго. Марксизм за последние 100-150 лет так часто хоронили, что эта теория и мировоззрение, будем надеяться, проживёт ещё как минимум столько же, владея умами многих трезвых людей.

При этом и К. Маркс, и Ф. Энгельс одними из первых дали научную критику различного рода суеверий, каковые всегда были

продуктами мифологического сознания, сохраняющегося до сих пор в различного рода обыденных предрассудках и системах социально-политической мифологии [см.: 1: 2]. К. Маркс и Ф. Энгельс одними из первых в рамках собственной научной парадигмы рассмотрели проблему мифа (часто они отождествляли миф и религию вполне в духе науки того времени).

Разумеется, все новое всегда растет на почве старого. Так Энгельс, дебютировав в «большой философии» серией блистательных статей о Шеллинге, оставался ещё в поле притяжения антропологии Фейербаха и писал о шеллингианской философии мифа, что «кое-что высказанное в ней, если освободить эти высказывания от общего мистического искажающего способа рассмотрения, могло бы быть приемлемо и для тех, кто рассматривает эти фазы развития сознания со свободной, чисто человеческой точки зрения» [3, с. 214]. Молодой Маркс, восприняв в то же время общую гегелевскую схему развития религиозных форм, фактически уже начал переосмысление истории в духе материализма и научного позитивизма: «Не гибель древних религий повлекла за собой гибель древних государств, а, наоборот, гибель древних государств повлекла за собой гибель древних религий» [4, с. 99]. Благодаря знакомству с идеями Ш. де Бросса о фетишизме, Маркс объясняет эту форму сознания не из развития духа и самосознания, а из потребностей индивида: «Фетишизм весьма далек от того, чтобы возвысить человека над его чувственными вожделениями, – он, напротив, является *«религией чувственных вожделений»*. Распаленная вожделением фантазия создает у фетишиста иллюзию, будто «бесчувственная вещь может изменить свои естественные свойства для того только, чтобы удовлетворить его прихоть. Грубое вожделение фетишиста *разбивает* поэтому свой фетиш, когда тот перестает быть его верноподданнейшим слугой» [4, с. 98].

Дальнейшее формирование марксизма связано с критическим развитием в статьях «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение» идей Фейербаха о религии как специфическом отчуждении, которое «преодолевают ограниченность земного мира», есть «дух гражданского общества, выражение отрыва и отдаления человека от человека» [5, с. 391, 397]. В этот период он дает собственное определение религии как «опиума народа», которое стало не только избитым местом в атеистической пропаганде, но и распространенным афоризмом. Здесь Маркс в по-

пулярной форме заложил фундамент собственной оценки религии: социальное отчуждение, классовое общество и государство – действительный базис религии, основная ее функция «классовая» – «опиум народа», реализация этой функции осуществляется через продуцирование отчуждения, превращённых форм сознания, скрывающих социальный антагонизм [см.: 6, с. 414-415]. Такое понимание делало упор на эмпирические критерии – *путь к позитивному, положительному, т.е. научному решению проблемы* – фиксирования исторических условий, в которых происходил реальный генезис религии: не движение духа в результате развития самосознания, а рост социального отчуждения порождают необходимость в специфической религиозной форме сознания. Маркс определил и специфическую форму первобытного сознания: «...древние народы переживали свою предысторию в воображении, в мифологии» [6, с. 419]. Здесь мы видим идеологическую переработку всей предшествующей немецкой философии, переработку, нисколько не ведущую к качественному скачку в осмыслении предмета исследования.

Эти идеи во многом получили теоретическое подкрепление в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» с позиций философского антропологизма. Маркс определяет религию как отчужденную форму духовного производства и превращенную форму сознания, детерминированную социально-экономическими условиями и формами трудовой деятельности: «Религиозное отчуждение как таковое происходит лишь в сфере *сознания*, в сфере внутреннего мира человека, но экономическое отчуждение есть *отчуждение действительной жизни*, – его упразднение охватывает поэтому обе стороны» [7, с. 117]. Обладает ли жизнедеятельность дикаря отчужденными формами? Марксова логика не дает оснований для таких заключений: «У дикаря, у животного все-таки есть еще потребность в охоте, в движении и т.д., в общении с себе подобными... Дикарь в своей пещере – этом элементе природы, свободно предоставляющем себя ему для пользования и защиты, чувствует себя не более чуждо, или, лучше сказать, не менее дома, чем рыба в воде» [7, с. 137]. Религия при этом понималась как отчужденная, особая форма производства сознания, проявляющаяся в условиях социально-экономического отчуждения, обладающая специфической социальной функцией. Религия отличается от фе-

тишистского сознания первобытности, в котором не проявилась еще абстрактная «вражда между чувством и духом» [7, с. 135]. Этим Маркс подчеркивал их специфику, генетическую связь и историческую ограниченность.

Дальнейшее развитие эти идеи в свободной от антропологизма форме получили в «Немецкой идеологии». Маркс и Энгельс отмечают, что позиция младогегельянцев является «избитой критикой религии как самостоятельной сферы» [8, с. 223] и «предполагает религиозного человека как первичного человека, от которого исходит вся история, а действительное производство средств к жизни и самой жизни заменяет в своем воображении религиозным производством фантазии» [8, с. 39]. По ступеням разделения труда Маркс и Энгельс выделяют пять форм собственности: племенная, античная, феодальная, буржуазная и коммунистическая.

На стадии первобытности «разделение труда развито еще очень слабо и ограничивается дальнейшим расширением существующего в семье естественно возникшего разделения труда» [8, с. 20], а производство ограничено охотой и рыболовством – их сменяют примитивное земледелие и скотоводство. Этому производству материальной жизни соответствует и производство сознания, которое «первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни» [8, с. 24]. Это сознание, не называя «мифологическим», Маркс и Энгельс характеризуют как «стадное», «животное осознание природы (обожествление природы)». Идет ли здесь речь о первобытном сознании как «естественной религии» в духе просветителей, Гегеля или Фейербаха? Нет, это далеко не так.

Разделение труда между мужчинами и женщинами (охота и рыболовство) сменяются разделением труда между большими группами людей (скотоводство и земледелие), что соответствует двум основным модификациям племенной собственности. На последней стадии в рамках патриархальных племен оформляются предпосылки для появления рабства и для замены племенной собственности новой формой, включающей и частную собственность: «Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда... С этим совпадает первая форма идеологов, *попы*» [8, с. 30]. Кстати, до революции слово «попы» не носило уничижительного смысла, который придали позже этому слову атеисты-

большевики – почему оно и употреблено здесь в тексте советским переводчиком вместо более уместного слова «жрецы». Классики марксизма были людьми образованными и знали, что исторически первой социальной кастой и стали жрецы.

Здесь достаточно четко представлена марксистская концепция социогенеза мифа и религии, которые расходятся в культурно-цивилизационных системах с начала разделения производства на материальное и духовное, что создает условия для переработки предшествующих идеальных продуктов первобытного сознания в особые формы сознания, отвечающие новым социально-историческим (классовым) условиям.

Классики марксизма не могли в своих научных построениях не учитывать достижения других учёных своего времени. Они опирались в своём понимании религиозно-мифологического сознания на разработки таких первых представителей культурно-антропологической школы, как Э. Тэйлор, Л. Морган, Дж. Фрэзер, М. Ковалевский, Л. Штернберг, которые внесли свой вклад в изучение первобытной культуры, истории мифа и религии. При этом классики марксизма устраняли противоречия в трактовках первобытности и архаики, которые допускали культурные антропологи.

Например, Э. Тэйлор концептуально очень антиномичен. Он понимает, с одной стороны, анимизм как мировоззрение и универсальный способ мышления первобытного человека и, с другой стороны, анимизм трактует исключительно как религиозный культ. Мифология, в его трактовке, есть продукт анимистического мировоззрения: «Первая и главная причина превращения фактов ежедневного опыта в миф есть верование в одушевление всей природы, – верование, которое достигает высшей своей точки в олицетворении ее». И далее: «Это учение об анимизме в другом месте будет рассмотрено нами в его действии на философию и религию. Теперь же мы займемся только отношением его к мифологии» [9, с. 206]. Здесь дается совершенно ясное различие мифа и религии, как имеющих общую почву в анимистическом мышлении.

Мифологические идеи не являются, по Тэйлору, простыми поэтическими метафорами (критика «мифологов»), но «опираются на широкую философию природы» как продукт мышления первобытного дикаря-философа, пользующегося логическим орудием аналогии. Тэйлор не отрицает роли метафоры и «болезни языка» в

развитии мифологии. Он дает ряд очень метких характеристик мифомышления, систематизирует мифологические циклы (природные мифы, солярные, геологические, философские и т.д.). Но Тэйлор, вводя веру в духов (анимизм) в качестве «минимума религии» и ее «общего признака», фактически отличает миф от религии только обрядностью, т.е. утверждает тривиальное понимание мифологии как составной части религии, ее «теории», дополняющей «практику», т.е. культовый обряд. Субъективно-идеалистические философские установки культурного эволюционизма Тэйлора, методологический эмпиризм в трактовке сравнительно-исторического метода исследования и не могли не привести к эклектическому пониманию дихотомии «миф-религия»: мы видим и их полное отождествление, и полное различие, и объединение в качестве частей «синкретического» первобытного анимизма как мировоззрения.

Если в ранних работах Маркса и Энгельса основной упор делался на социально-исторический генезис форм сознания, так как это было связано с обоснованием материалистического понимания истории, то в зрелых работах развитие сознания представлено с точки зрения зависимости мыслительных форм от накопленной духовной культуры общества, духовные продукты рассматриваются не только в связи с их производством, но и обратным влиянием на материальный базис в результате их функционального, органического обособления.

Интересно, что к этой проблематике Маркс обращается даже во время работы над «Капиталом», произведением сугубо экономическим. В подготовительных рукописях, критикуя метафизические представления о прямолинейной связи прогресса материального производства с достижениями в области духовной культуры, он прослеживает диалектику развития форм искусства в различные исторические эпохи. Сопоставление этого текста с идеями Шеллинга показывает, что Маркс опирался на его положение об античной мифологии как почве и первичном материале искусства, об отличии античного искусства и мифологии от египетской. Маркс дает интересное определение мифологии как формы общественного сознания: «Всякая мифология преодолевает, подчиняет и преобразовывает силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, вместе с наступлением действительного господства над этими силами природы... Предпосылкой греческого искусства является греческая мифология, т.е. такая при-

рода и такие общественные формы, которые уже сами бессознательно-художественным» образом переработаны народной фантазией. Это его материал» [10, с. 47-48]. Здесь подчеркнута и рационально-эстетическая значимость первобытного сознания. Причем, имеется определенная связь между формами сознания, связь генетическая, в которой форма предшествующая снимается как предпосылка в становлении последующей, более развитой. Но сама эта диалектика форм сознания детерминирована материальным базисом.

Важнейшее значение для понимания все марксистских (в том числе и в советскую эпоху) трактовок специфики мифа и религии имеет раздел о фетишизме в первом томе «Капитала». Маркс на примере религиозного сознания и вещного сознания (товарно-денежного фетишизма) отмечает родовую общность всех превращенных форм сознания, в которых «продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом» [11, с. 82]. Это всеобщее человеческих иллюзий, начиная от чувственного, «стадного» сознания первобытного охотника и заканчивая «атеистическим» и прагматическим сознанием агентов индустриального производства, адептов современного общества потребления. Всеобщей основой иллюзий человека относительно собственной жизни является тот факт, что материальное производство и вся материальная жизнь до сих пор существовали стихийно и не подчинялись контролю со стороны людей. Однако Маркс указывает на видовую специфику иллюзий, существующих соответственно различным способам производства в особых формах: «это – лишь определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму... Это – общественное значимые, следовательно, объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства» [11, с. 82, 86]. И далее следует анализ различных способов производства и соответствующих им форм сознания.

В «Капитале» развитие получает и методологически весьма плодотворное с точки зрения социальной философии того времени (да и нашего) понятие духовного производства, и, соответственно, понимание религии как социального института и особой формы

этого производства, органа социальной системы, основной функцией которого выступает воспроизводство в идеальных формах «сверхъестественного» и тем самым санкционирование и освящение существующего социального порядка. Религиозные формы мышления предстают как общезначимые, объективно-мыслительные формы, идеальные продукты специфической культурной деятельности, которые неотделимы от акта их производства.

Не отстает от друга и Энгельс, давая в «Анти-Дюринге» классическое «гносеологическое» определение религии как формы «отражения действительности»: «Но ведь всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, – отражение, в котором земные силы принимают форму неземных. В начале истории объектами этого отражения являются прежде всего силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые олицетворения... Но вскоре, наряду с силами природы, вступают в действие также и общественные силы, – силы, которые противостоят человеку в качестве столь же чуждых и первоначально столь же необъяснимых для него, как и силы природы, и подобно последним господствуют над ним с той же кажущейся естественной необходимостью» [12, с. 328-329]. Чтобы разобраться, какие конкретно-исторические формы сознания и этапы общественного развития имел в виду в этом определении Энгельс, необходимо учитывать все его работы, посвященные в период шестидесятих годов XIX века первобытной истории. Тогда станет ясно, что Энгельс вовсе не пишет здесь о «религии первобытного общества», как обычно пытаются толковать это место.

Когда Энгельс говорит о «начале истории», то здесь подразумеваются в согласии с научной традицией тех лет «писаная история», «цивилизация», а не первобытность – «доистория». Энгельс рассматривает народности индоевропейской языковой группы: индусов, персов, греков, римлян, германцев, кельтов, литовцев и славян, явно опираясь на результаты «мифологической школы» культурной антропологии, рассматривавшей мифологию в ее зрелых формах. При этом формы их социальной организации – различные трансформации земледельческих общин – Маркс и Энгельс исследовали в процессе их разложения и включения в классовые, более развитые структуры.

Итак, К. Маркс и Ф. Энгельс, порой терминологически отождествляя миф и религию, понятийно чаще всего их различали. Понятие «мифология» они разработали для характеристики формационного статуса первобытного сознания. Для характеристики различных элементов мифологического сознания ими употреблялись термины и понятия «стадное сознание», «первобытные бессмыслицы», «ложные представления о природе», «фетишизм», «бессознательно-художественная народная фантазия», «племенное сознание» и т.д. Религия характеризует при этом более развитые, религиозно-мифологические стадии развития общественного и индивидуально-личного сознания.

Список литературы

1. Римская О.Н., Римский В.П. Современное мифосознание и субкультурные религии // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №8 (128). Вып. 20. Белгород, 2012. С. 67-74.
2. Римская О.Н. Проблема мифа и религии в свете школы мифоведения А.В. Потёмкина // Наука. Искусство. Культура. № 3 (15). Белгород, 2017. С. 112-118.
3. Энгельс Ф. Шеллинг и откровение // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 41. С. 214.
4. Маркс К. Передовица в № 179 «Kolnische Zeitung» // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 99.
5. Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 1. С. 382-413.
6. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 414-429.
7. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.42. Т. 41-174.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С.7-544.
9. Тэйлор Э. Первобытная культура. - М.: Соцэкономгиз, 1939. - 567 с.
10. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала») в 2-х ч. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. - 559 с.
11. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. С. 23-907.
12. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 5-338.

V. P. Rimskiy

(Doctor of Philosophical Sciences, Professor)

Belgorod state Institute of arts and culture

(Belgorod, Russian Federation)

E-mail: rimskiy@bsu.ru

O. N. Rimskaya

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Belgorod state Institute of arts and culture

(Belgorod, Russian Federation)

E-mail: olgarimskaja@rambler.ru

**RELEVANCE OF MARXISM:
THE PROBLEM OF MYTH AND RELIGION**

***Annotation.** The article presents the Marxist concept of the sociogenesis of myth and religion, which diverge in cultural and civilizational systems since the beginning of the division of production into material and spiritual, which creates conditions for the processing of the previous ideal products of primitive consciousness into special forms of consciousness that meet new socio-historical (class) conditions ...*

***Key words:** Marxism, myth, mythological consciousness, religion, fetishism, alienated form of consciousness.*

УДК 130.2

Г. А. Лемешко

(старший преподаватель)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: lemeshko.donntu@gmail.com

ВЛИЯНИЕ МЛАДОГЕГЕЛЬЯНСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ АТЕИСТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА

***Аннотация.** Данная работа посвящена анализу младогегельянско-го периода в жизни Ф. Энгельса, его перехода от религиозно-идеалистического мировоззрения к материализму и атеизму.*

***Ключевые слова:** теология, идеализм, материализм, атеизм, младогегельянцы, рационализм, миф, христианство.*

Фридрих Энгельс родился 28 ноября 1820 года в семье богатого текстильного фабриканта. Его отец был глубоко верующим человеком, суровым по нраву, приверженцем консервативных ценностей. Он был последователем такого протестантского течения, как пиетизм и своих детей строго воспитывал в этом же духе. В школе юного Фридриха характеризовали как человека очень религиозного и благонаравного. С юных лет Ф. Энгельс много читал, но наибольший интерес проявлял к теологии и философии. Он прошёл достаточно сложный, хотя и не очень продолжительный, путь от религиозности к атеизму, во время которого на его идейное развитие оказывали влияние различные, зачастую радикальные, течения. Фридриху Энгельсу было 23 года, когда он отказался от религиозной веры.

Увлечение философией для Энгельса не осталось бесследным: религиозная ортодоксия, которая внушалась юному Фридриху в семье и в школе, стала вызывать у него протест. Уже в девятнадцатилетнем возрасте, 15 июня 1839г., в письме к братьям Греберам, Энгельс признаётся, что для объяснения религиозной веры он всё больше склоняется к рационализму, так как рационализм, считает он, может укрепить религиозные чувства: «...божественным можно считать лишь то учение, которое может выдержать критику разума» [1, с. 302]. В это время особое

значение для него приобретает вопрос о соотношении веры и разума, который для молодого философа имел не только теоретическую, но и личную проблему. Интерес к этой проблеме имел для Энгельса далеко идущие последствия. Как отмечал Т. И. Ойзерман, «...попытка Энгельса рационалистически истолковать религиозные догматы приводит к неожиданным для него последствиям: вместе с крушением слепой веры рушится и религиозная вера вообще» [2, с. 87].

Тогда же Энгельс знакомится с работами протестантского философа, профессора теологии Берлинского университета Фридриха Шлейермахера, в частности, с его «Речами о религии». В этой работе он увидел «естественную религию чувств» как альтернативу существующим сверхъестественным религиям. Следует отметить, что Шлейермахер был последовательным противником рационалистического толкования религии. Он утверждал, что истинное содержание религии может открываться только в чувствах и в религиозном экстазе. К этому времени Энгельс уже на собственном опыте осознал невозможность преодолеть религиозные сомнения с помощью разума. Отсюда понятно его утверждение в письме к Ф. Греберу от 12-27 июля: «Религия – дело сердца, и у кого есть сердце, тот может быть благочестивым; но у кого благочестие коренится в рассудке или даже в разуме, у того его вовсе нет. Древо религии растёт из сердца и покрывает своей сенью всего человека и добывает себе пищу из дыхания разума; догматы же – это его плоды, несущие в себе благороднейшую кровь сердца; что сверх того, то от лукавого. Таково учение Шлейермахера, и на нём я стою» [3, 310].

Энгельс называет Шлейермахера «великим человеком». В том же письме он заявляет: «В моём предыдущем письме я выложил тебе массу скептических соображений; я рассматривал бы вопрос иначе, если бы уже тогда был знаком с учением Шлейермахера. ... Философские принципы, какие я нашёл в этом учении я уже воспринял; с его теорией искупления я ещё не свёл всех счётов... Если бы я раньше был знаком с этим учением, я никогда не стал бы рационалистом» [3, с. 304-305]. Он с удовлетворением отмечает, что в философии Шлейермахера он нашёл необходимое философское мировоззрение, поскольку она принципиально отличается от официального протестантизма, в частности, от пиетизма. Как отмечали В. А. Малинин и В. И. Шинкарук, «...Философия

чувств Шлейермахера была хотя и непродолжительной, но всё же определённой фазой в идейном развитии молодого Энгельса» [4, с. 71].

С сентября 1841 года Энгельс проходил годичную военную службу в Берлине, где в качестве студента-вольнослушателя посещал лекции по философии в Берлинском университете. Там у него проявился особый интерес к философии Гегеля. Тогда же он знакомится с младо-или-левогегельянцами, наиболее радикальным течением среди последователей учения Гегеля, которые во многом были близки ему по духу. К младогегельянкам относились Д. Ф. Штраус, Л. Фейербах, братья Бруно и Эдгар Бауэры, А. Руге, К. Нойверк, М. Гесс, Э. Эхтермейер, К. Ф. Кёппен и другие. Именно они во многом оказали влияние на становление и эволюцию взглядов и представлений Энгельса в этот период, в том числе и в отношении к религии.

В Берлинском университете во время обучения Ф. Энгельса лекции по философии читал Ф. В. Шеллинг, который резко критиковал Гегеля и его последователей, в том числе и младогегельянцев. В 1841-1842 г. Энгельс печатает три работы, касающиеся философии Шеллинга: «Шеллинг о Гегеле», «Шеллинг и откровение», «Шеллинг – философ во Христе». В этих работах он с младогегельянских позиций защищает прогрессивные, с его точки зрения, положения философии Гегеля – диалектику и её критический дух. Следует подчеркнуть, что Ф. Энгельс первым из младогегельянцев вступил в полемику с Шеллингом, защищая философию Гегеля. Необходимо отметить, что в этих статьях критика Шеллинга Энгельсом велась ещё не с материалистических позиций.

Среди последователей философии Гегеля были не только левогегельянцы (радикальное, революционное крыло тогдашней немецкой оппозиции), но и представители правого (консервативного) крыла (старогегельянцы). Среди них можно назвать Г. Габлера, К. Гешеля, Г. Хинрикса, К. Дауба, П. Мархейнеке, Л. Хеннинга и др. Правогегельянцы считали, что труды Гегеля – это вершина достижений философии, поэтому задача последователей Гегеля состоит в том, чтобы неуклонно следовать её букве и принципам и неустанно её популяризировать и пропагандировать. По сути, они отбросили диалектику, а философию Гегеля, используя его тезис о

тождестве религии и философии, рассматривали как рациональную форму богословия.

Дискуссии в среде гегельянцев в первую очередь велись вокруг религиозного учения Гегеля. Их острота была обусловлена тем, что в Германии в то время это имело прямое отношение к решению сложных политических вопросов.

Начало размежеванию между ними было положено работой Д. Штрауса «Жизнь Иисуса», написанной в 1835-1836 гг., и последовавшей затем полемикой с ним Б. Бауэра. Примечательно, что и Д. Штраус, и его оппонент Б. Бауэр имели богословское образование и хорошо знали Библию.

Используя гегелевский философский метод, Штраус предпринимает попытку критического прочтения Евангелий. «Жизнь Иисуса» Штрауса, писал Энгельс, было первым произведением, «которое представляло собой некоторый шаг вперёд за пределы ортодоксального гегельянства» [5, с. 538]. В этой работе Штраус поставил себе задачу – выяснить историю возникновения Евангелий, а для этого, утверждал он, нужно к ним подходить не как к книгам боговдохновенным, а как к произведениям, написанным людьми. Только таким образом можно ответить на вопросы: кто, когда и почему их написал и выяснить наличие в них сверхъестественных элементов.

Для анализа новозаветных историй он опирается на разработанное в гегелевской философии религии понятие «миф». Для Штрауса миф – это не просто выдумка, а неосознанное коллективное творчество, которое имеет объективное основание: если бы не было реального Иисуса, утверждает он, не возник бы и миф об Иисусе Христе. Это ненамеренное, спонтанное мифотворчество, с точки зрения Д. Штрауса, возникло сразу после казни Иисуса Христа, то есть задолго до написания Евангелий. Все эти мифические истории передавались от человека к человеку в устной форме, постепенно обрастая из благочестивых соображений всё новыми и новыми подробностями. Хотя новозаветные мифы были исторически недостоверны, всё же, отмечает он, соответствовали религиозным чувствам и идеям той эпохи, в них выразились какие-то созревшие в массах настроения и стремления. Они возникли среди древних евреев, которые напряженно ожидали появления мессии, предсказанное ветхозаветными пророчествами. Поэтому источни-

ком новозаветных мифов, по мнению Штрауса, является Ветхий Завет, иудаизм.

Итак, Штраус с одной стороны, отвергает историческую достоверность Евангелий, с другой стороны, рассматривает Иисуса Христа как историческую личность, которого люди наделили сверхъестественными способностями. Штраус признавал существование бога. Бог для него – это некая абстрактная духовная сущность, которая действует в мире через естественные, созданные им самим, законы. Такое понимание бога исключает возможность существования чуда, поскольку оно противоречит законам природы, а, следовательно, и воле божьей. Критика Штраусом Нового Завета сыграла большую роль в раскрытии действительной истории Библии.

Работа Штрауса «Жизнь Иисуса» оказала большое влияние на Ф. Энгельса. Внимательное и детальное её изучение приводит его к переосмыслению философии Шлейермахера. Христианство оказалось не истиной, выросшей из самых глубоких и высоких чувств, что вытекало из философии Шлейермахера, а сводом мифов, которые сложились стихийно среди последователей первоначального христианства, как утверждал Ф. Штраус.

В октябре 1839 года в письме В. Греберу Энгельс пишет: «Я теперь восторженный штраусианец». И далее: «Да, Гуиллермо, ... я – штраусианец, я, жалкий поэт, прячусь под крылья гениального Давида Фридриха Штрауса. ... Кое-где он злоупотребляет своей теорией мифов, но это только в мелочах; однако в целом он гениален. Если вы сумеете опровергнуть Штрауса, ... тогда я снова стану пиетистом» [6, с. 316]. Вместе с тем Энгельс замечает, что хотя теория мифов в целом верна, но выводы, сделанные из неё, могут быть ошибочными. Кроме того, пишет он, трудно «...чётко разграничить, что принадлежит мифу, что – истории и какие искажения внесли священники» [7, с. 52-53]. Но важным является то, что Д. Штраус сорвал религиозную оболочку с Евангелия.

Эта восторженная оценка Д. Штрауса относится к тому периоду в духовном развитии Энгельса, когда он ещё не стал атеистом и когда протестантский рационализм, как его понимал Штраус, ещё не был ему чуждым. Когда же этот этап был пройден, то значение Штрауса для Энгельса, как он сам отмечал, уже заключалось лишь в том, что он приблизил его к философии Гегеля.

В этот период в полемику со Штраусом вступает один из виднейших младогегельянцев – Б. Бауэр, который был вначале протестантским теологом и верным учеником Гегеля. Утратив веру, он, также как и Штраус, предпринял критическое исследование Нового завета. В своих работах «Критика Евангелия от Иоанна» (1840), «Критика синоптических евангелий» (в 3-х т., 1841–42), в памфлете «Разоблачённое христианство» (1843) Бауэр на первое место ставит критику. Именно в результате критики, утверждает он, появляются идеи, способные объединить людей, повести за собой массы и подталкивать развитие человечества вперёд. Главным объектом его внимания становится христианство, история его возникновения.

В противовес Ф. Штраусу, Б. Бауэр пришёл к выводу, что Евангелия создавались не массами, а отдельными, критически мыслящими людьми. Он отвергает историчность Иисуса Христа, мотивируя это тем, что все сведения о нём берутся из Евангелий, а последние являются вымыслом отдельных людей, имеющих определённые цели. Не соглашается Бауэр и с утверждением Штрауса, что христианство является прямым продолжением иудаизма. В своих работах он показывает, что первоначальное христианство имеет своими источниками учение еврейского философа Филона Александрийского (20 г. до н.э. – 54 г. н.э.), которого он называет «отцом христианства» и нравственные требования римского стоика Сенеки, которого он называет «дядей христианства». Как видим, Б. Бауэр уже открыто провозгласил принцип атеизма.

На работы Бауэра о раннем христианстве и Новом Завете обратил внимание Фридрих Энгельс, который много занимался этими вопросами. Бруно Бауэру он посвятил несколько работ: «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании» (1844) – работа, написанная совместно с К. Марксом, посвящена полемике против некоторых младогегельянцев, в том числе и Бауэра; «Бруно Бауэр и первоначальное христианство» (1882), «Книга Откровения» (1883) и «К истории первоначального христианства» (1894), в которых дал собственное решение ряда важнейших вопросов.

Энгельс подошёл к проблемам, связанным с ранним христианством, значительно шире, чем это делали Штраус и Бруно Бауэр: он вскрыл социальные причины возникновения христианства и дал характеристику той социально-исторической обстановки, которая

сложилась в Римской империи к началу нашей эры и которая обусловила как возникновение, так и победу христианства. Он согласился с Бауэром, что на происхождение христианства большое влияние оказали видоизменённый иудаизм и греческая философия. Не отрицал он и роль Филона Александрийского и Сенеки в возникновении христианства. Однако при этом показал, что это не были оригинальные произведения Филона, а вульгаризированные его представления.

Энгельс принимает критику Штрауса Бауэром. Он пишет, что «Бауэр расчистил почву, на которой возможно разрешение вопроса, откуда происходят представления и идеи, которые в христианстве сложились в своего рода систему, и каким образом они достигли мирового господства» [8, с. 307]. Несмотря на это, отмечал Энгельс, Бауэр не смог разобраться в этих вопросах до конца, поскольку он был идеалистом. По этим вопросам Энгельс дал своё собственное решение, которое привело к возникновению материалистического понимания истории.

На формирование атеистических взглядов Ф. Энгельса большое влияние оказали философские и религиозные взгляды ещё одного младогегельянца – Людвига Фейербаха. Имея богословское образование (в течении года он изучал теологию в Гейдельбергском университете), будучи сторонником Гегеля и участвуя в младогегельянском движении, Фейербах достаточно быстро эволюционировал к материализму. Именно материализм в учении Фейербаха более всего привлек Ф. Энгельса. Фейербах заявлял, что вопрос о сущности религиозного мира и борьба против него находятся в центре его внимания. Истоки религии он увидел в человеческих отношениях, а религию понимал как превратное, отчужденное отражение реальных отношений людей к природе и друг к другу. Её порождают как страх перед стихийными силами природы, так и те трудности и страдания, которые испытывают люди на земле.

Атеизм Фейербаха, как он сам отмечал, не сводится к простому отрицанию бога. В предисловии к первому изданию собрания сочинений он пишет: «Я отрицаю бога; для меня это значит: я отрицаю отрицание человека, я утверждаю чувственное, истинное, следовательно, неизбежно также политическое, социальное место человека взамен иллюзорного, фантастического, небесного пребывания человека, которое в действительной жизни неизбежно пре-

вращается в отрицание человека. Для меня вопрос о бытии или небытии бога есть лишь вопрос о бытии или небытии человека» [9, с. 44].

Для освобождения от религиозных заблуждений необходимо понять, что человек – это не творение бога, а часть – и притом наиболее совершенная – вечной природы. На место любви к богу нужно поставить любовь к человеку, на место веры в бога – веру в человека. Это и есть, с точки зрения Фейербаха, истинная религия. В этом утверждении – суть антропологизма Фейербаха. В работе «Шеллинг и откровение» Энгельс пишет, что сводя определение религии к субъективным человеческим отношениям, Фейербах «... не только не уничтожает выводов Штрауса, а как раз и подвергает их проверке, и оба они приходят к одному и тому же выводу, что тайной теологии является антропология» [10, с. 443].

Из этого высказывания видно, что в то время Энгельс пока ещё не видит критики идеализма Гегеля с точки зрения материализма Фейербаха. Хотя в этой же работе Энгельса можно заметить и определённое влияние на него взглядов Фейербаха. Энгельс подчёркивает, что феербаховский антропологизм, который нельзя отделить от материализма, очень важен для критики религии. Научный анализ философии Фейербаха сделан Ф. Энгельсом в книге «Людвиг Фейербах и конец классической философии» (1888). Сам Энгельс объяснил причину написания этой работы желанием раскрыть истинное содержание учения Фейербаха: «...за нами остаётся неоплаченный долг чести: полное признание того влияния, которое в наш период бури и натиска оказал на нас Фейербах в большей мере, чем какой-нибудь другой философ после Гегеля» [11, с. 371].

В то же время, несмотря на такую высокую оценку, Энгельс критикует Фейербаха за то, что, отрицая бога, он не отрицает религию, а хочет её усовершенствовать, создать некую «гуманистическую» религию без бога. Кроме того, в письме Марксу от 18 октября 1846 г., Энгельс, критикуя точку зрения Фейербаха на происхождение и сущность религии, пишет: «Фейербах не нашёл нужным сказать о том, что единый бог никогда не мог бы появиться без единого царя, ... который по видимости или действительно объединяет людей с враждебными, сталкивающимися интересами» [12, с. 56].

Влияние Фейербаха на формирование философских и атеистических взглядов молодого Энгельса проявилось в следующем: во-первых, он ускорил отход Энгельса от младогегельянских позиций; во-вторых, он поставил те вопросы, ответы на которые привели к возникновению исторического материализма.

Участие в младогегельянском движении Энгельса было периодом формирования его атеистических взглядов. В этот период он часто менял свои предпочтения. В своём письме к Ф. Греберу 9 декабря 1839 г. – 5 февраля 1840 г. он писал: «...часто я не взялся бы в новом письме подписаться под утверждением какого-нибудь предыдущего письма, ибо это утверждение слишком тесно примыкало к той категории взглядов, от которых за это время я уже успел освободиться» [13, с. 333]. Такое признание говорит не о шатании Энгельса от одной точки зрения к другой, а о том, что он прошёл достаточно сложный и стремительный путь духовного развития от младогегельянства к атеизму за сравнительно короткий период времени.

Список литературы

1. Энгельс Ф. Письмо Ф. Греберу 15 июня 1839г. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Из ранних произведений – М.: Политиздат, 1956. – 68 с.
2. Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма. – М.: Мысль, 1974.–572 с.
3. Энгельс Ф. Письмо Ф. Греберу 12 - 27 июля 1839г. / К. Маркс, Ф.Энгельс. – Из ранних произведений – М.: Политиздат, 1956. – 689 с.
4. Малинин В.А., Шинкарук В.И. К.Маркс, Ф.Энгельс и левое гегельянство. – Киев, «Наукова думка», 1986. – 320 с.
5. Энгельс Ф. Успехи движения за социальное преобразование на континенте / К. Маркс, Ф.Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1955. –Т.1. – 698 с.
6. Энгельс Ф. Письмо Ф. Греберу 8 октября 1839г. / К. Маркс, Ф.Энгельс. – Из ранних произведений – М.: Политиздат, 1956. – 689 с.
7. Энгельс Ф. Современная литературная жизнь / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 41. – 602 с.
8. Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1961. - Т.19. – 670 с.
9. Фейербах Л. История философии. Собрание произведений в трех томах. - М.: Мысль, 1967. –Т.1.- 543с.

10. Энгельс Ф. Шеллинг и откровение / - К. Маркс, Ф.Энгельс. – Из ранних произведений – М.: Политиздат, 1956. – 689 с.
11. Энгельс Ф. Предисловие к кн. «Л. Фейербах и конец классической немецкой философии» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1961. - Т.21. – 745 с.
12. Энгельс Ф. Письмо К. Марксу от 18 октября 1846 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1962. – Т.27. – 684 с.
13. Энгельс Ф. Письмо к Ф. Греберу 9 декабря 1839г.–5 февраля 1840г. - К. Маркс, Ф.Энгельс. – Из ранних произведений – М.: Политиздат, 1956. – 689 с.

G. A. Lemeshko

(senior lecturer)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: lemashko.donntu@gmail.com

THE INFLUENCE OF THE YOUTH AGE ON THE FORMATION OF ATHEISTIC VIEWS OF FRIEDRICH ENGELS

***Annotation.** This work is devoted to the analysis of the young Hegelian period in the life of F. Engels, his transition from a religious-idealistic worldview to materialism and atheism.*

***Key words:** theology, idealism, materialism, atheism, Young Hegelians, rationalism, myth, Christianity.*

УДК 355.01

А. С. Брычков

(д. филос. наук, профессор)

Военная академия войсковой ПВО ВС РФ

(г. Смоленск, Российская Федерация)

E-mail: brikanat@mail.ru

ВОЕННО-НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Ф.ЭНГЕЛЬСА КАК ОБЪЕКТ ФАЛЬСИФИКАЦИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются некоторые теоретические подходы, направленные на фальсификацию военно-философского учения Ф. Энгельса. В статье автор делает вывод об использовании подобных фальсификаций в информационной борьбе как против марксизма в целом, так и против его практического воплощения в советской форме. Акцентируется внимание на необходимости дальнейшего творческого развития и обогащения указанной системы знания и методологии на основе современного, глубокого и всестороннего теоретического осмысления новых и вновь возникающих процессов взаимосвязи войны и мира, защиты суверенитета и территориальной целостности, опыта современного военного строительства, идеологической борьбы по военным вопросам с учетом изменяющихся условий и задач.*

***Ключевые слова:** война, политика, философский анализ, фальсификация, миф, политическая стратегия.*

Как показывает анализ функционирования и развития социальных систем, исключительно важное мировоззренческое и методологическое значение для научного сообщества имеет знание и учет в практической деятельности всех субъектов социальной практики теоретического наследия мыслителей прошлого, внесших заметный вклад в развитие философских идей и взглядов на общественную жизнь, социальные структуры и нормативно-правовые основы их пролонгирования в будущее и защиты от искажений и фальсификаций в интересах представителей определенных философских, политических и религиозно-идеологических течений, школ и группировок. Особое место в этом ряду занимает военно-теоретическое наследие выдающегося мыслителя девятнадцатого столетия Ф. Энгельса.

Поэтому совершенно не случайно, в условиях усиливающегося духовно-идеологического и информационного противостояния все активнее муссируется реакционный по своей сути миф современности – миф о «военной угрозе» и равной ответственности Германии и Советского Союза за развязывание Второй Мировой войны. Более того, средства массовой информации англо-саксонского мира едва ли не первостепенное внимание стали уделять извращению сущности военной политики Светского Союза накануне войны, а в начале двадцать первого столетия, ее мировоззренческих и методологических основ, и прежде всего – военно-научного наследия классиков марксизма-ленинизма.

Фальсификаторская деятельность историков, политиков и военных сегодня, в условиях обострения международной обстановки, уже настолько активизировалась, что представляет собой своеобразную «военную марксологию» как относительно самостоятельное направление информационной войны, ведущейся по лекалам США и Западной Европы. Атаки и контратаки на этом участке информационной войны стали более частыми и специализированными, а приемы фальсификации военной политики стали более изощренными и опасными. И все они преследуют фактически одну и ту же главную! стратегическую цель – представить, «выдать» внешнюю политику Советского Союза и России в качестве милитаристской и агрессивной, и объявить высшее политическое и военное руководство поборниками насилия, прежде всего вооруженного насилия источником усиления конфронтации и развязывания третьей мировой войны.

Как это делается? Прежде всего путем фальсификации действительного, реального смысла и содержания, места и роли военных вопросов в политике путем придания этим вопросам совершенно исключительного, какого-то первостепенного, сущностного значения в международных отношениях ведущих государств и коалиций на современном этапе, обострения международной обстановки и санкционного давления на страны, способные активно отстаивать свои национальные интересы.

Анализ современной западной литературы о военном наследии Ф. Энгельса показывает, что в ней представлено два, на первый взгляд даже прямо противоположных, подхода в понимании и оценке военно-теоретического наследия Ф. Энгельса.

Во-первых, это попытки рассматривать военные вопросы его

наследия как бы в отрыве от всех других сторон марксизма как социальной теории и идеологии революционного пролетариата, то есть попытки своеобразной политической и идеологической нейтрализации военно-научного творчества Ф.Энгельса, стремление объявить Ф. Энгельса видным, даже выдающимся военным писателем, но только не пролетарским, не революционным теоретиком, и в этом смысле – самым обычным, не отличающимся от других буржуазных военных мыслителей XIX века.

Во-вторых, это линия (именно она сегодня и выступает ведущей и преимущественной) на рассмотрение военных вопросов в трудах Ф. Энгельса в их (вопросов) единстве и взаимосвязи с другими проблемами марксистского учения, то есть это, как говорят сами западные марксологи, линия на «выяснение соотношения» между «военным учением Энгельса и его социальной теорией», то есть марксистской идеологией в целом.

Конкретные формы названных фальсификаций и многочисленны и разнообразны. Однако здесь мы можем привести лишь несколько характерных примеров, почерпнутых из западных изданий 1970-1980-х годов, ибо все эти публикации в конечном счете, в своей сущности и функциях, нацелены на одно – на внедрение в сознание масс ложного политико-идеологического тезиса, той грубой и ничего общего с действительным положением вещей не имеющей фальсификаторской мысли о том, что высшей точкой и общим выводом, самым существенным и главным в учении марксизма-ленинизма является якобы концепция вооруженного насилия, теория войны и армии, «военное учение Энгельса».

Именно об этом свидетельствуют столь настойчивые попытки Иегуды Валлаха (Израиль), автора монографического очерка «Военное учение Фридриха Энгельса», распознать основы коммунистической стратегии в «военном учении Энгельса» [1, с. 8]. Об этом же свидетельствуют досужие домыслы Клауса Кернига (ФРГ), который в своей работе «Соотношение между военным учением Энгельса и его социальной теорией. Замечания к генезису современных теорий конфликтов» не только провозгласил, причем, как это и принято у Кернига и К⁰, совершенно бездоказательно, без единого, даже самого «шаткого» аргумента ложный тезис о том, что центральным пунктом, выводом из всего марксизма якобы является «военное учение Энгельса», что главным в коммунистиче-

ском учении выступает концепция вооруженного насилия, но и вслед за этим в своих «чисто логических умозаключениях» фактически договорился до отождествления марксистского понимания войны... с фашистским ее пониманием и до «объяснения» современной, как он называет, «теории агрессии...» «из основ марксистского здания мышления» [2, с. 77-79, 85-89].

Об этом же говорят и «упражнения» Роже Данжевиля (Франция), составителя сборника произведений и высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса на военные темы, который в своих весьма пространных вводных статьях и комментариях (занимающих более трети 660 страничного тома!) отводит военным вопросам в системе взглядов основоположников марксизма совершенно непомерное, исключительное место и извращает тем самым как их сущность, место и роль, так и сущность военно-научных взглядов Фридриха Энгельса в целом. Военные произведения, пишет Данжевиль, это «самая решительная и самая воинственная часть марксизма... Они придают законченность произведениям Маркса и Энгельса. Они представляют собой общий вывод из их теоретических исследований в области экономики, философии, политики и истории» [3, с. 77-79, 85-89].

Впрочем, такое «суждение» Данжевиля – лишь запев, лишь начало, ибо центральной темой и всех других его статей в этом сборнике стала навязчивая «идея первостепенной роли» насилия (в особенности насилия вооруженного!) в общественном развитии. И именно эту «идею» Данжевиль и другие марксологи пытаются приписать Марксу и Энгельсу и их последователям и сторонникам, которые разделят данную точку зрения в новых исторических условиях. Они хотят внушить, навязать свой взгляд, согласно которому якобы не только современные последователи Маркса, Энгельса, Ленина, но и сами «основоположники доктрины» отводили насилию совершенно особую, исключительную роль в истории, видели в нем чуть ли не главную движущую силу социального прогресса и т. п.

Факты истории, однако, таковы, что и Маркс, и Энгельс, а позже и Ленин каждую войну рассматривали и оценивали, прежде всего исходя из классово-пролетарской революционной позиции, оценивали конкретно и дифференцированно, уясняя ее социальный характер и возможное (или уже реальное!) воздействие на рабочее движение, на революционную борьбу народов за мир и мирное со-

существование. Только таким образом они и определяли свое отношение к той или иной войне, другим формам и средствам насилия.

Фальсифицируя эти общеизвестные факты жизнедеятельности основоположников марксизма, Дирк Блазиус (ФРГ) в своей статье «Карл Клаузевиц и главные мыслители марксизма» приписывает К. Марксу и Ф. Энгельсу абстрактное понимание войны и абсолютизацию ее роли в истории, с тем чтобы – а в этом собственно и заключается цель извращения – заявить, будто Маркс и Энгельс «приветствовали войну как великое историческое облегчение, как феномен кризиса, вследствие которого они надеялись осуществить свои революционные цели», будто они понимали войну как средство, «с помощью которого может произойти революционное преобразование существующего государственного и общественного строя», и что Ленин якобы тоже рассматривал войну между государствами как «средство победы пролетарской революции» [4, с. 286; 345].

Таким же фактом фальсификации выступают попытки Мартина Бержера (США), автора монографии «Энгельс, армии и революция: революционная тактика в классическом марксизме», утверждать надуманный тезис о том, будто «доктрина революционной тактики марксизма была разработана Энгельсом в процессе военных исследований» [5, с. 154-155]. Суть дела и здесь поставлена с ног на голову, ибо реально все совершалось как раз наоборот: в процессе разработки революционной тактики пролетариата Ф. Энгельс (как и К. Маркс, как позже и В. И. Ленин) должен был в силу требований объективной действительности обратиться к анализу также форм и средств вооруженного насилия, поскольку они активно применялись контрреволюцией и которыми вследствие этого должны были в полной мере овладеть и силы революции. *Словом, здесь при рассмотрении суждений и умозаключений западных военных марксологов не знаешь, как сказал бы сам Ф. Энгельс, чему больше удивляться, фокусничеству ли дедукции или фальсификации истории* [6, с. 169, 187]. В самом деле, каждому честному, порядочному исследователю (а именно таковыми хотя и выглядят Блазиус и Керниг, Валлах и Данжевиль Д Бержер и другие специалисты) по Энгельсу как военкому теоретику) не может не быть известно, что приписываемые ими Энгельсу взгляды

основоположник марксизма и его военной теории никогда не разделял, но, наоборот, всегда критиковал, боролся против них.

Примеры такого рода (то есть примеры фальсификации) и их опровержение можно было бы продолжить. Ибо рассмотренная здесь идея – абсолютизация военной стороны в марксизме-ленинизме и в международной политике – в наши дни оказалась весьма привлекательной и выгодной для реакционных сил как некое теоретическое «основание» и идеологическое «обоснование» мифа о «советской военной угрозе», для прикрытия гонки вооружений и подготовки «звездных войн» против стран и социальных систем, не разделяющих таких взглядов и отстаивающих и защищающих свои национальные интересы.

Однако идея эта от начала и до конца лживая, фальсификаторская, как лживыми фальсификаторскими являются и все ее «умозаключения», ее конкретные «интерпретации и «аргументации». Да, в марксизме-ленинизме, в идейно-теоретическом наследии Ф. Энгельса есть научно-теоретический аспект (военно-философский, военно-экономический, военно-политический). Более того, военно-теоретическое (понимаемое в широком смысле слова) наследие Ф. Энгельса включает в себя также аспекты военно-исторический и собственно военный (то есть относящийся к вопросам военного строительства, стратегии и тактики ведения вооруженной борьбы в войне), поскольку и этими вопросами классикам марксизма, и прежде всего Ф. Энгельсу, немало пришлось заниматься. Но военная сторона революционной теории, как сторона, трактующая лишь вопрос об одном из возможных средств социально-политической, в том числе, конечно, и революционно-освободительной борьбы (но не вопросы о целях и задачах этой борьбы), никогда не была и не может быть главной в марксизме-ленинизме. Об этом говорит сама история, ибо как в теории, так и в практически-политической области коммунистическое движение, социалистические страны никогда не делали ставку лишь или в первую очередь на вооруженное насилие.

Единственным исключением из этого, пожалуй, самого строгого и непрерываемого правила играют периоды, когда империалистические агрессоры вынуждают вести войну в защиту Отечества и сохранение целостности и независимости государства. Только в этом особом случае, то есть в годы войны и - подчеркнем еще раз – только в области практической жизнедеятельности народа и госу-

дарства, военные вопросы (и военно-философские всегда в их числе) выдвигаются на передний план и в этом смысле становятся главными и определяющими при принятии судьбоносных решений.

Со всей четкостью и глубиной диалектического проникновения в проблему говорили об этой задаче и К. Маркс, и Ф. Энгельс, и особенно В. И. Ленин, когда подчеркивали, что главное в теории и политике – это вопрос о всемирно-исторической миссии рабочего класса, о завоевании им политической власти и использовании этой власти для построения нового общественного строя – основной цели движения. Военный вопрос, как часть главного и общего вопроса, ему подчинен и из него вытекает, ему служит.

Методологически ошибочно, а практически вредно смешение – вольное или невольное – двух, хотя и взаимосвязанных, но различных вопросов: что является главным, определяющим в содержании политики государства и какие средства политики, какие формы борьбы выдвигаются на передний план в достижении этих целей и задач в каждый конкретно-исторический момент. Ясно, что в те периоды революции, строительства нового общественного строя, когда весь ход борьбы подводит рабочий класс и его союзников, партии и государства к необходимости и неизбежности вооруженной борьбы, когда классовый противник эту борьбу (т. е. войну) навязывает, военно-политические вопросы становятся центральными, а военные средства борьбы – главными в осуществлении их политической стратегии [7, с. 340].

Таким образом, что касается природы и смысла рассмотренной фальсификации, осуществляемой «марксологами» путем извращения реального места и действительной роли в марксизме-ленинизме его военно-научной стороны, то они очевидны. Ясны ее идеологические цели и политическое предназначение: для фальсификаторов нашего времени и апологетов вооруженного насилия эта фальсификация представляется весьма привлекательной (и даже выгодной!) как некое теоретическое «основание» и идеологическое «обоснование» мифа о «советской военной угрозе», а теперь уже и о «российской военной угрозе». Это очередная диверсия англосаксонского мира против военно-научного наследия классиков марксизма-ленинизма, прежде всего Фридриха Энгельса, против военной политики, то есть диверсия, имеющая целью помешать

сегодня делу мира и социального прогресса.

И история, и современность, и важнейшие программные документы Советского Союза и Российской Федерации свидетельствуют, что наша военная политика имеет сугубо оборонительную направленность, что она последовательно служит делу мира и предотвращения агрессивных войн, противодействию реакционным, империалистическим силам в использовании войны и военных угроз в своих корыстных, узкоклассовых и гегемонистских целях. Оборонная направленность и мирный характер составляют важнейшую отличительную черту нашей внешней и военной политики, дают ей большую моральную силу, обеспечивают международное признание и авторитет, доверие к ней.

Сегодня, как и прежде, как всегда актуально звучат слова М. В. Фрунзе: «Одна из причин нашей силы, нашей моральной величины в глазах сотен миллионов рабочих и крестьян за границей определяется именно тем, что у них имеется глубокая уверенность в мирном характере нашей военной политики» [8, с. 226]. Чтобы эту уверенность расшатать, поколебать и даже снять, ликвидировать, чтобы внедрить в сознание людей западные штампы относительно и политики (в том числе нашей военной политики и военно-политической теории), и осуществляются те или иные фальсификации научного понимания военных вопросов, смысла и значения военно-научного наследия классиков марксизма-ленинизма, раздувается миф о «военной угрозе», словом, извращается суть политики в области обороны и безопасности Российской Федерации и каждой отдельной страны, входящих в СНГ.

В таких условиях становится все более актуальной и необходимой наша информационная, в том числе контр пропагандистская, борьба против всех, как имеющих место сегодня, так и возможных в будущем, фальсификаций марксизма-ленинизма, и осуществляться она должна активно и наступательно, подлинно научно и с должной эффективностью.

Возрастание роли и места военно-научного наследия классиков марксизма-ленинизма как объекта и орудия современной идеологической борьбы и прежде всего как необходимого элемента научного мировоззрения военных кадров ВС РФ и методологической основы развития военной теории и исследования практики современного военного дела свидетельствует также о жизненной необходимости дальнейшего творческого развития и обогащения

указанной системы знания и методологии на основе современного, глубокого и всестороннего теоретического осмысления новых и вновь возникающих процессов взаимосвязи войны и мира, защиты суверенитета и территориальной целостности, опыта современного военного строительства, идеологической борьбы по военным вопросам с учетом изменяющихся условий и задач.

Список литературы

1. Wallach J. L. Die Kriegslehre von Friedrich Engels. - Frankfurt /M., 1968. S.8.
2. Kernig C.D. Die Verhältnis von Kriegslehre und Gesellschaftstheorie bei Engels. Bemerkungen zur Genesis moderner Konflikttheorien.— In: Friedrich Engels. 1820-1970. Referate. Diskussionen. Dokumente. Internationale wissenschaftliche KonferenZ...- Hannover, 1971, S.77-79, 85-89.
3. Marx, Engels. Ecrits militaires. Traduit et presenté par Dangeville - Paris, 1970, p. 9.
4. Blasius D. Carl von Clausewitz und die Hauptdenker des Marxismus. Wehrwissenschaftliche Rundschau. - Berlin (West), Frankfurt a/M., 1966, H. 5, S. 286; H. 6, S. 342.
5. Berger M. Engels, armies and revolution: The revolutionary tactics, of classical Marxism. - Hemden (Conn.), 1977, p, 154-155.
6. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 20. – С. 169, 187.
7. См., например: Ленин В.И. Поли. собр. соч., Т. 10. – С. 340.
8. Фрунзе М.В. Избранные произведения. – М., 1957 Т. 2. – С. 226.

A. S. Brychkov

(Doctor of Philosophical Sciences, Professor)

The Russian Armed Forces Army Air Defense Military Academy
(Smolensk, Russian Federation)

E-mail: brikanat@mail.ru

FRIEDRICH ENGELS' MILITARY SCIENTIFIC HERITAGE AS A TARGET OF ADULTERATION

***Annotation.** The article argues with some theoretical approaches aimed to falsify F. Engels' system of philosophy concerning a war. The author comes to the conclusion that this sort of adulteration is used in information warfare against Marxism taken as a whole and its tangible embodiment in the Soviet form. The author emphasizes that it is necessary to focus on the further development and enhancement of the above mentioned system of philosophy and methodology on the basis of advanced comprehensive theoretic understanding of emerging processes of War and Peace interrelation, protection of sovereignty and territorial integrity, current experience of force development, ideological battle concerning a war – all taking into account ever changing conditions and tasks.*

***Key words:** war, politics, philosophical analysis, adulteration, myth, political strategy.*

УДК 355:14

В. А. Микляев

(к. филос. наук, доцент)

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

E-mail: sofvik@mail.ru

ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Ф.ЭНГЕЛЬСА И СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ АРМИИ

***Аннотация.** В статье представлена актуальность военно-теоретического наследия Ф. Энгельса для разработки современной социально-философской концепции армии. Отмечена особая ценность идей классика марксизма об армии как историческом результате развития материального производства, социальной дифференциации общества и государственного, политико-правового объединения вооруженных людей для ведения войн. Проведен анализ современной концепции армии, представляющей армию и в качестве цивилизованной формы бытия военной силы, и в качестве ее культурного субъекта и как особую социальную подсистему.*

***Ключевые слова:** военно-теоретическое наследие Ф. Энгельса, армия, определение понятия «армия», социально-философская концепция армии, военная сила общества.*

В обширном военно-теоретическом и военно-историческом наследии Ф. Энгельса, досконально исследованном в советский период истории Российского государства [1], особое место занимает диалектическое, историко-материалистическое учение об армии как результате развития производительных сил общества вообще и производства военной техники и оружия, в частности, как главном материальном орудии социального насилия, как результате государственной организации и легитимизации применения этого насилия как внутри общества, так и в межгосударственных отношениях. Эти теоретические идеи определили амбивалентное ценностное и прагматическое отношение создателей теории научного коммунизма к армии, во –первых, как средству защиты эксплуататорского строя, и в этом смысле препятствующему победе прогрессивных социальных сил и требующему, как минимум, нейтрализации, а как максимум, переходу на сторону восставших народных масс, во-

вторых, как к средству защиты завоеваний социалистической революции, вооруженной опоре нового государства.

Каноническим для марксистско-ленинского учения о войне и армии является определение, данное Ф. Энгельсом в статье «Армия», написанной для американской энциклопедии в 1857 году: «Армия – организованное объединение вооруженных людей, содержащееся государством в целях наступательной или оборонительной войны» [2, с.5]. В последующем, исследователи, особенно марксистско-ленинской направленности, на первый план выдвигали именно государственную принадлежность армии, ее классовую, социально-политическую природу, иногда даже упрекая Энгельса за то, что он не ввел понятия класса в определение армии. Однако, следует отметить, что в своей статье, Ф. Энгельс большую часть военно-исторического материала посвящает анализу армии именно как объединению людей, материального орудия войны, исторически развивающегося, особым образом организованного, вооруженного и применяемого. Для социально-философской мысли эта сторона определения армии наиболее существенна. Она характеризует армию именно как особый способ организации, «связывания» сил вооруженных людей системой общественных отношений, традиций, обычаев, ритуалов, административных и технических регламентов, правовых и моральных норм, обеспечивающих контролируемое накопление военной силы, ее безопасное содержание и эффективное, законное, нравственно оправданное применение не только в качестве орудия войны, но, и инструмента сохранения мира, т.е. миротворчества.

Системный подход к многогранной природе армии [3] в рамках социально-философского анализа войны и воинской деятельности позволяет выделить, по крайней мере, четыре аспекта общественного бытия ее сущности как военной силы: производственный, социальный, политико-правовой, духовный. В каждом из этих аспектов в свою очередь представлены основания военной силы: а) субъекты, б) формы их объединения и организации своей деятельности, в) средства, инструменты и ресурсы, г) духовные компоненты деятельности. С учетом этих оснований названные аспекты бытия армии в современной социально-философской концепции могут быть представлены следующим образом.

Производственный аспект. В его рамках армия предстает как сфера специализированного труда, ратного труда, как специфиче-

ская часть общественного производства, как военное дело. Армия – это целесообразная антропо-технологическая система, обеспечивающая надежную эксплуатацию людьми военной техники и оружия, их эффективное применение, рациональное и экономически обоснованное использование тыловой и транспортной инфраструктуры и, в конечном счете, производящая общественно значимую услугу как в мирное, так и, особенно, в военное время.

Этот аспект специально исследуется военной наукой [4], основным предметом которой традиционно считаются законы вооруженной борьбы. Вместе с тем, нельзя отрицать ведущую роль науки в целом в производстве военной силы общества. Став в условиях научно-технической революции непосредственной производительной силой, она еще раньше вошла в плоть и кровь силы военной. Именно к этому факту обращен «закон», сформулированный, не без сарказма, американским писателем К. Воннегутом: «что бы ни изобретали ученые, у них все равно получается оружие».

Функционирование армии как реального воспроизводства военной силы происходит в био -, антропо -, техно -, инфосфере и порождает целый спектр экологических, технических, экономических, психологических, социальных проблем, стоящих перед человечеством, для решения которых привлекаются естественные, технические, общественные и гуманитарные науки.

Помимо инструментально-технологической стороны производственный аспект армии включает в себя и служебно-организационную сторону. Именно особым образом организуя объединение вооруженных людей, армия многократно увеличивает их совокупную военную силу. В организационную структуру армии входят: а) система комплектования (наемная, добровольная, на основе всеобщей воинской повинности, смешанная); б) централизованное и однотипное управление; в) единообразное вооружение и снаряжение; г) единая система обучения и воспитания; д) общий порядок прохождения службы и единая регламентация; е) единый порядок учета военнослужащих ж) воинская дисциплина, обеспечивающая единство воли, сплоченности людей для выполнения боевой задачи или приказа. Данные организационные параметры армии обеспечивают ратному труду то внутреннее и внешнее

напряжение, которое прямо и косвенно сказывается на уровне военной силы. Как говорится «сила воина дисциплиной удвоена».

Организационная структура армии характеризуется также численностью военнослужащих, составом, удельным весом военной техники, делением на соответствующие боевые единицы, соотношение родов войск (сил) и видов оружия. Эти параметры первостепенное значение имеют для тактического и оперативно-стратегического взаимодействия субъектных и орудийных оснований военной силы, особенно в боевых условиях.

Итоговое выражение производственный аспект получает в боевой готовности и боевой мощи (силе) армии, то есть в тех результатах ратного труда, которые являются реальной мерой способности армии наносить удары по противнику или выдерживать удары с его стороны. Любая вооруженная организация имеет определенную степень боевой мощи. Но только армия обладает такой силой (мощью), которая позволяет ей решать задачи оперативно-стратегического характера, вести вооруженную борьбу, как в системе государства, так и внутри них.

Социальный аспект. В нем армия предстает как особый социальный субъект, форма бытия человеческих общностей и институтов, неразрывно связанных с военной силой, процессом ее исторического культивирования и цивилизованного использования.

Социальная укорененность армии обусловлена, прежде всего, тем, что военное дело, исторически обособившееся в процессе общественного разделения труда, изначально было вплетено в традиционную культуру охотничьих, скотоводческих, земледельческих племен.

Особая роль в культивировании военной силы принадлежит здесь охоте с ее акцентами на индивидуальную экипировку охотника, его орудия труда, морально-психологические качества, а также на необходимость коллективных действий охотников, особого языка сигналов, специфики ритуалов, предшествующих началу охоты и ее завершению. Тысячелетняя практика изучения охотниками характера и повадок «противника», оттачивания способов его выслеживания, преследования, захвата, поражения и т.д. развивала поисково-добывающую программу человеческого интеллекта, ставшую одной из духовных составляющих военной силы («искусство вооруженного нападения»), особенно применительно к агрессивной функции.

Однако нельзя недооценивать и значение опыта защиты людьми процесса и плодов скотоводческого и земледельческого труда от разрушительных природных и захватнических социальных сил. Этот культурный опыт особенно ценен для оборонительной функции военной силы и включает в себя: создание системы предупреждения об опасности, строительство оборонительных сооружений, накопление неприкосновенных запасов, развитие ролевого единства труженика и воина, его особых морально-психологических качеств как защитника, заботу о сакральных ценностях, вождах и средствах поддержания родоплеменной жизни, особенно значимых для ее восстановления после отражения агрессии. Впитавшая данный опыт интеллектуально-духовная программа предвидения опасностей, угроз, а также разработки путей и средств их устранения или нейтрализации получила свое воплощение в «искусстве вооруженной обороны».

В рамках межплеменных вооруженных столкновений происходило особое культивирование военной силы обращенной вовне. Превращение человека в объект охоты открыло новые горизонты интеллектуального развития людей в ходе смертельного соперничества с его высочайшей ценой ошибки, неправильного расчета, неверного шага. «Первобытные войны» (К. Маркс) оказались не просто разновидностью общественного труда, но и фактором социально-этнического отбора и социальной дифференциации, а также последующих объединений, вплоть до создания государства как средства обуздания этнокультурной вражды.

Последующее развитие цивилизации, особенно в ее урбанизированных и технически оснащенных формах, дало невиданные ранее импульсы и к росту военной силы, с одной стороны, и к ее социально-культурному обузданию, с другой. Наряду с государственной властью, как самосознающей социальной силы принуждения индивидов к совместной жизни, армия становится цивилизованной формой бытия вооруженных людей в противовес разбойникам, бандитам, пиратам и прочим татям (старинное русское слово, обозначающее воров, грабителей).

В социальном аспекте армия предстает уже не как «профессиональный цех», а как «сословие храбрости» (Гегель), как «домкрепость», занимающий свое место в социальном пространстве и

времени и создающий также свое особое жизненное пространство и время для человека.

В пространстве армии определен верх и низ, центр и периферия, а карьера военнослужащего и его «кочевой» образ жизни, как правило, связывают их. Армия ограничивает пространственную свободу человека, решительно осуждая самовольное оставление части, дезертирство и т.д. Для нее всегда особое значение имеют вопросы дислокации, а вопросы взаимодействия по месту и по времени, в ходе боевых действий – исключительное.

В социальном времени человек сталкивается, прежде всего, с порядком, ритмами прохождения воинской службы, начиная от решения проблемы выбора (контракт, гражданская обязанность, альтернативная служба) и кончая нормированием и регламентацией всего рабочего и нерабочего времени. Здесь особое внимание следует обратить на переживание человеком времени в армии. Не случайно для людей, видящих в армии свою судьбу, смысл и дело всей жизни, выход на пенсию становится трагедией, а проблема потерянности военного пенсионера приобретет экзистенциальный характер.

Применительно к человеку главное назначение армии в социальном измерении состоит в его социализации как гражданина и как вооруженного защитника «большого и малого дома», своей земли, своей Родины. Воинская служба в данном аспекте приобретает новый, надпрофессиональный характер. Она выступает синонимом служения людям, доверившим армии основную военную силу общества и доверившихся армии.

Как человеческая общность армия всегда представляет множество людей структурированных в этническом, демографическом, профессионально-территориальном и других отношениях. Без учета социальной справедливости и защищенности военнослужащих невозможно решить вопросы укрепления армии уже не как «дома-крепости», а как «большой семьи» с ее обычаями, традициями и ритуалами, этикой отношений старших и младших, отцов и детей, бывалых воинов и новичков. «Ритуалы армии пронизаны глубоким смыслом, они все подчинены одному – укрепить, сementировать армию, сделать ее единой семьей» [5, с. 37].

Наконец, для исследуемого аспекта армии очень важно ее понимание как одного из институтов общества наряду с такими институтами, как семья, церковь, государство, наука, учреждения

образования, здравоохранения, культуры. Функции армии как социального института связаны с обеспечением национальной безопасности («международный мир») и внутренней стабильности общества («гражданский мир»).

С точки зрения институционального характера армии следует воспринимать и проблемы армейского бюрократизма, отчуждения армии от народа и человека, от формальных структур армии. Известное свойство любого социального института состоит в его деперсонализации, обезличивании своих функций. Однако разрастание этого свойства не только ведет к утрате армейской бюрократией своего рационального содержания, но и к выхолащиванию и обесмысливанию феномена армейского порядка, а, в конечном счете, и к отчуждению военнослужащего от формально-организационных сторон института армии.

Политико-правовой аспект армии обычно позволяет видеть в ней государственное учреждение, орган государства, предназначенный проводить его политику путем прямого применения военной силы или созданием угрозы такого применения. Реже указывается на то, что армия есть несущая конструкция государства, обеспечивающая эффективное функционирование верховной власти как реальной общественной силы самим фактом своего существования. Армия воистину является символом власти и по состоянию армии можно судить о властных возможностях государства.

В свою очередь армия как атрибут государства им же комплектуется, содержится, направляется, контролируется, реформируется и применяется. К тому же, она вся пронизана властными отношениями командования и подчинения, насыщена символами власти, технологиями и процедурами властвования. Армейская школа власти не случайно является отличным карьерным подспорьем для политиков во многих современных государствах.

Как объект политики армия находится под пристальным вниманием классов, наций, партий, общественных движений, борющихся за государственную власть. Как субъект политики она является одним из самых последовательных выразителей общенациональных идей, особенно в области внешней безопасности и внутренней политической стабильности. Только в этом можно найти ее корпоративный политический интерес, который определя-

ет ее отношения с классическими участниками политической жизни общества.

Собственно правовая сторона армии связана с системой законов и других нормативных актов, определяющих статус военнослужащих и порядок прохождения военной службы как особой разновидности службы государственной, возможности контроля за армией со стороны различных социальных и политических сил, наконец, легитимность и легальность существования, строения и применения армии. Правовой аспект позволяет четко развести понятия армии, партизанских отрядов, незаконных воинских формирований независимо от их массовости, организованности, вооруженности и т.д.

Духовный аспект армии. В марксистско-ленинской философско-политологической традиции он сводился, с одной стороны, к идеологическому обоснованию верности армии своему партийно-государственному руководству, с другой – к личностному патриотизму и интернационализму каждого солдата и офицера, то есть к их морально-политической готовности отдать, если потребуется, и жизнь в борьбе с врагами реального социализма и идеями коммунизма.

Данная парадигма духовности армии оказалась весьма живучей. Введение в нее идей «верности конституции», «борьбы с врагами демократии» или «разрушителями единой и неделимой России» по существу ничего не меняет. Попытки же деидеологизации армии обречены на неудачу, ибо они противоречат целевой и смысловой направленности военной силы как ее необходимого духовного основания. И дело не только и не столько во внешнем внесении «новой» идеологии в армию, будь то «современная военная идеология», «оборонное сознание» и т.п., а в самостоятельной духовной работе каждого солдата и офицера над вечными и проклятыми вопросами применения силы и противодействия силе, исполнения приказов и нарушения религиозных заповедей, политической целесообразности и нравственной ущербности и т.д. Иными словами, армия нуждается в философском осмыслении сущностных человеческих и профессиональных интересов военнослужащих, их идеалов и ценностей, взглядов на природу военного дела и военной силы, войны и мира, места и роли армии в жизни отдельного человека и общества в целом.

В этой связи следует подчеркнуть, что как форма бытия военной силы армия выступает не только как сила вооруженная, но и как сила духовная – как праведный, нравственно оправданный способ существования воинственных, бойцовских качеств человека, его «отрицательной любви» (И. Ильин), предполагающий самые суровые наказания носителям злой воли и агрессивного действия, как способ общественного и личного сопротивления злу силой. Сознательная и подсознательная, идеологическая и психологическая, рациональная и эмоциональная готовность и способность военнослужащих к этому сопротивлению, к стойкости при поражении и великодушию при победах – выражают духовный аспект армии.

Конечно, в этом аспекте бытия армии главное внимание исследователей сосредотачивается на личности воина, его духовном состоянии. Последнее детерминировано не только политико-юридическими, нравственными, религиозными, мировоззренческими факторами, но и реальным положением на фронтах в ходе вооруженной борьбы, степенью материально-технической обеспеченности войск, способностью политического и военного руководства реализовывать цели в войне, условиями жизни населения в тылу, информационным воздействием противника, а не редко и отечественных оппозиционных СМИ.

Но – и это главное – духовный аспект армии несет в себе высший смысл существования армии как сознающей себя силы. Он – в защите народа, защите человеческого в человеке, защите слабого сильным, безоружного – вооруженным, беспечного – постоянно готовым к бою. Это духовный, ценностный смысл. Он не может быть выражен ни буквой закона, ни строкой устава. Он живет в сердце каждого истинного, т.е. соответствующего своему понятию солдата, для которого образы его родной матери, сестры, любимой женщины сливаются с образом Родины; образы отца, брата, друга, дедов и прадедов – с образами Отечества. Гуманистическим идеалам современности отвечает гармоническое единство нравственной высоты, справедливости, разумности и силы, воплощающиеся в армии миролюбивых государств, разоблачающих насилие как идею и теорию, пресекающих насилие как социально-политическую практику.

В заключении можно отметить, что как особая социальная подсистема армия тысячами прямых и обратных связей интегрирована в общество, оставаясь относительно самостоятельной целостностью, обладающей собственной логикой существования и развития, своим языком общения с союзниками и противниками, уникальной шкалой духовных ценностей и идеалов служения человека-воина.

Представленная социально-философская концепция в многогранной природе армии высвечивает ее глубинную суть. Она заключена в научно-техническом, производственно-экономическом, социальном, политико-правовом и духовном связывании сил вооруженных людей, в эффективном, легитимном, легальном и нравственно оправданном применении этих сил в качестве инструмента как войны, так и мира.

Армия, таким образом, выступает как цивилизованная форма бытия военной силы общества, как её культурный субъект.

Список литературы

1. Бабин А.И. Формирование и развитие военно-теоретических взглядов Ф.Энгельса [Текст] /АН СССР. Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР.- Москва: Наука, 1975.- 275 с.
2. Энгельс Ф. Армия // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14.
3. Микляев В.А. Армия как социальная подсистема. СПб,1995
4. См: Гареев М.А. Методологические проблемы военных наук // Военная мысль. 1994, № 8).
5. Карем Раш. Небываемое бывает. М., 1990.

V. A. Miklyev

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Saint-Petersburg University of Technologies of Management and Economics
(Saint-Petersburg, Russian Federation)

E-mail: sofvik@mail.ru

THE MILITARY-THEORETICAL HERITAGE OF F. ENGELS AND THE MODERN SOCIO-PHILOSOPHICAL CONCEPT OF THE ARMY

***Annotation.** The article presents the relevance of the military-theoretical heritage of F. Engels for the development of a modern socio-philosophical concept of the army. The special value of the ideas of the classic Marxist about the army as a historical result of the development of material production, social differentiation of society and the state, political and legal association of armed people for waging wars is noted. The analysis of the modern concept of the army, which represents the army as a civilized form of being a military force, as its cultural subject and as a special social subsystem, is carried out.*

***Key words:** military-theoretical heritage of F. Engels, army, definition of the concept "army", socio-philosophical concept of the army, military force of society.*

УДК 355.01

А. С. Брычков

(д. фил. наук, профессор)

Военная академия войсковой ПВО ВС РФ

(г. Смоленск, Российская Федерация)

E-mail: brikanat@mail.ru

Г. А. Никоноров

(к. фил. наук, доцент)

Военная академия войсковой ПВО ВС РФ

(г. Смоленск, Российская Федерация)

E-mail: NikonorovGr@yandex.ru

ОСНОВЫ ФИЛОСОФСКОГО УЧЕНИЯ О ВОЙНЕ КАК ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Ф.ЭНГЕЛЬСА

***Аннотация:** В статье рассматриваются некоторые аспекты философского учения о войне и армии в контексте научно-теоретического наследия Ф. Энгельса. В рамках философского анализа применительно к конкретному вооружённому конфликту, авторы делают вывод о актуальности ранее разработанной методологии. Акцентируется внимание на необходимости внесения некоторых изменений и дополнений в существующее философское учение о войне и армии.*

***Ключевые слова:** война, политика, философский анализ, социальное явление, механизм войны, диалектическая трактовка войны.*

Не единожды философы и политологи поднимали проблематику войн и их трансформаций в зависимости от конкретных исторических эпох, а так же способов и средств их ведения. История военно-философской и политологической мысли обогащалась теоретическими разработками мыслителей, многие из которых воплотились в практику военного строительства. Основы диалектико-материалистического учения о войне и армии заложил Ф. Энгельс. Именно в трудах этого мыслителя разработаны концептуальные подходы к проблеме места и роли вооружённого насилия в целом в жизнедеятельности общества. Военно-философская проблематика работ Ф. Энгельса охватывает вопросы происхождения войны и военной организации, их материальных основах, сущности и социальном характере войны, её социально-политическом содержании, о соотношении войны, политики и идеологии, классификации войн [1]. Именно на фи-

лософско-теоретическом наследии Ф. Энгельса в дальнейшем, в Советском Союзе, было разработано философское учение о войне и армии, которое является актуальным до сих пор [2, с. 437-507]. Ценность этого учения не раз подтверждалась общественно-исторической практикой и продолжает подтверждаться в настоящее время.

Война остаётся спутником современности и требует осмысления и уточнения теоретических разработок связанных с её сущностью, механизмом и закономерностями. Порой, в рассуждениях касающихся изменения форм ведения войны, уходят от её сущности и пытаются при анализе этого сложного социального явления применять умозрительные конструкции. Однако рассуждая о трансформации такого социального явления как война, не стоит забывать о том наследии, которое нам оставила военно-философская мысль. На наш взгляд она дала, во многом, объективный анализ этого явления, к которому следует обращаться, чтобы избежать ошибок.

Основы философского понимания войны, как социального явления, даёт учение о войне и армии основы которого заложены Ф. Энгельсом. Устарело ли классическое философское учение о войне и армии в эпоху гибридных войн?

Сущность войны вытекает из классического определения, данного К. Клаузевицем, как продолжения политики иными насильственными средствами [3, с. 126]. То, что под насильственными средствами в одних случаях можно понимать средства вооружённой борьбы, а в других обработанное специальными методиками общественное сознание населения, руками которого в государстве делается очередная «цветная революция», не меняет того, что и в первом и во втором случае насильственным образом достигаются политические цели.

В «Российской Военной Энциклопедии» война понимается как социально-политическое явление, представляющее собой одну из форм разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами средствами военного насилия [4, с. 233].

Сегодня активно обсуждается понимание войны как особого

состояния общества, общественных отношений, когда государство, классы, социальные группы стремятся достичь жизненно важных целей, как с помощью вооруженной борьбы, так и всяких иных, не смертоносных для людей средств.

Война при этом трактуется особым состоянием общества, связанным с резкой сменой отношений между государствами, народами, социальными группами и с переходом к применению вооруженного насилия для достижения политических, экономических и других целей. Содержание войны включает вооруженную борьбу, которая составляет главное содержание войны; экономическую войну или экономическую блокаду; дипломатическую войну; войну разведок; идеологическую войну; психологическую войну, информационную войну и другие элементы [5, с. 14-15].

Объявляется ли или не объявляется при этом война – это вопрос международного права. Понятие агрессии дано в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. № 3314, но среди перечисленных там актов агрессии нет технологий «цветных революций» и «гибридных войн» [6]. Поэтому необходимо уточнить философское учение о войне положениями, о минимально допустимом пороге применения технологий дестабилизации государства в интересах достижения политических целей, которые можно было бы квалифицировать как ведение войны одного государства против другого. Возможно следует разработать индикаторы стабильности функционирования основных сфер общества (политической, экономической, военной, социальной, духовной), и их минимальные значения, падение ниже которых ведущее к дестабилизации этих сфер, при наличии веских оснований, позволяет считать себя государству жертвой агрессии и действовать по отношению к противнику соответствующим образом. Помимо разработки индикаторов стабильности функционирования основных сфер общества (можно за основу взять индикаторы, перечисленные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации) необходимо продумать критерии деструктивного воздействия на социум и его военную организацию, с целью дальнейшей разработки философского учения о войне.

Разработанное классиками марксизма философское учение о войне требует понять условия ее возникновения и существования. При этом в самом общем плане выделяют несколько групп усло-

вий: экономические (появление прибавочного продукта и частной собственности); социальные (появление неравенства людей и антагонистических классов); политические (стремление имущих классов и государств к укреплению своего господства и эксплуатации); духовные (религиозные, национально-духовные, моральные установки классов, наций и государств, ведущие к войне) и др. Как видно анализ условий возникновения войны не потерял своей актуальности.

Правомерно говорить и о сохранившем актуальность, определенном, относительно целостном механизме возникновения войны, объединяющем как объективные условия, так и субъективные факторы общественной жизни и показывающем ее вызревание. К основным элементам этого механизма можно отнести основу войны. Разве не наличие объективных и постоянно существующих противоречий между США и их союзниками в Европе с одной стороны, Россией и её союзниками с другой и полярными силами в самой Украине, привели к военному конфликту на Донбассе?

Второй элемент механизма войны – её коренные причины. Среди них можно назвать: экономические, политические, социальные, духовные, национальные, религиозные и иные существенные различия и противоречия между этническими и религиозными группами, в частности на Украине, а так же государствами и силами стоящими за ними (в том числе негосударственными организациями), ведущими войну в этом регионе. Каждый из перечисленных аспектов, в свою очередь, требует конкретно-исторического анализа.

Источник войны в этом регионе – идеология крайне правого национализма прикрытая украинством, которая в свою очередь является инструментом получения контроля над ресурсами этого региона со стороны США и ЕС под маской борьбы с происками Москвы. Если бы Донбасс и Луганск не помешали этому процессу и не выступили против, то ресурсная база юга-востока Украины (как в случае с основной территорией государства) уже бы перешла в собственность геополитических противников России, естественно из рук вновь назначенного очередного «демократического правительства» в Киеве, а вся территория Украины была превращена НАТО в антироссийский плацдарм для организации «гибридной войны» против Российской Федерации с возможностью пере-

вода её в «горячую» фазу.

Следующий элемент, не потерявшего актуальности, философского анализа механизма войны - условия, порождающие войну и политические силы, стремящиеся войной достичь своих целей. К таким условиям в этом регионе планеты можно отнести наличие с одной стороны людских ресурсов и вооружений у всех участников военного конфликта в этом регионе и их готовность к ведению вооружённой борьбы.

Повод к войне, как ещё один аспект философского анализа войны, может быть любым. От борьбы против «сепаратистов» на юго-восточных территориях примыкающих к Российской Федерации, которые не приняли государственный переворот и создание националистического марионеточного государства (естественно не обладающего реальным экономическим, а следовательно политическим суверенитетом), до борьбы против «российской экспансии» в Донбассе и Луганске. При этом каждый участник войны на территории ДНР и ЛНР (от официального Украинского правительства, до стран ЕС, поставляющих в зону конфликта наёмников) прикрывает главную причину войны по своему собственному усмотрению.

Очаг войны и условия, способствующие перерастанию очага войны в войну – следующие элементы философского анализа войны. В данном случае это регион Европы, где сложились объективные условия и субъективные факторы для возникновения войны, что не в малой степени связано всё с той же борьбой за ресурсные регионы планеты со стороны США и перманентной необходимостью развязывать войны и военные конфликты для обеспечения рынка сбыта в первую очередь военной продукции (политика США не в малой степени детерминируется интересами мощного ВПК). Не стоит забывать, что военная продукция сбываемая в том или ином регионе планеты обладает свойствами «идеального товара» (уничтожаясь при использовании она уничтожает материальные ценности и освобождает рынок для тех кто его осваивает его после войны). Естественно очаги войны искусственно формируются у границ главных геополитических соперников с целью возможного перевода их в крупномасштабную войну при необходимости.

Ф. Энгельс указывал на необходимость учёта при философском анализе войны наличие у сторон конфликта вооруженных сил и других средств ведения войны. В этом смысле уместно поставить риторический вопрос: «Неужели элементы философского анализа

механизма войны, в основе которого лежит наследие Ф. Энгельса, устарели?» Разве в эпоху «гибридных войн» устарело положение о том, что *главной причиной войн является борьба за ресурсы и рынки сбыта товаров*? Или выполнение союзнических обязательств спрятанных за правовыми и политологическими формулировками отменяют это положение? Очевидно, что не устарело философское положение о том, что война есть продолжение политики, а главным вопросом политики является вопрос о власти, что в свою очередь связано с контролем над средствами производства (ресурсами) на той или иной территории.

Диалектически переработанная классиками марксизма трактовка войны говорит о том, что война есть продолжение той внутренней и внешней политики, которую страна вела перед войной. Разве на примере основных сторон военного конфликта на территории ДНР и ЛНР в этом можно усомниться?

А то, что война есть насквозь политика, продолжение осуществления классами, нациями и государствами тех же целей средствами вооруженного насилия? В этом случае требует определённого уточнения дефиниция «вооружённое насилие» (заменить на насилие) с учётом «гибридных» и «многосферных» войн, технологий использования «цветных революций». В некоторых случаях целей войны можно достичь и без применения вооружений (хотя вооружённое насилие в гибридной войне всегда предусматривается, если другие стратегии не приведут к достижению поставленных целей).

Применённый Ф. Энгельсом диалектический подход к анализу войны требует изучить политику перед войной, политику, ведущую и приведшую к войне (это положение очевидно).

Политика определяет сущность и характер войны, цели, ход и задачи войны; политика использует результаты войны. Непримируемое и ожесточённое противоборство основных участников конфликта на юго-востоке Украины подтверждает это положение философского анализа войны. Если цель нынешнего украинского правительства и тех, кто за ними стоит, любыми путями сорвать процесс деэскалации в этом регионе, то политика России направлена в первую очередь на разрешение конфликта в интересах жителей юго-востока Украины.

То, что любая война имеет две стороны: политическую и во-

енно-техническую, в этом не приходится сомневаться. Как бы не варьировались средства вооружённой борьбы, от чего зависят и способы их применения.

Заключительное положение диалектической трактовки войны - война влияет на политику, ход войны способен изменить направление проводимой политики, ее цели и характер. Разве со срывом наступательных планов ВСУ и спонсоров этой войны из НАТО и перевода боевых действий в фазу позиционной войны, не перестали звучать на всех международных площадках требования, «покончить с сепаратизмом в Донецке и Луганске» и не были ли они заменены требованиями «соблюдать Минские договорённости»?

Какие из этих положений устарели и требуют замены? На фоне бесконечных разговоров о том, что ядерная война перестанет быть продолжением политики, следует понимать, что она перестанет быть продолжением политики, когда исчезнут государства. А пока некоторые государства, уповая на ограниченное число ядерных средств оставшихся после выполнения договоров по сокращению ядерного вооружения будут строить ПРО и планировать БГУ (в том числе на плацдармах, не имеющих настоящего суверенитета государств, граничащих с Россией), в надежде исключить возможность ответного удара, то ядерная война, если ее не удастся предотвратить, также будет продолжением политики определенных классов, наций и государств (так как приказ на использование ядерного оружия будет отдавать политическая элита государства). А война с использованием тактических ядерных боеприпасов на ТВД (ограниченная) разве перестанет быть продолжением политики?

Как видно природа войны остаётся неизменной, так же, как и её законы

Законы войны – это существенные, необходимые, повторяющиеся и внутренние для воюющих сторон связи, обуславливающие ее зарождение, ход и исход. Всю совокупность законов войны можно представить тремя основными группами: основной закон войны; законы хода и исхода войны от соотношения сил воюющих сторон; законы вооруженной борьбы. Других законов войны, вытекающих из военно-философского теоретического наследия классиков марксизма, до сих пор не сформулировано.

Законы войны носят объективный характер, т. е. их возникновение и действие не зависит от воли и желания людей, но люди

могут воздействовать на их протекание и реализацию. Войны начинаются и ведутся в системе сложных общественных отношений и обстоятельств, хотя зарождаются в умах людей.

Законы развития общества, особым состоянием которого является война, «действуют», получают свою «реализацию» в сознательной активности людей, в результате деятельности классов, наций, государств. Этим определяется возможность влиять на ход общественного развития, на возникновение, ход и исход войны. Следует сказать, что в войне, как в любом общественном развитии, не все закономерно. На войне действует множество случайных, несущественных отношений и ситуаций. В познании закономерного и случайного в войне, умении использовать выявленные факторы боевой практики проявляются таланты военачальников.

Классификация войн и военных конфликтов, применяемая сейчас принципиально не отличается от уже разработанной создателями диалектико-материалистического учения о войне (по социальному характеру, по масштабам, по числу участников, по времени протекания, по военно-техническим характеристикам и т.д.) за исключением классификации предусматривавшей войны по критерию общественно-политических систем (войны между государствами принадлежащими к одной общественно-политической системе и войны между государствами принадлежащими к разным общественно-политическим системам), что вызывает недоумение (а, что одно из трёх ведущих государств мира - КНР, которое борется за лидирующее положение в мире перестало быть коммунистическим, или исчезла система социализма (КНР, КНДР, МНР, Куба и т.д))?

Столь пространный философский экскурс в основные положения философского учения о войне, основоположником которого являлся Ф. Энгельс, говорит, о том, что оно не потеряло актуальности, подтверждается практикой современных вооружённых конфликтов (в том числе на территории ДНР и ЛНР) и требует некоей корректировки в той части, которые связаны со спецификой «гибридных», «информационных» и других войн. То обстоятельство, что война может быть выиграна и политический противник сокрушён без вступления солдата на его территорию, или то, что для достижения политических целей в насильственных действиях может использоваться не только армия, но и всё население государства (как своего, так и чужого путём провоцирования «цветной револю-

ции», как пример – фактическая потеря государственного суверенитета Украиной после «майдана» 2014 г), не отменяет в целом философского учения о войне. Оно может и должно быть доработано с учётом современных реалий, для чего необходимо создать определённые условия и привлечь необходимые силы и средства.

Философское учение о войне не устарело. Оно носит предельно общий характер и требует при анализе конкретной обстановки применять его положения диалектически. Советский Союз потерпел поражение в «Холодной войне» не потому, что была плохая теория и не учитывающее реалии философское учение о войне и армии, а потому, что высшее военно-политическое руководство страны не ставило своей целью защиту национальных интересов и руководствовалось в принятии политических решений далеко не научными разработками. Можно напомнить, что в середине восьмидесятых годов прошлого столетия СССР хоть и замедлил темпы роста, но продолжал оставаться сверхдержавой, при грамотной корректировке внешней и внутренней политики которой, государство не пришло бы к трагическому финалу с последствиями вооружённых конфликтов на бывшем постсоветском пространстве. Думается, что и при детальнейшей разработке теории противоборства в эпоху «гибридной войны», без политической воли, она тоже останется невостребованной.

Иными словами, основные положения философского учения о войне, основы которого заложены Ф. Энгельсом, являются матрицей, от которой осуществляется политологический, военнотехнический и другие виды анализа. В соответствии с диалектическим законом отрицания отрицания, необходимо не отказываться от оставленного предшественниками наследия и начинать заново изучать войну как социальное явление или разрабатывать философскую теорию войны, а вносить в уже существующее философское учение о войне новые элементы, которые учитывая реалии сегодняшнего дня позволят более объективно и конкретно строить оборонную политику России и её союзников.

Список литературы

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. 2. – С. 75; - Т.10. – С. 1
2. Марксистско-ленинская философия. Учебное пособие. Изд. 2 под ред Е.А. Хоменко, Воениздат. – М.1974. – С. 437-507.
3. К. Клаузевиц. О войне Т. 1. – С.-Пб.: Полигон, 2013. – С. 126.
4. Российская Военная Энциклопедия: В 9 т. – М., 1994. Т. 2. – С. 233.
5. Краткий словарь специальных военных терминов. – М., 1994. – С. 14-15.
6. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. № 3314.

A. S. Brychkov

(Doctor of Philosophical Sciences, Professor)

The Russian Armed Forces Army Air Defense Military Academy
(Smolensk, Russian Federation)

E-mail: brikanat@mail.ru

G. A. Nikanorov

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

The Russian Armed Forces Army Air Defense Military Academy
(Smolensk, Russian Federation)

E-mail: NikanorovGr@yandex.ru

FUNDAMENTALS OF A SYSTEM OF PHILOSOPHY ON WAR AS F.ENGELS' LEGACY OF THEORIES ON WARFARE

Annotation. The article deals with some aspects of a system of philosophy concerning a war and an army in the scope of F. Engels legacy of theories on warfare. In the framework of the philosophical analysis of a certain armed conflict the topicality of the previously worked out methodology is verified. The necessity to incorporate some changes and additions into existing system of philosophy on a war and an army is emphasized.

Key words: war, politics, a philosophical analysis, a social phenomenon, war modus operandi, dialectical conclusion.

УДК 130.2:00

А. И. Швырков

(к. филос. наук)

E-mail: aishvyrkov@rambler.ru

А. П. Борисова

(студентка факультета отраслевой и цифровой экономики)

E-mail: anastya0410@gmail.com

Брянский государственный технический университет

(г. Брянск, Российская Федерация)

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС И ПРОЛЕТАРСКАЯ ТЕОРИЯ ВОЙНЫ

***Аннотация.** Рассмотрен вклад Фридрих Энгельса в разработку теории военного дела. Заслуга Энгельса собственно как военного теоретика состоит в том, что он дал диалектико-материалистическую трактовку роли насилия в истории, раскрыл сущность и причины войн, продемонстрировал роль народных масс в войнах.*

***Ключевые слова:** Маркс, Энгельс, война, диалектический материализм.*

Фридрих Энгельс – немецкий политический деятель, философ, историк, один из основоположников марксизма, друг и единомышленник Карла Маркса, соавтор его трудов.

Его творческое наследие составляют труды по философии, политэкономии, социологии, истории, религиоведению. Однако он также оставил заметный след в теории военного дела. Естественно, с «пролетарским уклоном» и «революционной перспективой».

Важно подчеркнуть, что в отличие от Маркса (который, хоть и написал «Капитал», ни разу в жизни на заводе не был), Энгельс не был «кабинетным ученым». Будучи экономистом-теоретиком, он также был предпринимателем. То же и с военным делом: Энгельс служил в гвардейской пешей артиллерии, во время революции 1848-49 гг. принимал участие в боевых действиях, показав себя храбрым и грамотным офицером.

Во время революционных событий Энгельс сформировал отряд рабочих, руководил возведением оборонительных сооружений, командовал артиллерией. В качестве начальника

штаба отряда А. Виллиха участвовал в разработке плана кампании против прусских войск.

Он также лично принимал участие в нескольких сражениях.

Пролетарская, революционная теория войны была освещена в таких работах Энгельса, как «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Революция и контрреволюция в Германии», Введение к работе Карла Маркса «Классовая борьба во Франции» и др.

Заслуга Энгельса собственно как военного теоретика состоит в том, что он дал диалектико-материалистическую трактовку роли насилия в истории, раскрыл сущность и причины войн, продемонстрировал роль народных масс в войнах.

Маркс и Энгельс доказали, что определяющей силой развития общества является материальное производство (так называемый «базис»). Это же справедливо и в случае войн: насилие всегда вторично, а любой силовой конфликт всегда так или иначе вытекает из «споров хозяйствующих субъектов». Война неотделима от частной собственности, частная же собственность всегда коррелирует с разделением общества на классы.

Именно развитие материальных средств производства сначала привело к концентрации излишков у малочисленной «верхушки», а потом и к рабовладению и, соответственно, появлению первых двух классов – рабов и рабовладельцев [1].

Имущественное же расслоение привело и к появлению государств, породило войны между ними – как в целях захвата территорий, так и пленных.

Необходимость для правящего класса защитить себя от класса угнетаемого привело к появлению как полиции (в том числе и политической), так и регулярной армии.

Энгельс разоблачил теории, которые утверждали, что армии капиталистических государств являются «общенародными», «политически нейтральными», чуждыми классовой борьбе, такими, которые просто «защищают отечество».

Для Маркса и Энгельса война – это всегда продолжение внутренней политики, политики, детерминированной внутригосударственной классовой борьбой. Поэтому, чтобы понять сущность войны и породивших ее причин, необходимо изучить политику, проводимую теми или иными классами и державами

перед войной, политику, ведущую и приведшую к войне. «Ту самую политику, - писал позднее Ленин, - которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот же самый класс продолжает во время войны, переменяв только форму действия» [2, с. 333.].

Источники войн, а также объяснение характера и целей войн надо искать в антагонистических способах производства, находящих свое отражение в политике классов и государств. Изучение политики данных классов и государств дает возможность установить, какие материальные интересы и каких классов привели к данной войне, определить характер и цели этой войны.

Стремление капитала к получению прибыли (часто любой ценой) нередко приводит к военной экспансии. В ходе такой экспансии господствующий класс получает в свое распоряжение новые территории для эксплуатации, новые рынки сбыта, доступ к природным ресурсам. Думаем, история последних десятилетий убедительно свидетельствует в пользу этого тезиса (вспомним хотя бы войну в Персидском заливе, агрессию США против Ирака и многие, многие другие).

Конечно, как правило подобные войны подаются пропагандой как «освободительные», как «миротворческие операции», «принуждение к миру», как средство борьбы с терроризмом и т. п. [3, 4]. Однако суть их от этого не меняется.

Война также часто служит механизмом «выпуска пара», «утилизации» слишком активных «пассионариев», которые, не случись войны, могли бы создать значительные проблемы «собственному» правительству. Полагаем, что история Украины последних пяти лет служит наглядной иллюстрацией этих идей.

Не последнюю роль война играет и в качестве средства отвлечение народных масс от внутренних проблем и несправедливостей.

Из развиваемых Марксом и Энгельсом теорий с необходимостью следует, что пока в мире существует капитализм, войны не прекратятся. И как видим, история 20-го века (да и 21-го тоже) с лихвой подтверждает этот вывод. Несмотря на безусловное повышение уровня жизни во всем мире, невиданный доселе технический, научный прогресс, несмотря на наличие такого сдерживающего фактора, как ядерное оружие (и, соответственно,

перспектива тотального уничтожения человечества), войны продолжают случаться с завидной регулярностью. Да, чаще всего они носят локальный, «гибридный» характер, однако суть их, выявленная Марксом и Энгельсом, от этого не меняется: все они имеют своей целью реализацию хищнических устремлений крупного (часто транснационального) капитала.

Все войны Маркс и Энгельс разделили на справедливые (освободительные) и несправедливые (захватнические). Характер войны определяется тем, какими общественными классами и во имя каких целей эта война ведётся, способствует она развитию революции и национально-освободительного движения или нет [5].

В этом марксизм кардинально расходится с буржуазными теориями войны, постулирующими, что война есть «естественное» (и потому «вечное») состояние человеческого общества.

Характер войны определяет, помимо прочего, моральный дух воюющих. Народ, отстаивающий свою свободу и независимость (как советский народ во время Великой отечественной или ополченцы ЛДНР), способен противостоять самому сильному противнику (и побеждать!).

Народ, защищающий завоевание революции (вспомним революционные армии Франции после Великой французской революции, вьетконг в 60-70-х гг. 20-го века) не способны победить даже самые мощные армии буржуазных государств.

Наоборот, даже вооруженная до зубов, многочисленная армия, ведущая захватническую, несправедливую войну, часто терпит поражение. Наша история дает примеры и этого (поражение армии Наполеона в 1812 г., гитлеровских войск в Великую отечественную).

Как было сказано выше, марксизм осмысляет войну прежде всего в экономических категориях. Вся современная государственная машина (включающая административный и, главное, налоговый аппарат) была создана в расчете на войну, из-за необходимости для абсолютизма 17-18 веков постоянно содержать под ружьем гигантские армии. Детально эта теория была разработана в 20-м веке [6, 7], однако заложили ее основания именно Маркс и Энгельс.

Очень часто войну выигрывает более экономически развитое государство, государство, которое располагает более совершенной военной техникой и технологиями.

Мощная экономика, высокоразвитая наука, сильный ВПК, как правило, значат для победы не меньше, чем боевой дух солдат [8].

Как мы знаем из отечественной истории, во время Первой мировой войны экономическая отсталость Российской Империи поставила ее на грань сокрушительного поражения, в то время как военная катастрофа лета-осени 1941 г. не привела к поражению СССР, поскольку его военно-промышленный потенциал не был уничтожен в первые месяцы войны.

Энгельсом была раскрыта связь между «восходящей» сменой общественных способов производства, дающих всё больший простор развитию производительных сил, и развитием военного дела, опирающегося на наличные производительные силы. Как считал Энгельс, организация армий, способ ведения ими боя, и, соответственно, их победы и поражения, оказываются зависящими от материальных (т. е. экономических условий), от человеческого материала и от оружия, следовательно — от качества и количества населения и от техники.

То есть, военное дело в конечном счёте определяется экономикой: достигнутый уровень развития производства определяет характер вооружения; в свою очередь, имеющаяся в наличии военная техника обуславливает определённую, оптимальную для данной эпохи организацию вооружённых сил, определяет стратегию и тактику, обеспечивающие наиболее эффективное применение оружия.

Учитывая все сказанное выше, можно заключить, что диалектико-материалистическое учение Маркса и Энгельса о войне и военном деле отнюдь не потеряло своей актуальности. Его вполне можно использовать для анализа происходящих сегодня в мире процессов, причем выводы таким образом полученные, чаще всего будут куда более основательными (и, соответственно, практически полезными), чем результаты многих современных западных теорий, теорий, несущих в себе все те изъяны (коль скоро они созданы в угоду капиталу), которые разоблачали Маркс и Энгельс в 19-м (!) веке.

Список литературы

1. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Собрание сочинений. Изд. 2. Т. 21. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – С. 32-178.
2. Ленин В. И. Собрание сочинений, т. XXX, изд. 3.
3. Почепцов, Г. Г. Информационные войны, Серия: Образовательная библиотека. – М.: Издательство «Рефл-бук», 2001. – 576 с.
4. Перетолчин, Д. Ю. Мировые войны и мировые элиты. – М.: Книжный мир, 2014. – 416 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 4. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419–459.
6. Бродель, Ф. Материальная цивилизация: в 3 т. – М.: Весь мир, 2006.
7. Тилли, Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990-1992 гг. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 323 с.
8. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 20. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 828 с.

A. I. Shvyrkov

(Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor)
 Bryansk State Technical University
 (Bryansk, Russian Federation)
 E-mail: aishvyrkov@rambler.ru

A. P. Borisova

(student of the Faculty of Industrial and Digital Economics)
 E-mail: anastya0410@gmail.com
 Bryansk State Technical University
 (Bryansk, Russian Federation)

FRIEDRICH ENGELS AND THE PROLETARIAN THEORY OF WAR

***Annotation.** The contribution of Friedrich Engels to the development of the theory of military affairs is considered. Engels' merit as a military theorist is that he gave a dialectical-materialist interpretation of the role of violence in history, revealed the essence and causes of wars, demonstrated the role of the masses in wars.*

***Key words:** Marx, Engels, warfare, dialectical materialism.*

УДК 130.2

М. В. Попов

(д. филос. наук, профессор)

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

E-mail: popovmvdom@mail.ru

Ф.ЭНГЕЛЬС КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ЕДИНСТВА ТРЁХ МОМЕНТОВ МАРКСИЗМА

***Аннотация.** В тезисах акцентируется внимание на том, что Ф. Энгельс явился не только одним из основателей марксизма, но и энциклопедическим учёным, внесшим основополагающий вклад и в политическую экономию, и в диалектический и исторический материализм, и в научный социализм. А поскольку марксизм – не только теория, но и практика преобразования капиталистического мира в коммунистический, Ф. Энгельс показал себя не только одним из основателей единой пролетарской идеологии, но и вождём международного рабочего класса в его борьбе за революционный переход капитализма в коммунизм.*

***Ключевые слова:** Марксизм, моменты марксизма, политэкономию, философия, диалектический материализм, исторический материализм, научный социализм, классовая борьба, диктатура пролетариата.*

Можно сказать, что пролетарская политэкономию началась с Энгельса. В начале своей книги «Положение рабочего класса в Англии» молодой Энгельс писал: «Рабочие! Вам я посвящаю свой труд... Я оставил общество и званые обеды, портвейн и шампанское буржуазии и посвятил свои часы досуга почти исключительно общению с настоящими рабочими; я рад этому и горжусь этим. ...Имея в то же время широкую возможность наблюдать вашего противника, буржуазию, я очень скоро убедился в том, что вы правы, вполне правы, если не ожидаете от неё никакой поддержки. Её интересы диаметрально противоположны вашим, хотя она постоянно пытается доказать обратное и уверить вас в самом сердечном сочувствии к вашей судьбе. Её дела опровергают её слова. Я собрал, надеюсь, более чем достаточные доказательства того, что буржуазия – что бы она ни утверждала на словах – в действительности не имеет иной цели, как обогащаться за счёт вашего труда, пока может торговать его продуктом, чтобы затем обречь вас на голодную смерть, как только для неё исчезнет возможность извлекать прибыль из этой скрытой торговли человеком» [1].

К. Маркс, прочитав эту книгу Энгельса, решил серьёзно заняться политэкономией, и в этой работе Энгельс его всячески поддерживал и идейно, и материально. Энгельс написал рецензию на «Капитал» Маркса, а после смерти Маркса продолжил работу над вторым и третьим томами «Капитала» и довёл их до публикации. Это – великий подвиг друга и соратника Карла Маркса.

Энгельс вместе с Марксом были в философии вначале младогегельянцами, а затем под влиянием работ Фейербаха стали материалистами, но не метафизическими, как Фейербах, а диалектическими материалистами. Энгельс развил материалистическую диалектику в «Диалектике природы» и в «Анти-Дюринге», ставшем настоящей энциклопедией научного социализма.

Энгельс и Маркс в «Немецкой идеологии» подняли материалистическую диалектику до исследования общества и основали исторический материализм. Исторический материализм блестяще развит Энгельсом в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в которой Энгельс, исходя из главного положения исторического материализма о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, показал, что в основе человеческой истории лежит производство и воспроизводство непосредственной жизни – производство людей и материальных жизненных средств.

Научному социализму посвящена специальная работа Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». Он написал первый вариант «Манифеста коммунистической партии» – «Принципы коммунизма» и затем уже вместе с Марксом – «Коммунистический манифест», в котором показано, что все социалистические учения, которые не связывают прогрессивные идеи с передовым классом, либо реакционны, либо утопичны.

В дальнейшем Энгельс вместе с Марксом обосновали учение о диктатуре пролетариата, и если Маркс настаивал на нём в «Критике Готской программы германской социал-демократии», то Энгельс об этом же писал в «Критике Эрфуртской программы». Именно эту главную идею марксизма В. И. Ленин положил в основу своей теоретической и практической деятельности, став гениальным учеником и продолжателем дела Маркса и Энгельса.

Энгельс вместе с Марксом основали Союз коммунистов и Международное товарищество рабочих – I Интернационал и поло-

жили начало соединению научного социализма с рабочим движением, которое Лениным было теоретически доведено до совершенства и реализовано партией большевиков, поднявшей рабочий класс России на первую в мире социалистическую революцию.

В современном мире более полутора миллиардов человек живут в странах, совершивших социалистическую революцию и продолжающих осуществлять строительство социализма и полного коммунизма. Дело Энгельса живёт.

Список литературы

1. Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., - Т. 2. – С. 231-232.

М. V. Попов

(Doctor of philosophical sciences, professor)

St. Petersburg State University

(Saint-Petersburg, Russian Federation)

E-mail: popovmvd@mail.ru

F. ENGELS AS THE IMPLEMENTATION OF THE UNITY OF THREE MOMENTS OF MARXISM

***Annotation.** The theses focus on the fact that Engels was not only one of the founders of Marxism, but also an encyclopedic scientist who made a fundamental contribution to political economy, dialectical and historical materialism, and scientific socialism. And since Marxism is not only a theory, but also a practice of transforming the capitalist world into a communist one, F. Engels showed himself not only as one of the founders of a single proletarian ideology, but also as the leader of the international working class in its struggle for the revolutionary transition of capitalism to communism.*

***Key words:** Marxism, moments of Marxism, political economy, philosophy, dialectical materialism, historical materialism, scientific socialism, class struggle, dictatorship of the proletariat.*

УДК 355.01/.02-047.37

А. И. Бурцев

(старший преподаватель)

Донецкий национальный университет экономики и торговли

имени Михаила Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: alex.byr.251091@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСОМ ВОЕННОГО ИСКУССТВА: ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

***Аннотация.** В статье рассмотрено эволюция взглядов Ф. Энгельса военное искусство в 50 – 90 гг. XIX в. Проанализированы вклад автора в развитие военной истории, и актуальность его работ для современной науки.*

***Ключевые слова:** военная история, военное искусство, Ф. Энгельс, франко-прусская война, Гражданская война в США.*

Ф. Энгельс внес огромный вклад в развитие различных отраслей мировой науки: социологии, истории, экономики. Ни смотря на это, отдельные направления его деятельности остаются недостаточно изученными. Современные исследователи уделяют недостаточно внимание трудам Ф. Энгельса, посвященным войне и воинскому искусству. В основном они рассматривают его, как одного из основоположников марксизма. Данный подход является неверным, научное наследие Ф. Энгельса является более обширным и многогранным.

Среди работ, посвященных изучению военной теории в работах Ф. Энгельса можно выделить статью С. Сулимова [1, с. 8]. В ней автор рассматривает возможности использования идей Ф. Энгельса при прогнозировании военных конфликтов будущего. А. Рамхманов называет Ф. Энгельса одним из теоретиков военной истории, сделавшим важный вклад в развитие данной науки [2, с. 132]. Г. Ипполитов исследовал особенности гражданских войн, опираясь на идеи Ф. Энгельса [3, с. 25]. При этом в творчестве Ф. Энгельса остаются вопросы, которые недостаточно изучены.

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что Ф. Энгельс является одним из наиболее выдающихся мыслителей XIX в., идеи которого существенно повлияли на развитие военной истории. Целью работы является определение значения трудов Ф. Энгельса,

посвященных военному искусству. Для достижения поставленных целей были поставлены следующие задачи: - проанализировать эволюцию взглядов ученого, - рассмотреть содержание основных работ автора, - дать оценку их объективности. Объектом исследования является научная деятельность Ф. Энгельса, предметом – его труды, посвященные военному искусству.

Ф. Энгельс и К. Маркс занимались не только исследованием экономических и политических процессов, но и уделяли в своих работах большое внимание изучению военного искусства. Так получилось, что по этой проблематике писал преимущественно Ф. Энгельс, которого можно назвать выдающимся военным теоретиком пролетариата. Он знал военное дело не понаслышке, не только из книг. Ф. Энгельс сам служил в армии (в гвардейской пешей артиллерии), совмещая это занятие с посещением лекций в Берлинском университете. Благодаря глубокому знанию военного дела Ф. Энгельс получил у друзей прозвище Генерал. Во время революции 1848-1849 гг. он принимал участие в боевых действиях на стороне революционных войск, проявив себя храбрым и грамотным офицером. Им был сформирован отряд революционных рабочих [2, с. 142]. Ф. Энгельс руководил возведением оборонительных сооружений, командовал артиллерией, в качестве начальника штаба отряда Августа Виллиха участвовал в разработке плана действий против прусских войск, принял личное участие в нескольких сражениях. В ходе боев он еще более углубил свои военные знания. В это время на опыте революционного движения Ф. Энгельс разработал тактику вооруженной борьбы пролетариата с буржуазией [2, с. 145]. Военное дело он продолжал основательно изучать после переезда в Манчестер в 1850 г. Данное занятие имело для Энгельса практически революционное значение .

Рукопись Энгельса «Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 г.» (написана в 1851 г.) отражала материалистического понимания истории в рамках военной сферы. В своей работе автор писал о возможности вооруженного противостояния блока потенциально социалистических Франции, Германии и Англии и остального мира, о необходимости в связи с этим создания пролетарской стратегии и тактики [4, с. 15].

В указанной статье Ф. Энгельс анализирует силы революции и силы контрреволюции и разрабатывает вопросы борьбы против соединенных контрреволюционных сил. Он писал, что пролетариат

может победить только при помощи лучшей, чем у буржуазии армии. По мнению Ф. Энгельса, сущность войны обусловлена техническими средствами, детерминированными развитием производительных сил. Он обращал внимание читателей, что железные дороги и электрический телеграф уже сейчас дадут талантливому генералу или военному министру повод для совершенно новых комбинаций в европейской войне. В это время размышления Ф. Энгельса базировались, в первую очередь, на осмысление опыта Наполеоновских войн. Он считал Наполеона наиболее выдающимся полководцем первой половины XIX в. и непревзойденным мастером военного дела. В своих работах Ф. Энгельс писал, что историческая заслуга Наполеона заключается в том, что полководец нашел единственные правила тактического и стратегического применения колоссальных вооруженных масс, и эту стратегию и тактику довел до такой степени совершенства, что современные генералы не только не в состоянии превзойти его [4, с. 17].

В начале своей деятельности Ф. Энгельс считал К. Клаузевица наиболее выдающимся военным мыслителем, оказавшим на него большое влияние. Но в изучении военного искусства Ф. Энгельс пошел дальше. Он дал диалектико-материалистическое объяснение роли насилия в истории, раскрыл природу, сущность и причины войн, определил соотношение материальных и духовных факторов в войне, обуславливающих её ход и исход, показал роль народных масс и полководцев. С начала Крымской войны (1853 – 1856 гг.) Ф. Энгельс стал писать статьи о ходе военных операций [2, с. 151]. Он анализировал буквально каждый маневр армии союзников и русской армии, жестоко критиковал англо-французское командование. Ф. Энгельс в своих оценках Крымской войны, как и во всех вопросах, исходили из интересов рабочего движения, допуская вероятность социалистической революции. В ряде работ он утверждал, что Крымская война неизбежно вызовет новый подъем революционного движения в Европе.

Следует отметить, что данное предположение оказалось ошибочным. В конце 1855 года Ф. Энгельс написал ряд статей о состоянии армий в странах Европы. В этих работах Ф. Энгельс показал себя знатоком состояния военного дела в европейских государствах [5]. Он дает подробную характеристику всех основных западноевропейских и турецкой армии, вплоть до их национальных

особенностей и традиций. Для большой американской энциклопедии им написаны статьи: «Армия», «Пехота», «Кавалерия», «Артиллерия», «Фортификация», «Флот», «Аустерлиц», «Бородино». В них, опираясь на огромный фактический материал, Ф. Энгельс изложил историю развития военной техники, стратегии и тактики от глубокой древности до середины XIX в. Все крупные битвы нашли у него глубокую оценку со стратегической и тактической точек зрения. Он дал ряд глубоких характеристик полководцам и военным деятелям [4, с. 18]

В конце 50-х годов XIX века вновь обострилась ситуация в Италии. Назревала угроза войны между Австрией и крупным итальянским государством Пьемонт. Ф. Энгельс решил написать брошюру и изложить в ней пролетарскую точку зрения на объединении Италии и Германии в единые государства. Она вышла в начале 1859 года под названием «По и Рейн». Накопленные эмпирические знания позволяли Ф. Энгельсу производить обобщения, теоретизировать. Немалый интерес вызывает его работа «История винтовки», написанная в 1860- 1861 гг. и опубликованная в журнале «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire». Она демонстрирует знание Ф. Энгельсом не только вопросов военной тактики, но и технических сторон стрелкового оружия. В 60-ые годы были написаны статьи «Савоя, Ницца и Рейн» (1860), «Французская легкая пехота» (1860), «Английская армия» (1864), «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» (1865). В них Ф. Энгельс подробно рассмотрел развитие вооруженных сил и военного искусства в странах Западной Европы [5].

Начало Гражданской войны в США вызывает особый интерес со Э. Энгельса. За несколько лет он пишет большое количество статей для американской и европейской прессы об этой войне. Он рассматривал данный конфликт, как борьбу двух социальных систем - системы рабства и системы свободного труда. В оценке событий Гражданской войны симпатии Ф. Энгельса были на стороне Севера. С первых же дней конфликта он указывал, что у коалиции северных штатов, как передовой социальной системы, имеется больше шансов на победу. Оценивая ход военных действий между противоборствующими сторонами, Ф. Энгельс указывал, что опыт американской гражданской войны показал, какую большую роль может сыграть регулярная армия при создании армии из волонте-

ров. По мнению исследователя, она должна послужить ядром при создании такой армии [6].

Австро-прусской войне 1866 года Энгельс посвятил несколько статей, печатавшихся в «Manchester Guardian». В начале военных действий Энгельс давал невысокую оценку прусской армии. Но вопреки его ожиданиям прусские войска в течение 10 дней добились блестящей победы. Исследователь учел опыт данного конфликта и переосмыслил оценку вооруженных сил Пруссии. Во время франко-прусской войны 1870 - 1871 гг. Энгельс работал обозревателем в одной из английских газет и давал настолько точные оценки и прогнозы хода военных действий, что читатели приняли автора статей за какого-то крупного генерала. В частности, ему удалось точно предсказать, что решающее сражение развернется в начале сентября под Седаном и закончится разгромом армии Наполеона III (капитулировал под Седаном 2 сентября 1870 г.).

В работах этого периода он абсолютизировал обусловленность войны развитием технических средств и производительных сил, как одну из сторон сущности войны и при этом отвлекся от рассмотрения ее обусловленности сферой политики. При сопоставимом уровне развития производительных сил решающими для исхода военных действий могут оказаться и формы общественного сознания — политика и политическое сознание. Это определило то, что Ф. Энгельс начал проигнорировать военное и полководческое искусство. Это привело к появлению невнимания к деятельности великих полководцев и, в частности, к потере интереса к Наполеону [2, с. 156]

В военной аналитике в поздних работах Ф. Энгельса оказалось много верных прогнозов. Например, он еще в 1887 г. с удивительной глубиной и детальностью предсказал ход Первой мировой войны и ее итоги. Он писал, что после последних событий в Европе невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной. По его мнению, мир ожидал конфликт невиданного раньше размера, огромной силы. В 1888 г. Ф. Энгельс предвидел также как один из результатов предстоящей Первой мировой войны возвышение США. Он полагал, что войны, милитаризм, гонка вооружений, обостряя противоречия буржуазного общества и создавая массовые армии, ведущие к вооружению народа, формируют предпосылки для социалистической революции. Введение всеобщей повинности

(впервые это было сделано во время Великой французской революции 1789-1794 гг.), возникновение массовых армий и благодаря этому всеобщее военное обучение народа (пролетариата) облегчают возможность социалистической революции. В данном случае Ф. Энгельс оказался прав. Наличие большой массы военнослужащих, являющихся выходцами из крестьянства и рабочего класса сделало возможными Февральскую и Октябрьскую революции в России. В качестве аналогичного примера можно привести массовые бунты во французской армии весной 1917 г.

Анализируя работы Ф. Энгельса, посвященные военному искусству, можно сделать следующие выводы:

- Для своего времени, его работы являлись актуальными и имели большое значение, особое внимание необходимо обратить на сбывшиеся предсказания автора о начале и характере Первой Мировой войны.

- На протяжении всей жизни взгляды Ф. Энгельса на войну и воинское искусство непрерывно эволюционировали. В начале своей деятельности он рассматривает непосредственно сами конфликты, но начиная с 70-ых годов автор уделяет большое внимание объективным условиям, в которых они происходят.

- Необходимо отметить определенную субъективность исследователя, которым изучал проблемы, сквозь призму социализма. В результате чего, он переоценивает роль пролетариата в войнах. Так же, автор уделяет чрезмерное внимание вероятной революции, и говорит о ее вероятности, даже в тех случаях, когда для этого нет предпосылок.

- Наибольшая заслуга Ф. Энгельса состоит в том, что он начал рассматривать войну, не только, как череду боевых действий, но и уделял внимание исследованию экономической, социальной, технической базы. По нашему мнению, данный подход является верным. Потому, что война выходит за рамки отдельных сражений и боев, на ход боевых действий огромное влияние оказывают логистика, экономика, социальное развитие общества и т.д. При этом, недооценивать роль военачальников, как это делал, Ф. Энгельс – не стоит.

- Несмотря на все заслуги автора, особенности экономических и политических отношений нашего времени, специфика современной войны и воинского искусства, развитие науки и техники существенно отличаются от XIX в. Следовательно, использовать

теоретические наработки Ф. Энгельса при исследовании современных конфликтов является заблуждением. За полтора столетия изучения военной истории шагнуло вперед, появились новые источники, методы, технические средства, в связи с чем труды Ф. Энгельса утратили свою актуальность. Для современного исследователя его работы представляют историографический интерес, но практическое их значение невелико. Труды Ф. Энгельса, посвященные военному искусству, это база, являющаяся основой для новых исследователей и которая нуждается в дальнейшем развитии и эволюции.

Список литературы

1. Сулимов С.И. Военное дело будущего в контексте учения Ф. Энгельса / С.И. Сулимов // в сборнике: проблемы модернизации современной России. сборник научных трудов. под редакцией В.В. Галкина. Воронеж, 2011. с. 8-10.
2. Рахманов А.Б. Философский плацдарм в царстве Марса: субъективная логика войны / А. Б. Рахманов // Вестник московского университета. серия 18. социология и политология. 2011. № 4. с. 131-152.
3. Ипполитов Г.М. Марксизм о гражданских войнах: некоторые мысли об исторических уроках гражданской войны в контексте императивов современности / Г.М. Ипполитов // Креативная экономика и социальные инновации. 2019. т. 9. № 1 (26). с. 23-36.
4. Викторов И. Ф. Энгельс, как военный теоретик и писатель /И.Викторов// Исторический журнал, № 11, Ноябрь 1940, С. 8-19.
5. Фридрих Энгельс, как военный теоретик – [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: <http://www.propaganda-journal.net/3063.html> (дата обращения: 19.09.2020).
6. Ф. Энгельс о военном деле – [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: <https://work-way.com/blog/2017/02/06/f-engels-o-voennom-dele/> (дата обращения: 19.09.2020).

A. I. Burtsev

(senior lecturer)

Donetsk National University of Economics and Trade
named after M.I. Tugan-Baranovsky
(Donetsk, Donetsk People's Republic)
Email: alex.byr.251091@gmail.com

F. ENGELS'S STUDY OF MILITARY ART: IMPORTANCE FOR MODERN SCIENCE

Annotation. *The article deals with the evolution of views of F. Engels military art in the 50 - 90 years. XIX century. The author analyzes his contribution to the development of military history, and the relevance of his works for modern contemporary.*

Key words: *military history, military art, F. Engels, Franco-Prussian war, American Civil War.*

УДК 316.36

В. А. Кондратьев

(к. юрид. наук, доцент)

Донецкий Национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)
E-mail: kondratyev-valera2015@yandex.ru

О. В. Пейфтиев

(к. юрид. наук, доцент)

Донецкий Национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)
E-mail: ole.peft@mail.ru

ВЗГЛЯДЫ Ф. ЭНГЕЛЬСА НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕМЬИ И БРАКА И ИХ ОСОБЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ДНР

***Аннотация:** в статье на фоне исследования взглядов Ф. Энгельса на происхождение семьи и брака, а также анализа правового регулирования семейных отношений, складывающихся в современных условиях формирования законодательства ДНР. Уделено внимание правовому регулированию семейных отношений в общей системе правового и социального регулирования.*

***Ключевые слова:** семья, теория Ф. Энгельса о происхождении семьи, формы семьи, исторические этапы развития семьи, семейные отношения, право, правовое регулирование.*

***Введение.** Проблема становления, устойчивости семьи – одна из основных проблем современного общества. Семья, семейные отношения, супружеские отношения были и остаются объектом изучения разных наук: философии, психологии, педагогики, социологии, права, демографии и многих других. Такое внимание к семье, ее становлению и распаду, обусловлено огромным ее значением как социального института, определяющего не только образ жизни людей, но и качество потомства, здоровья нации и государ-*

ства, а также постоянно растущей актуальностью социального заказа, ведь усиление дестабилизации семьи отмечают практически все исследователи проблемы.

Существующая в настоящее время модель семьи, которая характерна и в ДНР, сформировалась во времена советского периода и базировалась на материалистическом, марксистском учении, одним из основоположников которого является и Фридрих Энгельс.

В работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», рассмотрен процесс исторического развития семьи на ранних этапах развития человечества. В работе показано, что с помощью разложения первобытнообщинного строя образовалось классовое общество, основанное на частной собственности, даны общие характеризующие черты этого общества, раскрыты принципы развития семейных отношений в разных общественно-экономических формациях, показано происхождение и сущность государства и доказана историческая неизбежность его исчезновения с бесспорной и окончательной победой бесклассового коммунистического общества.

«Происхождение семьи, частной собственности и государства» – это методология, доказывающая, что изучить раннюю историю человечества можно лишь придерживаясь основных принципов исторического материализма.

Актуальность проблемы состоит в том, что в современном периоде общественного развития в сознании людей отложилось, что понимание семьи изменяется также, как и изменяются роли мужчины и женщины в брачных отношениях на различных этапах общественного развития, изложенных в работе Ф. Энгельса.

Анализ исследований. Семейные отношения всегда были объектом внимания ученых. Источниками исследования в данной статье являются работы С. А. Токарева [2], С. А. Муратовой. [3], М. Б. Смоленского, [4], С. С. Алексеева, [5] и других, которые в своих трудах дали глубокий анализ семейно-брачных отношений.

Целью исследования является исследование и анализ особенности развития общества, понятия цивилизации, производства, подход к понятию семьи в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», насколько его подход к анализу развития семьи актуален в настоящее время и особенности правового обеспечения регулирования семьи.

Основное содержание. В своей работе Энгельс рассматривал данную проблему возникновения и развития семьи с точки зрения исторического материализма, считая что с изменением экономического положения в обществе изменится и ситуация в семье.

Ф. Энгельс отмечает, что в начале процесса становления человеческого общества отношения между людьми, в том числе и между полами, регулировались не столько нормами, запретами и договоренностями, сколько биологическими потребностями. В первобытном человеческом обществе существовало такое состояние, когда каждая женщина принадлежала каждому мужчине и равным образом каждый мужчина – каждой женщине. Это был период так называемого группового брака [1, с. 31]. В таком обществе «семейная» и «социальная» жизни были слиты, неотделимы друг от друга. В половое общение друг с другом могли вступать все члены данного рода, т.е. кровные родственники. Брачными партнерами в нем являются группа сестер из одного рода и группа братьев из другого. Форма отношений между полами в виде беспорядочных связей называется промискуитетом (от лат. promiscuis – смешанный, всеобщий).

Из этого первобытного состояния неупорядоченных сношений постепенно развились кровнородственная семья как первая ступень семьи. «Здесь брачные группы разделены по поколениям: все деды и бабки в пределах семьи являются друг для друга мужьями и женами, равно как и их дети, т.е. отцы и матери; равным образом дети последних образуют третий круг общих супругов, а их дети, правнуки первых, – четвертый круг [1. с. 37]». Такая семья является эндогамной общностью, включающей людей одного поколения из одного рода или племени.

Затем в результате запрета половых связей внутри своих родов стала формироваться экзогамная семья – на первых этапах пока еще как групповой брак между людьми, принадлежащими к одному поколению, но к разным родам. «Постепенно эндогамные связи были вытеснены за пределы ранее обычного брачного поведения, но оставаясь еще длительное время на правах исключения из правил в дни праздничных оргий, когда разрешалось все то, что запрещалось в обычные дни. Табу на инцест приобретало устойчивый характер».

«Экзогамные связи стабилизировались, закреплялись обычаями, создавая первую форму социального регулирования отноше-

ний между полами – брак, т.е. возникла парная семья. В ней мужчина живет с одной женщиной, однако многоженство имеет место, хотя и редко. От женщины на все время сожителства требуется строжайшая верность. Запрет браков между родственниками ведет к укреплению жизнестойкости и развитию умственных способностей людей [1, с. 48-49]».

Возникновение парной семьи, по мнению Энгельса, произошло на рубеже между дикостью и варварством. Подчеркивая эту мысль, он писал: «Это характерная форма семьи для эпохи варварства, так же как групповой брак – для дикости, а моногамия – для цивилизации» [1, с. 59].

Основными характеристиками парной семьи являются следующие: соединение отдельных пар, проживание мужчины с одной женой, редкие случаи многоженства в силу экономических причин, право мужчины на нарушение супружеской верности и в то же время требования строжайшей верности со стороны женщин, легкое расторжение брачных уз любой из сторон, принадлежность детей, как и прежде, только матери.

Энгельс считал великим открытием И. Я. Бахофена, который в своей работе «Материнское право. Исследование гинекократии старого времени и ее религиозной и правовой природы» охарактеризовал переходную форму от группового брака к парному, которая получила название «искупление». Речь идет об искуплении, ценой которого женщина, благодаря парным семейным отношениям, приобретала право на целомудрие, право принадлежать одному мужчине.

«Женщина у всех дикарей и у всех племен, стоящих на низшей, средней, и отчасти даже высшей ступени варварства, не только пользуется свободой, но и занимает весьма почетное положение. Эпоха варварства отличается наличием матриархата. Это объясняется тем, что женщины, ведущие коммунистическое домашнее хозяйство, принадлежат к одному роду, а мужчины – к разным» [1, с. 50-51]. «На этапе дикости богатство состоит из жилища, грубых украшений, одежды, лодок, домашней утвари простейшего вида [1, с. 56]».

«В эпоху варварства появились стада лошадей, верблюдов, ослов, рогатого скота, овец, коз и свиней. Это имущество размножалось и доставляло обильную молочную и мясную пищу. Охота

отступила на задний план. Появились рабы. Появление рабства обусловлено тем, что рабочая сила человека стала давать значительный доход, преобладающий перед расходами на ее содержание. Муж при этом стал собственником скота и рабов [1, с. 58]». Постепенно родовое богатство переходит в собственность глав семейств (стада, металлическая утварь, предметы роскоши и рабы).

«Таким образом, по мере того, как богатство росло, оно давало мужу более влиятельное положение в семье, чем жене, и порождало, с одной стороны стремление использовать это упрочившееся положение для того, чтобы изменить обычный порядок наследования в пользу детей. Но этого не могло быть, пока происхождение считалось по материнскому праву. Его надо было отменить, и оно было отменено. При этом происхождение стало определяться не по материнской, а по мужской линии, вводилось право наследования по отцу» [1, с. 59].

«Ниспровержение материнского права было всемирно историческим поражением женского пола. Муж захватил в доме бразды правления, а женщина утратила свое почетное положение, была превращена в слугу, в рабу его похоти, в простое орудие деторождения» [1, с. 60]. На данном этапе общественного развития возникает моногамная семья.

Полигамным формам брака, которые Ф. Энгельс называет в своей книге многоженством и многомужеством, он уделил немного внимания. Вероятно, это вызвано тем, что эти формы рассматривались им как исключения, которые не могут быть широко распространены вследствие своей специфики. Число женщин и мужчин в обществе, писал Энгельс, примерно одинаковое, поэтому «ни та, ни другая форма брака сама по себе не могла стать общепринятой». «Обе эти формы брака, – подчеркивал Энгельс, – могут быть только исключениями – так сказать, историческими предметами роскоши...» [1, с. 67-68]. Многоженство рассматривалось им как привилегия богатых и знатных.

Четвертой исторической формой семьи Энгельс считал моногамную семью, возникшую из парной. «Моногамная семья возникает из парной семьи на рубеже между средней и высшей ступенью варварства; ее окончательная победа – один из признаков начала цивилизации. Она основана на господстве мужа с определенно выраженной целью рождения детей, происхождение которых от отца не подлежит сомнению, а эта бесспорность происхождения необ-

ходима потому, что дети со временем в качестве прямых наследников должны вступить во владение имуществом отца. Она отличается от парного брака гораздо большей прочностью брачных уз, которые теперь уже не расторгаются по желанию любой из сторон» [1, с. 65].

Основными признаками моногамной семьи являются, по мнению Ф. Энгельса, следующие: господство мужа, бесспорность происхождения детей от определенного отца и, наконец, большая прочность по сравнению с парной семьей. Господствующее положение мужа Энгельс видел в том, что он имеет большие права, чем жена: только он может расторгнуть брачные узы и только за ним сохраняется право на супружескую неверность. Очень важным признаком моногамной семьи Энгельс считал бесспорность происхождения детей от определенного отца. Ее необходимость он связывал с собственностью и ее наследованием. «...Дети со временем, – подчеркивал Энгельс, – в качестве прямых наследников должны вступить во владение отцовским имуществом» [1, с. 69].

Итак, мы имеем три главные формы брака, в общем и целом соответствующие трем главным стадиям развития человечества. Дикости соответствует групповой брак, варварству – парный брак, цивилизации – моногамия. «Моногамия возникла вследствие сосредоточения больших богатств в одних руках, а именно – в руках мужчины и из потребности передать эти богатства по наследству детям этого мужчины, а не другого» [1, с. 80].

В заключение второго раздела своей книги Ф. Энгельс высказывает прогноз: «так как моногамная семья за период с начала цивилизации заметно усовершенствовалась, и особенно заметно в новейшее время, то можно, по меньшей мере, предполагать, что она способна к дальнейшему совершенствованию, пока не будет достигнуто равенство полов. Если же моногамная семья в отдаленном будущем окажется неспособной выполнять требования общества, то невозможно заранее предсказать, какой характер будет иметь ее преемница» [1, с. 90].

Сегодня теория Л. Моргана и Ф. Энгельса кажется по многим аспектам наивной и спорной. Однако она длительное время пропагандировалась, хотя и противоречила вновь выявленным фактам. Оценивая концепцию Моргана, советский этнолог С. А. Токарев в конце 70-х гг. XX в. отмечал, что представления американского

антрополога о двух древнейших формах семьи – «кровнородственной» и «пуналуальной» – оказались «продуктом чистого недоразумения» и «кабинетным вымыслом» [2, с. 57]. Однако Токарев умолчал при этом, что представления о «кровнородственной» и «пуналуальной» семье полностью разделял Энгельс, так что критическое замечание в полной мере относится и к нему.

Из проведенного анализа работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» видно, что история моногамной семьи тесно связана прогрессом человечества в целом и с формированием и развитием общественных отношений. Вместе с моногамией, как социальным новообразованием, возникшей в определенной системе отношений между людьми, появляются соответствующие ей ценности и характеристики человека, связанные с любовью, верностью, доверием, которые и до настоящего времени ассоциируются преимущественно с семейной организацией человеческих отношений.

Таким образом, исторически развитие семьи шло от нерегулируемых половых отношений к их ограничению в рамках моногамии. Индивидуальная брачная, супружеская семья является сегодня наиболее распространенным в мире типом семьи. В нее входят супруги и дети, не достигшие социальной и экономической самостоятельности.

Такая форма семейных отношений с момента своего возникновения и до настоящего времени всегда нуждалась в нормативном регулировании, так как добровольное соблюдение моногамии и в процессе своего становления и развития, и в условиях современного экономического и политического развития общественных отношений имеет тенденцию к разрушению устоявшихся семейных традиций.

Необходимость и важность правового регулирования семьи и семейных отношений обуславливается и происходящими в мире событиями, которые приводят к коренным изменениям в современном обществе. К ним можно отнести признание однополых браков в западно-европейских государствах, разрешения таким партнерам усыновлять детей, и, по сути, правовое закрепление нового вида семьи с родителем № 1 и № 2, причем западные средства массовой информации активно пропагандируют такие семейные отношения. Появилось множество художественных фильмов, передач на эту тему. Это означает, что наши традиционные представле-

ния о семье, браке, свободных отношениях существенно изменились, и вызывает необходимость правовой защиты традиционных семейных отношений в нашей республике.

Влияние права на семейные отношения, как и на любые другие общественные отношения, имеет свою специфику. Так, в сложившейся доктрине семейного права в ДНР к основным функциям семьи относят репродуктивную (продолжение рода), воспитательную, хозяйственно-экономическую, взаимная моральная и материальная поддержка (рекреативную) и коммуникативную (общение в семье). Эти функции семьи позволяют констатировать, что семейные отношения представляют собой сложный комплекс биологических, материальных и духовных связей, многие из которых, как считает С. А. Муратова, не допускают правовой регламентации и подвластны лишь нравственному регулированию со стороны общества [3, с. 6-7]. Однако следует отметить, что семейное право регулирует особый вид общественных отношений – семейные отношения, которые возникают из факта заключения брака и принадлежности к семье.

Так, например, Л. М. Пчелинцева отмечает, что семейное право регулирует одну из важнейших сторон жизни человека, но в то же время, семья влияет на общество, так как играет решающую роль в продолжении человеческого рода, в воспитании детей, в становлении личности [4, с.11].

Таким образом, значимость семейных отношений для каждого человека и общества в целом, с учетом того, что они и регулируются не только нормами морали, обычаями, религиозными установлениями и традициями, но и нормами права, которые образуют обособленную сферу законодательства – семейное законодательство. Вместе с тем не все современные семейные отношения подвержены воздействию норм права. Любовь, уважение, психологические и духовные связи, другие взаимные чувства членов семьи не урегулированы правом. Многие семейные связи находятся под интенсивным воздействием нравственных представлений и норм морали. Поэтому вне сферы воздействия семейного законодательства остается довольно обширная область отношений между членами семьи, которую исходя из их существа, невозможно регламентировать законом.

Так, в статье 2 Семейного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – СК ДНР) зафиксирован перечень семейных отношений, которые регулируются семейным законодательством ДНР. В частности, в ней отмечено, что семья, материнство, отцовство и детство в Донецкой Народной Республике находятся под защитой государства. Семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав [5, ст. 2].

Семейный кодекс ДНР действительно охватывает обширную область семейных отношений. Вместе с тем, учитывая их специфику, вмешательство государства сведено до разумного минимального предела со значительным расширением сферы договорного регулирования, например новеллой действующего СК ДНР явилась возможность заключения брачного договора, различных семейно-правовых соглашений. Например, статьей 40 СК ДНР установлено: «Брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения» [5, ст. 40]. Даже из такого краткого примера видно, что по своей юридической природе семейные отношения, могут быть личными и имущественными. И если имущественные отношения между членами семьи практически полностью урегулированы семейным законодательством, то личные неимущественные отношения в большей степени подвержены воздействию иных социальных регуляторов.

Право теснейшим образом связано с природой человека, его жизнедеятельностью, оно напрямую вторгается в сферу поведения и поступков человека, определяет объем его свободы в брачно-семейных отношениях. Именно потому, что право – это система общеобязательных, формально определенных правил, установленных или санкционированных государством, оно принципиально отличается от всех остальных социальных норм [6, с.138]. Все нормы права носят официальный характер и имеет только письменную форму. Отсюда и свойства семейного права: формальная определенность, нормативность и общеобязательность и государственная

обеспеченность. «Юридическое назначение права, отмечает С. С. Алексеев [7, с. 63], – выражается главным образом в результатах правового регулирования, что дает возможность выяснить то, чему служат юридические нормы». Отсюда можно сделать вывод, что только регулирование нормами права и обеспеченность определенными санкциями, позволяет достичь необходимый результат, а нарушение норм семейного законодательства влечет определенные правовые последствия.

Правовое регулирование семейных отношений направлено, прежде всего, на охрану прав и интересов членов семьи, на формирование между ними отношений, основанных на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности друг перед другом, на создание в семье необходимых условий для воспитания детей.

Выводы. Таким образом, исходя из проведенного анализа, можно сделать выводы, что, прогноз Ф. Энгельса в заключении ко второму разделу его работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» актуален и сейчас. Моногамная семья и в настоящее время остаётся основной формой семейных отношений во всем мире и в ДНР в то числе.

Правовое регулирование семейных отношений является основополагающим по сравнению с различными социальными регуляторами современных семейных отношений. Оно имеет в современном обществе особую интеграционную, объединяющую в себе иные регуляторы роль.

Однако, при дальнейшей модернизации основных положений семейно-правового регулирования в ДНР, законодателю следует учитывать, что семейное законодательство будет эффективнее, если его предписания будут опираться не только на властные полномочия государственных органов, то есть на нормы права, но и на общечеловеческие ценности, моральные устои и принципы.

Список литературы

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М.: Изд-во полит. литературы, 1982 г.
2. Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М.: Высшая школа, 1978. С. 57.

3. Семейное право : учебник / С. А. Муратова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 375 с. ISBN 978-5-238-01864-5.
4. Семейное право России : учебник / Л. М. Пчелинцева. – 5-е изд., перераб. – М. : Норма, 2008. – 704 с. ISBN 978-5-468-00090-8 (в пер.).
5. Семейный кодекс Донецкой Народной Республики от 29 июля 2020 г. № 172-ПНС. Ст. 2, 40.
6. Смоленский, М. Б. Теория государства и права : учебник / М. Б. Смоленский. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К» ; Академцентр, 2012. – 320 с. ASBN 978-5-394-01508-3.
7. Алексеев, С. С. Общая теория социалистического права, вып. 1–4, Свердловск, 1963–1966 гг. см. в кн. Алексеев, С. С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том.] / Сост. М. Ф. Казанцев. – М.: Статут, 2010. – 189 с. ISBN 978-5-8354-0721-7 (Справоч. том) (в пер.) ISBN 978-5-8354-0672-2.

V.A. Kondratyev

(PhD in law, associate professor)

Donetsk National University of Economics
and trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky
(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: kondratyev-valera2015@yandex.ru

O.V. Peftiev

(PhD in law, associate professor)

Donetsk National University of Economics and trade
named after Mikhail Tugan-Baranovsky
(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: ole.peft@mail.ru

F. ENGELS'S VIEWS ON THE ORIGIN AND LEGAL REGULATION OF FAMILY AND MARRIAGE AND THEIR FEATURES IN THE MODERN CONDITIONS OF THE DEVELOPMENT OF THE DPR

***Annotation.** In the article, against the background of the research of F. Engels' analysis of the origin of family and marriage, as well as the analysis of the legal regulation of family relations that are developing in the modern conditions of the formation of the DPR legislation. Attention is paid to the legal regulation of family relations in the General system of legal and social regulation.*

***Key words:** family, theory of F. Engels on the origin of the family, family forms, historical stages of family development, family relations, law, legal regulation.*

УДК 316.26

Р. П. Соловьёва

(к. ист. наук, доцент)

Ю. М. Соловьёва

(старший преподаватель)

Донецкий национальный университет экономики и торговли

имени Михаила Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: rpsol@mail.ru

ИНСТИТУТ СЕМЬИ, ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕПЦИИ Ф. ЭНГЕЛЬСА

***Аннотация.** В статье изложена сущность концептуальной теории Фридриха Энгельса. Рассмотрены причины появления частной собственности и государства. Раскрыты изменения в функционировании форм брака и семьи в связи с экономическим прогрессом.*

***Ключевые слова:** частная собственность, государство, семья, брак, семейные ценности.*

На этапе глобальных изменений в современном мире внимание ученых акцентируется на исследовании актуальных вопросов современности, среди которых важное место занимает изучение проблемы функционирования института семьи, частной собственности и государства на различных этапах исторического развития общества.

Эволюцию института семьи, причины появления частной собственности и государства освещали зарубежные и отечественные ученые, такие как: Бахофен И. Я., Бурова С. Н., Ковалевский М. М., Мак-Леннан Дж. Ф., Маркс К., Морган Л. Г., Энгельс Ф. и другие.

Цель работы – раскрыть основные положения концептуальной теории Фридриха Энгельса (1820-1895 гг.), – многогранного ученого, философа, теоретика естествознания, политика, лингвиста, владеющего 12 языками и читающего на 20 языках.

Вопросы семейных ценностей и государственных приоритетов всегда занимали особое место в практической реализации концепции марксизма.

Важнейшим вкладом Ф. Энгельса в теоретическую сокровищницу марксизма, является публикация работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 год). Произведение, охарактеризованное В.И. Лениным как «одно из основных сочинений современного социализма» [1, с. 67], было написано в период, когда «Запад с буржуазными революциями покончил, а Восток до них еще не дорос» [2, с. 25].

Источником и побудительным мотивом к созданию фундаментального научного труда явилась книга американского этнографа и историка Льюиса Генри Моргана «Древнее общество, или Исследование направлений человеческого развития от дикого состояния к варварству и далее к цивилизации», которую привёз из Америки и дал Марксу русский учёный М. М. Ковалевский. Замысел написания труда о происхождении семьи подсказал ему единомышленник и друг К. Маркс, который законспектировал и прокомментировал книгу Л. Моргана. В 1880-1881 гг. он подробно записывает свои критические замечания, формулирует собственные положения, дополняет материал цитатами из других источников. После смерти Маркса Энгельс взялся завершить начатую работу. Используя научные разработки Моргана, дополнив их своими изысканиями, классик создал новый научный труд, исследующий развитие первобытнообщинного строя, его разложение и образование классового общества, основанного на частной собственности. Он доказал органическую и глубокую связь между естественным воспроизводством человека и производством материальных благ, между изменением семьи и развитием труда. Именно два этих фактора определили эволюцию первобытной общины [3, с. 95].

Впервые в систематизированном виде освещено научное материалистическое понимание истории человечества на ранних этапах существования, показана история развития семьи, вскрыты причины возникновения частной собственности, разделения общества на антагонистические классы и появления государства как орудия господства в руках эксплуататорских классов, показана неизбежность постепенного отмирания государства с полной победой бесклассового коммунистического общества.

Исследовано появление и развитие различных форм собственности в зависимости от различных форм общественного строя. В противовес буржуазным историкам, экономистам и социологам неопровержимо доказано, что институт частной собствен-

сти не является вечным, – в течение длительного периода первобытной истории средства производства представляли собой общую собственность.

Акцентируется внимание на утверждении, что с развитием производительных сил и повышением производительности труда появляется возможность присвоения продуктов труда другими людьми, частная собственность, эксплуатация человека человеком, общество раскалывается на антагонистические классы и возникает государство [4, с. 6-8].

Всестороннее исследование Энгельсом проблемы происхождения и сущности государства является логическим завершением его марксистских воззрений, важным этапом в разработке марксистского учения о государстве.

На примере возникновения государства в Древних Афинах, в Древнем Риме и у германцев Энгельс убедительно показывает, что государство с момента своего возникновения всегда являлось орудием господства тех классов, которые обладают средствами производства. Государство, пишет Энгельс, – это орган самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится политически господствующим и приобретает новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса [4, с. 171]. Рассматривая различные конкретные формы государства, он указывает, что, пока сохраняется власть капитала, никакие демократические свободы сами по себе не могут привести к освобождению трудящихся.

Впервые в марксистской литературе Энгельс в своей работе с позиций исторического материализма освещает эволюцию семьи. Рассматривая семью как историческую категорию, Энгельс раскрывает органическую связь ее форм, – начиная с древнего группового брака вплоть до утвердившейся с возникновением частной собственности моногамной семьи, – с различными этапами развития общества, зависимость этих форм от изменения способа производства. Указывает, как с появлением частной собственности возникло общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности [4, с. 7-9].

Энгельс следует методологии Моргана, оперирует его терминами «дикость» и «варварство». Семья, как и общество, по мнению Энгельса, претерпевала изменения на протяжении всей жизни че-

ловческого общества. Три главные формы брака соответствовали трем главным стадиям развития человечества: дикости – групповой брак, варварству – парный брак, цивилизации – моногамия [5].

На основе использования и критического переосмысления дополнительных материалов собственных исследований по истории Древней Греции, Древнего Рима, Древней Ирландии и других, Энгельс изучает изменение форм брака и семьи в связи с экономическим прогрессом общества, анализирует процесс и экономические причины разложения родового строя. Выясняет особенности развития семейных отношений в различных общественно-экономических формациях.

На базе исследований семейных отношений у американского племени ирокезов, племён Австралии, тамилы (Южная Индия), гаур (Индостан) и Гавайских островов обосновал объективную закономерность, противоречивость и поступательный характер брачно-семейных отношений в историческом пространстве. Анализируя пролетарскую семью, делает попытку описать семью коммунистического общества [3, с. 96].

Резкой критике подвергает буржуазную семью. Раскрывает экономическую основу неравноправия женщин в условиях господства частной собственности, показывает, что подлинное освобождение женщины будет достигнуто в результате уничтожения капиталистического способа производства. Утверждает, что только в социалистическом обществе благодаря широкому вовлечению женщин в общественное производство, установлению полного равенства их с мужчинами во всех отраслях общественной жизни, избавлению женщины от бремени домашнего хозяйства, утвердятся новый, высший тип семьи, основанный на полном равенстве полов, взаимном уважении и подлинной любви [4, с. 8].

В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс, используя современную ему этнографическую литературу (особенно труды Льюиса Моргана), стремился показать, что семья и положение женщины претерпели историческое развитие на основе совершенствования способов производства. Это изменяет не только классовый характер государства и вид экономической эксплуатации, но и отношения внутри семьи и между разными поколениями [6].

Энгельс считал, что в будущем положении мужчин и женщин произойдет значительная перемена. С переходом средств производства в общественную собственность семья перестанет быть хозяйственной единицей общества. Частное домашнее хозяйство превратится в общественную отрасль труда. Уход за детьми и их воспитание станут общественным делом [5].

В качестве контраста из будущего он рисует коммунистическое общество, в котором женщины уже не будут посредством института брака материально зависеть от мужчин. Государство, а не семья, будет нести экономическую ответственность за воспитание детей. Исчезнет различие между детьми, рожденными в браке и вне его. Женщины станут свободными, а их отношения с мужчинами будут основаны на подлинной любви [6].

К. Маркс и Ф. Энгельс пытались дать концептуализированное описание «второго демографического перехода». Сегодня в эволюции института семьи демографические перемены имеют свою собственную внутреннюю детерминацию и достаточно автономны. Они оказывают мощное воздействие на экономические, социальные и политические институты, заставляя их меняться. Это в полной мере относится и к переживающему быстрые перемены институту семьи. Политики в разных странах спорят о том, нужно ли смириться с этими переменами и отразить их в законодательстве или противодействовать им, вернуться к традиционным семейным ценностям [5].

«Происхождение семьи, частной собственности и государства» посвящена основным проблемам первоначальной истории, эволюции семейно-брачных отношений, анализу процессов разложения родового общества, процессу становления частной собственности и государства. Привлекают внимание ученых и практиков-экономистов концептуально важнейшие выводы классика: частная собственность, классы и государство существовали не всегда, а возникли на определённой ступени экономического развития. Возникновение классовых противоречий обусловило появление государства как средства защиты интересов господствующего класса. Государство в руках господствующих классов всегда является лишь орудием насилия и угнетения широких масс народа. Классы должны неизбежно исчезнуть так же, как неизбежно возникли в прошлом. С их исчезновением неизбежно исчезнет и госу-

дарство. Эволюция брачно-семейных отношений имеет свои особенности и характерные черты. Некоторые положения, взятые Энгельсом за отправную точку своих концептуальных воззрений, современные ученые интерпретируют под альтернативным углом. Многие фундаментальные тезисы классика марксизма сохраняют актуальность и в наши дни.

Семья и брак – те социальные институты, к которым причастны все люди на земле. Каждый человек включен в них тем или иным образом или имеет к ним отношение. Являясь одними из древнейших человеческих социальных образований и неотъемлемой частью повседневной жизни современных людей, брак и семья на протяжении всей человеческой истории вызывали интерес у мыслителей, ученых, исследователей. Это связано с желанием понять место и роль семьи в обществе, ее взаимосвязь и взаимовлияние с государством. Результатом научных исследований истории возникновения семьи и брака учеными разных стран было установление многообразия их исторических форм и связь меняющихся брачно-семейных моделей с социальными и экономическими условиями, изменением культурных норм [3, с. 6, 96].

Выводы: таким образом, Фридрих Энгельс дает концептуальное обоснование марксистского анализа эволюции человеческого общества. Показывает возникновение антагонистических классов и классового господства. Раскрывает зависимость различных форм брака от развития производственных отношений. Выявляет противоречия, присущие семье в классовом обществе. Освещает классовую природу государства. Прогнозирует историческую неизбежность его гибели и ликвидацию частной собственности. Намечает контуры будущего социалистического общества. Теоретические воззрения Фридриха Энгельса в отношении семьи, частной собственности и государства являются актуальными и сейчас. Являясь продуктом определенной общественной системы, семья и семейные ценности всегда будут отражать состояние ее развития.

Список литературы

1. В. И. Ленин Полное собрание сочинений. – Издание пятое. – Т. 39 – Издательство политической литературы. – Москва. – 1970. – 624 с.
2. В. И. Ленин Полное собрание сочинений. – Издание пятое. – Т. 23 – Издательство политической литературы. – Москва. – 1973. – 595 с.

3. Бузова С. Н. Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии/ С.Н. Бузова; Белорусский государственный университет. – Минск: Право и экономика, 2010. – 444 с.
4. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. – Издание второе. – Том 21.– Государственное издательство политической литературы. – Москва. – 1961 – 746 С.
5. Фридрих Энгельс. Фрагменты из книги "Происхождение семьи, частной собственности и государства" // Демоскоп Weekly. – Эл. журнал. – №533-534. – 2012. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0533/history01.php> (Дата обращения: 16.10.2020)
6. Скирбекк Гуннар. Энгельс – семья с марксистской точки зрения URL: <https://fil.wikireading.ru/52056> (Дата обращения: 16.10.2020)

R. P. Solovyova

(Candidate of Historical Sciences, Associate Professor)

U. M. Solovyova

(Senior Lecturer)

Donetsk National University of Economics and Trade

named of Mikhail Tugan-Baranovsky

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail rpsol@mail.ru

THE INSTITUTION OF THE FAMILY, PRIVATE PROPERTY AND THE STATE IN THE CONCEPT OF F. ENGELS

***Annotation.** The article describes the essence of the conceptual theory of Friedrich Engels. The reasons for the emergence of private property and the state are considered. The changes in the functioning of the forms of marriage and family in connection with economic progress are revealed.*

***Key words:** private property, state, family, marriage, family values.*

УДК 323.17

С. Г. Ретинский

(студент магистратуры)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: artur.lenskiy@mail.ru

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК

***Аннотация.** В статье представлен марксистский взгляд на понятия «нация» и «национальный язык». Особый интерес вызывают посвященные этой теме произведения Ф. Энгельса, В. Ленина, И. Сталина. В них обозначены основные моменты по указанным понятиям, которые требуют дальнейшего уточнения.*

***Ключевые слова:** нация, национальный язык, самоопределение, культурно-национальная автономия, национальное государство.*

Дискуссия по национальному вопросу началась между большевиками и западными социал-демократами еще до Первой мировой войны. Она продолжилась между различными теоретиками в советский период и продолжается по сей день. Однако до сих пор никому не удалось дать исчерпывающие определения понятиям «нация» и «национальный язык».

Как отмечал Ф. Энгельс, упадок феодальной системы, который наметился в Западной Европе уже в XV в., во многом объясняется существенным увеличением массы денег. Если в хозяйстве раннего средневековья деньги почти не использовались, т. к. феодал получал от крепостных все необходимое в форме труда или готового продукта, то к этому времени они снова стали всеобщим средством обмена. Подтверждением того, что деньги разрушили изнутри феодализм, является жажда золота, которая овладела Западной Европой [1, с. 407-408].

Деньги стали мощным оружием городского бюргерства против феодализма. С их помощью бюргеры ставили феодалов в зависимость от себя повсюду, включая деревню, где под влиянием денег стали разрушаться традиционные феодальные узы [1, с. 409]. Развитие товарного производства привело к появлению национального рынка, который пришел на смену слабо связанных между собой местных рынков, что было характерно для средневековья. Вместе с формированием национального рынка происходило формиро-

вание такого уровня общности людей, как нация и национальный язык, а государства стали приобретать характер национальных государств [2, с. 129].

Теоретическая работа И. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» [3] до сих пор является одной из главных марксистских статей, в которых предпринята попытка дать определение нации. В свое время она была высоко оценена В. Лениным и сыграла важную роль в борьбе против австромарксистов, предлагавших решать национальный вопрос с помощью культурно-национальной автономии. Данную точку зрения поддерживали бундовцы и кавказские социал-демократы, что шло вразрез с позицией большевиков, настаивавших на праве наций на самоопределение, вплоть до отделения и создания собственного государства. Несмотря на то, что Австро-Венгрия и Россия были многонациональными государствами, они находились в совершенно разных условиях.

В Западной Европе эпоха буржуазно-демократических революций завершилась к 1871 г. Одновременно с этим она была эпохой национальных движений и создания национальных государств, которые, как правило, были национально едиными. Исключение составляла Австро-Венгрия. Там буржуазно-демократическая революция, которая длилась с 1848 г. по 1867 г., привела к несколько иным результатам. В этот период истории австрийские немцы потерпели поражение в борьбе с прусскими немцами за господство в Германии (1866 г.). Венгры, которым не удалось создать собственное государство по вине русского экспедиционного корпуса, подавившего венгерскую революцию в 1849 г., а затем и чехи стремились не к отделению от Австрии, а, напротив, к сохранению ее целостности. В противном случае они могли быть поглощены более сильными соседями.

В Восточной Европе и Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 г. При этом в России ситуация складывалась иначе, чем в Австро-Венгрии. Здесь угнетение было гораздо сильнее, чем в соседних государствах, поэтому инородцы стремились не к соединению с великороссами, а, напротив, к отделению. На окраинах, где в основном проживали угнетенные народности, развитие капитализма и уровень культуры был зачастую выше, чем в центре. Одновременно с этим в Азии начались

буржуазные революции и национальные движения, которые вовлекали народы, проживающие на российской территории. Большевики не могли не считаться с этим, поэтому в своей программе признавали право наций на самоопределение.

Р. Люксембург была категорически против такой постановки вопроса. По ее словам, в эпоху империализма никакого самоопределения быть не может, потому что мелкие государства экономически зависят от крупных. В. Ленин возражал ей, утверждая, что она попросту подменяет вопрос о политическом самоопределении наций вопросом об их экономической самостоятельности [4, с. 262]. При этом он подчеркивал, что с точки зрения национальных движений необходимо разделять две эпохи капитализма. Первая эпоха характеризуется началом национальных движений, вторая – их отсутствием и выдвиганием на передний план антагонизма интернационального капитала с интернациональным рабочим движением. В начале XX в. Россия переживала первую историческую эпоху, следовательно, она не могла избежать образования на ее территории национальных государств.

«Следовательно, если мы хотим понять значение самоопределения наций, не играя в юридические дефиниции, не «сочиняя» абстрактных определений, а разбирая историко-экономические условия национальных движений, то мы неизбежно придем к выводу: под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства», – утверждал В. Ленин [4, с. 259].

Сочинительством как раз занимались австрийские социал-демократы, в частности, К. Реннер и О. Бауэр. Положение о культурно-национальной автономии исходит из выдуманной ими теории нации. В свою очередь В. Ленин и И. Сталин придерживались историко-экономической теории, разработанной К. Каутским. Согласно марксистскому учению, нация является исторической категорией, возникшей вследствие развития капитализма. Именно К. Каутский первым сформулировал важнейшие признаки нации, к которым относятся общность экономической жизни, территории и языка. С этим соглашались В. Ленин и И. Сталин. Последний добавил к трем перечисленным чертам еще один – психический склад. Данный признак, по сути, является интерпретацией бауэровского национального характера. Получается, что сталинское определение

нации представляет собой некий симбиоз учений К. Каутского и О. Бауэра.

Статья «Марксизм и национальный вопрос», над которой И. Сталин работал в Вене, была опубликована В. Лениным в журнале «Просвещение» в 1913 г. С тех пор сталинское определение нации стало общепризнанным среди большевиков. Теоретическую работу И. Сталина продолжали изучать в Советском Союзе даже после смерти вождя и развенчивания «культы личности». Одним из первых, кто в СССР подверг ее резкой критике, стал советский и российский марксист Ю. Семенов. Ни много ни мало, он выдвинул обвинение в «догматических извращениях ленинской методологии изучения национального вопроса» [5]. Это связано с тем, что И. Сталин начинал рассмотрение национального вопроса не с историко-экономического изучения национальных движений, а с дефиниции. В итоге определение нации свелось к перечислению ее признаков.

Замечания Ю. Семенова отчасти справедливы, но лишь отчасти. Действительно, любое явление необходимо рассматривать конкретно-исторически, и здесь В. Ленину не было равных. Но это вовсе не значит, что работа И. Сталина вовсе безнадежная, иначе ее не расхваливал бы руководитель партии большевиков. Особенность сталинской манеры письма состояла в том, что она была доступна для понимания рабочим и крестьянам. В 1913 г., кстати, за год до Первой мировой войны, большевикам требовалось простым языком объяснить широким массам свою национальную политику. И с этой задачей И. Сталин превосходно справился. И нет его вины в том, что в последующем советская профессура, как правило, не способна была подняться выше этого уровня.

Безусловно, работа И. Сталина нуждается в критике, но в критике товарищеской. Не следует забывать, что он писал ее в ходе непродолжительного перерыва между очередными арестами и ссылками. Его арестовывали и отправляли в ссылку потому, что он боролся за ту власть, которая, помимо прочего, позволила бы обеспечить детям все тех же рабочих и крестьян свободный доступ к изучению теории. Поэтому Ю. Семенов должен быть благодарен в первую очередь И. Сталину за возможность написать в общем-то неплохую статью по национальному вопросу. Статья, действитель-

но, неплохая, но далеко не безупречная. При желании в ней тоже можно найти немало теоретических ошибок.

Так, Ю. Семенов обвиняет И. Сталина в том, что тот полностью игнорирует роль крестьянства в национальном движении. Но это неправда.

«Сила национального движения определяется степенью участия в нем широких слоев нации, пролетариата и крестьянства», – написано черным по белому в «Марксизме и национальном вопросе» [3, с. 306].

Далее советский марксист пытается обвинить И. Сталина в том, что тот якобы неверно оценивал программу Австрийской социал-демократической партии по национальному вопросу, принятую на Брюннском съезде в 1899 г. Мол, И. Сталин утверждал, что в общем она является формулировкой национальной автономии, несмотря на некоторые следы «территориализма». В. Ленин, напротив, говорил, что культурно-национальная автономия была единогласно отклонена, а вместо нее принята территориальная национальная автономия. Как на самом деле обстояли дела на съезде, и почему в итоге получилось два мнения на этот счет? Дело в том, что на съезде были предложены две резолюции. Центральный комитет отстаивал территориальную автономию наций, а комитет Южнославянской социал-демократической партии – экстерриториальную культурно-национальную автономию. Съезд, действительно, единогласно отклонил предложение о культурно-национальной автономии, но при этом принял компромиссную резолюцию, которая признавала национальную автономию в пределах Австро-Венгрии.

И. Сталин критиковал австрийских социал-демократов за половинчатое решение, что не исключает, а лишь дополняет ленинскую оценку их программы. В документе говорится о том, что самоуправляющиеся области одной и той же нации образуют вместе национально-единый союз, который решает свои национальные дела вполне автономно. Данная формулировка, по сути, и представляет собой компромисс с предложением о культурно-национальной автономии.

Далее обратим внимание на позицию В. Ленина по Балканам. «Пример балканских государств тоже говорит против нее (против Р. Люксембург – прим. С. Р.), ибо всякий видит теперь, что наилучшие условия развития капитализма на Балканах создаются

как раз по мере создания на этом полуострове самостоятельных национальных государств», – утверждал он [4, с. 262].

Вступив в полемику с Р. Люксембург и отстаивая позицию большевиков по национальному вопросу, В. Ленин в качестве подтверждения своей правоты привел пример стран Балканского полуострова. Казалось бы, нет ничего удивительного в том, что он признавал право наций, проживающих в данном регионе, на самоопределение. Однако здесь дела обстояли гораздо сложнее, на что указывал в свое время Ф. Энгельс.

Немецкий мыслитель выступал против образования независимых государств на полуострове, потому что это грозило началом мировой войны [6, с. 232]. Свою позицию он объяснял тем, что Российская империя пыталась использовать южных славян для установления контроля над Константинополем. Только после ослабления России, которую на тот момент вполне справедливо называли оплотом европейской реакции, можно было говорить о предоставлении им независимости. До этого момента Ф. Энгельс считал, что, например, Болгарии следует оставаться в составе Османской империи [7, с. 462]. Спустя тридцать с лишним лет произошло то, чего он опасался: после инцидента в Сараево началась Первая мировая война, в ходе которой Россия, помимо прочего, стремилась захватить Константинополь.

Как следует относиться к национальной политике В. Ленина после утверждений Ф. Энгельса? Судя по логике Ю. Семенова, советского вождя следовало бы обвинить в догматизации марксизма. Ведь позиция Ф. Энгельса в данном вопросе сводится к тому, что коммунисты должны поддерживать образование национальных государств в той мере, в какой оно приближает, прямо или косвенно, социалистическую революцию. В противном случае можно временно пренебречь правом тех или иных наций на самоопределение, что наглядным образом демонстрирует позиция Ф. Энгельса по Балканам. При этом он и К. Маркс поддерживали освобождение Польши, т. к. видели в этом одно из условий освобождения рабочего класса в Европе [8, с. 139].

И тем не менее в национальном вопросе прав был и В. Ленин, и Ф. Энгельс. Последний вообще отличался своими точными прогнозами. С ювелирной точностью он смог предсказать начало первой мировой бойни, как уже было сказано выше. Единственное,

чего он не мог предвидеть, так это полного разложения немецкой социал-демократии, которую считал авангардом будущей революции. С началом Первой мировой волна шовинизма накрыла большинство социал-демократических партий. Однако партия В. Ленина смогла избежать этой участи во многом благодаря правильной позиции по национальному вопросу.

Ф. Энгельс вполне справедливо считал, что мировая война укрепит мировую реакцию. Но, во-первых, к началу XX в., с наступлением эпохи империализма, оплотом реакции стали все империалистические государства, а не только Российская империя. Во-вторых, стремление к переделу мира непременно вело к мировой войне, поэтому уже не имело значения, что именно послужит поводом: Сараевский инцидент или что-то другое. Единственным выходом из этой бойни было превращение войны империалистической в войну гражданскую. И в этой войне великорусские рабочие и крестьяне не смогли бы победить, если бы, помимо прочего, не взяли на вооружение большевистскую политику по национальному вопросу, которая позволяла склонить на свою сторону угнетенные нации, в первую очередь рабочих и крестьян угнетенных наций.

А как сложилась судьба австрийских социал-демократов, главных оппонентов большевиков по национальному вопросу? К. Реннер стал федеральным канцлером Австрии, О. Бауэр – членом бюро исполкома Социнтерна. Другими словами, австромарксисты оказались самыми настоящими националистами и реформистами. В. Ленин прекрасно понимал, что кроется за фразой о культурно-национальной автономии, поэтому беспощадно критиковал ее авторов.

Значительный вклад в дело разоблачения австромарксистов внес И. Сталин. Данное им определение нации, возможно, и требует уточнения, но тем не менее в нем отражено главное: нация есть исторически сложившаяся общность людей, формирующаяся на основе общности экономической жизни, общности территории, языка и культурной жизни. До и после капитализма наций нет и быть не может. И. Сталин это прекрасно понимал, поэтому как теоретик был на голову выше не только своих оппонентов из числа австромарксистов, но и «сторонников» в СССР. Так, О. Бауэр утверждал, что еще во времена первобытного коммунизма была единая нация как общность происхождения. С появлением классового общества она была расколота на множество местных групп, но

затем на ее базе будет образована социалистическая нация [9]. В Советском Союзе ряд теоретиков лишь на словах разделяли сталинское учение, а на деле занимались переименованием бауэровского определения нации. Так, советский лингвист Ф. Филин утверждал, что подлинный расцвет нации наступает в социалистическом обществе, освобожденном от капиталистической эксплуатации [10]. Строго говоря, в СССР уже не существовало наций, т. к. были уничтожены экономические отношения, на базе которых они формируются. Как известно, любой диалектический переход означает «снятие» того противоречия, которое задавало форму движения системе на данной ступени, и переход к новому противоречию и новой форме движения. При этом предшествующее содержание одновременно и отрицается, и позитивно удерживается [2, с. 47].

Действительно, было бы неправильно сводить понятие «нация» к сумме признаков, но и отрицать их наличие тоже нельзя. В качестве примера рассмотрим один из признаков нации – общность языка. Ю. Семенов обращал внимание, что ирландцы представляют собой единую нацию, но при этом не говорят на одном языке. Мол, одна часть говорит на английском языке, другая – на ирландском. О. Бауэр пытался отрицать значение общности языка, приводя в качестве примера евреев. Левый социолог Б. Кагарлицкий отмечал, что в Киеве и Харькове говорят по-русски, но при этом считают себя украинцами [11].

Определенный интерес вызывают теоретические работы донецкого ученого В. Мозгового, который утверждает, что понятие «национальный язык» никак не соотносится с «языком национальности», а тем более с «языком национального меньшинства» [12]. Он может материализовываться в разных языковых системах: диалектах, жаргонах, региолектах, фольклоре, литературных языках разных национальностей. Н. Гоголь и М. Булгаков являются как русскими, так и украинскими писателями, несмотря на русскоязычность их произведений. Т. Шевченко и М. Вовчок, которые написали большое количество произведений на русском языке, представляют украинскую, а не русскую литературу. В связи с этим ошибочным является решение нынешнего руководства Украины изучать в учебных заведениях украинскую литературу как литературу, написанную на украинском языке, а русскую – как зарубежную.

При этом неверно представлять конфликт на Донбассе как этнический, как преимущественно борьбу русскоязычного населения с украиноязычным. Достаточно сказать, что в начале противостояния большинство националистических батальонов создавалось и финансировалось украинским олигархом еврейского происхождения И. Коломойским. При этом состояли они преимущественно из выходцев с юго-востока Украины. Так, экс-лидер «Правого сектора» (запрещен в ДНР – прим. ред.) Д. Ярош является уроженцем Днепропетровщины, а «Азов» (запрещен в ДНР – прим. ред.) возник на основе харьковского «Патриота Украины». Таким образом, украинский национализм во многом обязан еврею-олигарху, нанявшему русскоговорящих головорезов.

Примечательно, что в Советском Союзе некоторые теоретики пытались ввести такое понятие, как «классовый язык». Так, советский лингвист В. Жирмунский утверждал, что рядом с языком господствующих классов, который является господствующим языком данного общества, находятся другие социальные диалекты: крестьянские говоры, мещанское просторечие, язык рабочих [13]. И. Сталин выступал против подобных утверждений [14]. Он подчеркивал, что ошибка заключается в отождествлении и смешивании языка с культурой. Последняя, действительно, может быть как буржуазной, так и социалистической. Но язык как средство общения всегда является общенародным, поэтому может обслуживать и культуру угнетающего класса, и культуру угнетаемого класса. Другими словами, национальный язык есть форма национальной культуры.

Теоретические работы Ф. Энгельса, В. Ленина, И. Сталина по нации и языку не утратили своей актуальности по сей день. В них обозначены основные моменты по данным понятиям, которые, правда, требуют дальнейшего уточнения. О том, что эта задача является очень непростой, говорит хотя бы тот факт, что некоторые левые теоретики, по сути, отрицают, что нация является производной от стихийно сложившихся капиталистических отношений. Например, вышеупомянутый Б. Кагарлицкий утверждает, что она якобы создается государством. Словом, марксистам предстоит приложить еще немало усилий, прежде чем добиться определенного успеха при исследовании национального вопроса.

Список литературы

1. Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 21. – С. 406-416.
2. Бузгалин А. В. Классическая политическая экономия: Современное марксистское направление / О. В. Барашкова, А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 552 с.
3. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос / И. В. Сталин // Соч. – М.: Политиздат, 1954. – Т. 2. – С. 290-367.
4. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение / В. И. Ленин // ПСС. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 25. – С. 255-320.
5. Семенов Ю. И. Из истории теоретической разработки В. И. Лениным национального вопроса / Ю. И. Семенов // Народы Азии и Африки. – 1966. – № 4. – С. 106-129.
6. Энгельс Ф. Письмо Э. Бернштейну от 22, 25 февраля 1882 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1964. – Т. 35. – С. 228-236.
7. Энгельс Ф. Письмо Э. Бернштейну от 22 октября 1886 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1964. – Т. 36. – С. 463-464.
8. Маркс К. Письмо П. Лаврову от 3 декабря 1875 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1964. – Т. 34. – С. 139.
9. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия / О. Бауэр. – СПб: Серп, 1909. – 600 с.
10. Филин Ф. П. Ленинское учение о нации и некоторые проблемы национального языка / Ф. П. Филин // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1970. – Т. 29. Вып. 2. – С. 141-152.
11. Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения / Б. Ю. Кагарлицкий. – М.: Алгоритм-ЭКСМО, 2005. – 480 с.
12. Мозговой В. И. Национальный язык и государственность в контексте Донбасса / В. И. Мозговой // Новые горизонты русистики. Научный журнал. Вып. 7. – Донецк: ДонНУ, 2019. – С. 137-145.
13. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты / В. М. Жирмунский. – Ленинград: Художественная литература, 1936. – 300 с.
14. Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания / И. В. Сталин. – М.: Госполитиздат, 1953. – 56 с.

S. G. Retinsky

(graduate student)

SEI HPE «Donetsk National Technical University»

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: artur.lenskiy@mail.ru

NATION AND NATIONAL LANGUAGE

Annotation. *The article presents a Marxist view of the concepts of "nation" and "national language". Of particular interest are the works dedicated to this topic by F. Engels, V. Lenin, And I. Stalin. They indicate the main points on these concepts, which require further clarification.*

Keywords: *nation, national language, self-determination, cultural-national autonomy, nation-state.*

Ш.

**Ф. Энгельс и современность:
проблемы теории познания и общественного сознания**

УДК 1 (091)

В. М. Лобеева

(д. филос. наук, доцент)

Брянский государственный технический университет

(г. Брянск, Российская Федерация)

E-mail: doktor70@bk.ru

Д. В. Логвинов

(студент)

Брянский государственный технический университет

(г. Брянск, Российская Федерация)

E-mail: logvinovdmiriv@gmail.com

**НАТУРФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Ф. ЭНГЕЛЬСА:
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА,
ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И ОСОБЕННОСТИ**

Аннотация. В статье рассматриваются натурфилософские воззрения Ф. Энгельса. Отмечается базовая мировоззренческая парадигма мыслителя – материалистическая диалектика, анализируются основные идеи, касающиеся понимания сущности природы, форм и способов ее бытия, взаимосвязи и взаимодействия, направленности развития. Делается вывод о том, что системный характер идей, их опора на фундаментальные выводы естествознания позволили Энгельсу сформулировать целостную диалектико-материалистическую картину мира, не утратившую своей научной ценности до настоящего времени.

Ключевые слова: натурфилософия, естествознание, парадигма, картина мира, материалистическая диалектика, формы движения, формы существования материи, способы существования материи, законы диалектики.

Имя Ф. Энгельса неразрывно и навсегда связано с именем К. Маркса. При этом Энгельс является крупным самостоятельным мыслителем, создавшим фундаментальные индивидуальные работы. Самостоятелен Энгельс, прежде всего, в области натурфилосо-

фии, а его сочинения «Диалектика природы» (1873) и «Анти-Дюринг» (1878) не потеряли своей научной значимости до настоящего времени.

Обе работы демонстрируют глубокие знания Энгельса в области естественных наук, блестящие умения системно формулировать собственную философскую и научную позицию, а также вести научную полемику. Именно в этих работах наиболее отчетливо выражена философская парадигма Энгельса — материалистическая диалектика, сформулированы базовые натурфилософские идеи, а также проявились основные особенности его материалистической диалектики, понимаемой в качестве концептуальной основы естествознания. Рассмотрим подробнее.

«Диалектика природы», основанная на философском анализе новейшего для того времени теоретического и эмпирического материала физики, химии, биологии, астрономии, создавалась Энгельсом как обобщающее диалектико-материалистическое учение о мироустройстве.

Для того чтобы представить и обосновать диалектико-материалистическую картину мира, в этой работе Энгельс рассматривает генезис, роль и возможности самого диалектического мышления. Причем диалектическое мышление рассматривается в контексте развития естествознания. По его мысли, объективное исследование природы невозможно без единства философии и естествознания, то есть без союза философской методологии в лице диалектики и точного знания. Такое единство помогает обнаруживать в природе разнообразные связи и взаимодействия, причины и следствия, проследить процессы и тенденции развития, выявить противоречия.

Энгельс утверждает, что диалектика как философское учение о всеобщей связи и развитии, как особенный метод мышления нужна естествознанию как форма его развития, поскольку в ней аккумулирован огромный опыт философского постижения мира. Именно диалектика разработала обширную систему понятий и законов, которые вполне успешно могут применяться в естествознании, могут стать его мировоззренческим и методологическим основанием. По утверждению Энгельса, фундаментальные законы диалектики: единства и борьбы противоположностей, взаимного перехода количественных и качественных изменений, отрицания отрицания, «являются действительными законами развития природы и,

значит, имеют силу также и для теоретического естествознания» [1, с. 385]. Напротив, игнорирование диалектики способно не только затормозить развитие естествознания, но и привести к ошибочным выводам в конкретных исследованиях.

Кроме того, в «Диалектике природы» Энгельс предпринимает попытку классифицировать формы движения материи и естественные науки. Он утверждает, что естествознание стремится познать формы движения материи, их взаимосвязь, развитие от низших и простых форм к высшим и более сложным формам. В его понимании исследование природы есть не что иное, как исследование форм движущейся материи.

Такая общетеоретическая позиция во многом объясняет, почему частью «Диалектики природы» стала статья «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». Ведь именно в этой статье Энгельсом сформулированы идеи антропогенеза как составной части его диалектико-материалистического учения, а также особо подчеркнута роль труда и речи как факторов и условий становления человека в качестве самостоятельного биологического вида.

В «Анти-Дюринге» Энгельс продолжает изложение базовых идей своей натурфилософской теории. Здесь вновь подчеркивается неразрывность союза философии и естествознания, а также формулируются и обосновываются идеи о материальности окружающего мира и его единстве. Отмечается, что «действительное единство мира состоит в его материальности, а эта последняя доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания» [2, с. 43]. Мир вокруг человека – это вечно движущаяся и меняющаяся материя в бесконечном ее многообразии и причинно-следственных связях.

В «Анти-Дюринге» Энгельс также развивает и детализирует их прежние с Марксом представления о способах и формах существования материи, то есть о движении, пространстве и времени. Он квалифицирует движение как способ существования материи, а пространство и время как «основные формы всякого бытия» [3, с. 51] и подробно характеризует основные виды движения: механическое, физическое, химическое в разделе «Натурфилософия. Космогония, физика, химия» и биологическое движение в двух разделах «Натурфилософия. Органический мир».

Высшим и самым сложным проявлением движения Энгельс признает общественную жизнь и постоянно развивающееся человеческое мышление как ее неотъемлемую часть. Поэтому в «Анти-Дюринге» формулируются многие базовые положения экономической теории марксизма (теорию стоимости, труда, капитала и прибавочной стоимости), а также излагается ряд социальных и футурологических идей, касающихся производства, распределения, государства, семьи в будущем социалистическом обществе.

Заключая, отметим следующее. Представляется, что ценность Энгельса как мыслителя для сегодняшнего и последующих поколений будет заключаться, прежде всего, в его материалистической диалектике и натурфилософии, поскольку социально-политические идеи, которые он развивал, во многом себя не оправдали. При этом Энгельс значим и тем, что в своей собственной жизни и деятельности он продемонстрировал не только блестящие естественнонаучные знания, но и ценность диалектического мышления как основы для их анализа. В этом смысле его идея, согласно которой «там, где дело идет о понятиях, диалектическое мышление приводит по меньшей мере к столь же плодотворным результатам, как и математические выкладки» [4, с. 408] очень точно характеризует самого Энгельса как научную персону.

Список литературы

1. Энгельс Ф. Диалектика природы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. — Т. 20. — С. 385.
2. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. — Т. 20. — С. 43.
3. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. — Т. 20. — С. 51.
4. Энгельс Ф. Диалектика природы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. — Т. 20. — С. 408.

V. M. Lobeeva

(Doctor of Philosophy, Associate Professor)

Bryansk State Technical University

(Bryansk, Russia)

E-mail: doktor70@bk.ru

D. V. Logvinov

(Information technology student)

Bryansk State Technical University

(Bryansk, Russian Federation)

E-mail: logvinovdmiriv@gmail.com

**NATURAL PHILOSOPHICAL VIEWS OF F. ENGELS:
WORLDVIEW PARADIGM,
MAIN IDEAS AND FEATURES**

Annotation. *The article deals with the natural philosophical views of F. Engels. The author draws attention to his basic worldview paradigm – dialectical materialism, and analyzes the main ideas concerning the understanding of the essence of nature, the forms and ways of its existence, the interrelation and the interaction, and the direction of its development. The author also comes to the conclusion that the systematic nature of ideas, their reliance on the fundamental conclusions of natural science allowed Engels to formulate a comprehensive dialectical-materialistic picture of the world, which has not lost its scientific value to the present time.*

Key words: *natural philosophy, natural science, paradigm, worldview materialistic dialectics, forms of movement, forms of matter existence, ways of matter existence, laws of dialectics.*

УДК 140.8

А. В. Гижя

(к. филос. н., доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая народная республика)

E-mail: 19andrey06@mail.ru

ЭНГЕЛЬС И ДИАЛЕКТИКА

***Аннотация.** В статье рассматривается работа Энгельса «Диалектика природы» в контексте как её исторически ведущего компонента, выраженного в названии монографии, так и в отношении её содержательно перспективных и актуальных трактовок, связанных с мировоззренчески-просветительской тематикой и вопросами общественно-исторического развития.*

***Ключевые слова:** Энгельс, диалектика, развитие, естествознание, мировоззрение, научная картина мира.*

«Презрение к диалектике, - пишет Энгельс, - не остается безнаказанным», ибо без теоретического мышления «невозможно связать между собой хотя бы два факта природы или уразуметь существующую между ними связь», а диалектика как раз и «является единственным, в высшей инстанции, методом мышления, соответствующим теперешней стадии развития естествознания» [1, с. 42, 181].

Материалистическая диалектика пережила к настоящему времени свой небывалый взлет публикаций в советский период – в 80-х годах прошлого века вышло два многотомных, высокопрофессиональных издания по всем направлениям общественного познания [2, с. 3]. Последнее из них задумывалось как восьмитомник, однако последние три тома так и не были изданы. В нынешнюю эпоху утверждения либеральных концепций, т.е. в последние тридцать лет интерес к ней упал почти до нуля. Однако первая приведённая фраза Энгельса остаётся истинным выражением состояния дел в теоретическом мышлении, относящемся, в особенности, к социально-культурной, исторической, политической и всякой иной сфере человеческой жизни. Немногочисленные философские публикации по теме диалектики носят преимущественно юбилейный характер и выглядят более риторически-хрестоматийным напоминанием о былом величии. Попытки же ре-актуализировать диалек-

тический метод, дополнить его или развить на принципиально новом фундаменте не осуществляются «парой звонких фраз (статей)», но могут прийти к реальному результату только при условии написания нового «Капитала», если это вообще возможно. В противном случае такие статьи, когда автор одновременно и критикует общество монополии крупного капитала, т.е., вроде бы стоит на социалистических позициях, но и поддерживает давно развенчанный подлинными историками миф о сталинизме, тотальных репрессиях и паразитировании политической системы СССР на социальном творчестве народных масс, как это описывается в [4], то его рассуждения о диалектике и её обновленном виде становятся очень шаткими, с выраженной встроенной идеологией антисоветизма времен холодной волны.

Внимание Энгельса к вопросам диалектического мышления, как в истории, так и в стремительно развивающемся естествознании, было продиктовано в огромной степени тем несоответствием получаемых результатов науки в виде новых принципов и законов природы общему взгляду естествоиспытателей на мир как на некое неподвижное и неизменное целое. «Вся первая половина XIX в., - пишет Энгельс, - все ещё находилась под его (т.е. указанного взгляда – А. Г.) господством и по существу его преподают ещё и теперь во всех школах» [1, с. 11]. Последнее являлось своего рода данью общественного сознания тому религиозно-мифологическому типу мышления, который был укоренен повсеместно на протяжении многих веков и тысячелетий. Даже великий Ньютон, стремящийся «не измышлять гипотез», напряженно занимался теологическими вопросами, написал, в частности, комментарий на Апокалипсис, для чего предварительно изучил древнееврейский язык. Его коллега и давний оппонент Лейбниц в конце жизни издал «Теодицею» (1710). Компромиссом между каноническим христианским догматизмом и научным изучением природы, своего рода мировоззренческим паллиативом явился деизм, учение о первотолчке. Энгельс, отмечая начало освобождения естествознания от теологии со времени опубликования труда Коперника «О вращении небесных сфер» (1543), замечает, что «выяснение между ними отдельных взаимных претензий затянулось до наших дней и в иных головах далеко ещё не завершилось даже и теперь» [1, с. 8]. Что сказал бы Энгельс, узнав, что и по сей день, уже в третьем тысяче-

летия, после 70-летнего доминирования в советском обществе научного сознания, ситуация вернулась к комически выглядящем «ренессансу» официозного православия не только в массах, но и в научной среде, как естественников, так и, в особенности, гумани-тариив. Комизм заключается не в моральной стороне вероучения, а в практике онтологизации библейских, прежде всего, ветхозавет-ных истин в массовом сознании. Идеи креационизма вновь оказы-ваются в центре мировоззренческих дискуссий и религиозная кар-тина мира довольно уверенно теснит научное представление о нём и, соответственно, научное мышление в целом.

В отечественной научной традиции, и в образовании в по-следние тридцать лет реактуализировались все те ненаучные, вуль-гарные и метафизические формы трактовок общественно-исторических процессов, которые были распространены в период домарковского материализма. В настоящее время в силу исключи-тельно идеологических причин научное понимание истории, обще-ства и человека в большой степени оказалось в ситуации мнимого плюрализма и навязываемого эпистемологического равноправия с религиозными «картинами мира», магическими практиками, ок-культными системами и прочими архаизированными формами ма-нипулятивных технологий.

В этом иллюзорном «равноправии» научное мышление, во-первых, в массовом общественном сознании превращается, прак-тически, в маргинально-реакционное, догматическое и ритуализо-ванное понимание, не обладающее каким-либо решающим пре-имуществом относительно религии и потому, во-вторых, субъекты научной деятельности должны вновь доказывать просвещенному обывателю свою необходимость. Даже, точнее, не «вновь доказы-вать» - поскольку ни Галилей, ни Ньютон ничего никому не дока-зывали, а впервые в истории обосновывать своё существование. Против науки как формы истинностного понимания и объяснения был применён даже её собственный лозунг свободомыслия, по-скольку аксиомы и принципы научного познания сейчас нередко определяются как новая догматическая систематика, ведущая, в лучшем случае, к случайным и относительным истинам, имеющем временный характер, и, во всяком случае, не затрагивающих саму суть человеческого бытия. Толкование этой сути вновь отдано церкви, ведущую откровенную экспансию в мировоззренческие,

культурные, финансовые и даже политические сферы жизни общества.

Здесь, в этой ситуации продуцируемого гносеологического хаоса присутствуют два момента. Первое касается развития естественных наук, и, прежде всего, теоретической физики. Математический формализм моделирующего описания и экспериментально-измерительная база этих исследований является надежным заслоном всякого рода идеологическим, конфессиональным и прочим спекуляциям относительно получаемого нового знания. Так было уже во времена Ньютона, Лейбница и Декарта. Их теологические интересы и предпочтения никак или почти никак не сказались на собственно научной стороне их деятельности. Тем более это касается математики. Только содержательная интерпретация некоторых формул – наподобие известной формулы Эйнштейна о связи массы и энергии – способна породить дискуссию, имеющую, к тому же, более метафизический характер, нежели напоминающую богословский диспут. Единственно мировоззренческие, историко-культурные и политические высказывания некоторых известных ученых-естественников, лежащие вне самого поля науки, могут вести к изрядной путанице в голове как простого обывателя, так и интеллигенции. И это тоже не ново: «...Каждый естествоиспытатель, - приводит Энгельс слова Вирхова, - вне своей собственной специальности является... полузнайкой, vulgo профаном» [1, с. 25-26].

Второй аспект заключается в крайней идеологизации и политизации дисциплин социально-гуманитарного цикла. Здесь нет ни практики эксперимента, ни измерительных процедур, ни моделирующего формализма. Им по существу нечего противопоставить растущей постмодернистско-позитивисткой вульгаризации представлений истории, общества и человека. Единственным выходом в этом случае является добросовестное прослеживание объективной логики развития с необходимой конкретизацией выводов, опирающихся не только на обширный фактический материал, но и, основное, на верно выбранную методологию движения от абстрактного к конкретному. Дополнительным фактором успешного исследования в этой области, в отличие от естественных наук, является в полной мере не формализуемое состояние морального сознания. При наличии прочих равных условий он может стать решающим условием

познания, так, что не должная моральная направленность, выраженная в оскудении морального чувства, неразвитости субъектно-гуманистической позиции, отсутствии ощущения личной сопричастности страданиями и бедам трудящихся, сочувствия к ним, высокомерие, снобизм и классовая ограниченность многих представителей интеллигенции – всё это не даст им возможности, невзирая на наличие образованности и общей культуры, формулировки действительной научной теории развития общества без понятийных мистификаций, схоластики, необоснованных допущений и явных или скрытых реверансов в сторону существующей власти.

Энгельс в «Диалектике природы» ведёт речь преимущественно о диалектическом способе мышления именно в естественных науках. Что характерно, делает это Энгельс с огромной степенью назидательности, нередко в форме прямого поучения и наставления, не стесняясь в нелестных эпитетах по отношению к естествоиспытателям, в том числе и с мировым именем. Таковы, видимо, были тогдашние правила ведения полемики. Он трактует диалектику как «науку о связях» [1, с. 44] в противовес взглядам эмпириков и вообще односторонней метафизике, от которой ускользает «связь целого» [1, с. 141]. Как ведущие законы диалектики им указаны три закона гегелевской логики – количественных и качественных изменений, единства и борьбы противоположностей и отрицания отрицания. Отличие от Гегеля в том, что Энгельс полагает эти законы не только лишь законами правильной познающей мысли, но и законами самого объективного материального мира. Здесь, в этой принципиальной точке размежевания материалистического и идеалистического философствования, присмотреться менее догматично и более сообразно самому духу классического мышления, указанное различие окажется заметно потускневшим. Действительно, абсолютный идеалист Гегель писал, что «Идея налична и действительна в явлениях, а не где-то за пределами и позади явлений» [5, с. 127]. Это высказывание звучит вполне материалистически и, во всяком случае, указывает на то, что если Гегель и считал необходимым для философии «постоять на голове», то имел на этот счёт свои соображения.

Энгельс очень подробно, с привлечением большого материала из области естественных наук и, особенно, химии, показывает выполнение первого закона. Традиционно, и в дальнейшем, уже в каноническом изложении диалектического материализма в виде

курса лекций по марксистско-ленинской философии, этот момент будет разжевываться с той же степенью обстоятельности. Также дотошно Энгельс анализирует и состояние дел в основных науках XIX в., в механике и астрономии, математике, биологии, выделяя её индифферентность к диалектике как серьезный недостаток современного ему уровня науки.

В целом, монография Энгельса «Диалектика природы» с этой точки зрения производит двойственное впечатление. С одной стороны, несомненно, что диалектика, ищущая взаимопереходы определений, всеобщие связи явлений, понимающая противоречия не как логический тупик, а, напротив, как «живой нерв» всякого развития, стоит выше абстрактно-одностороннего типа мышления. Но это была бы как раз метафизическая оценка их соотношения по причине того, что в ней эти типы мышления видятся не диалектически, не во взаимопереходе, а как находящиеся в односторонне полярном и неизменном размежевании – есть одно и другое. Одно – это почти эзотерическое, просветленное знание универсальных принципов истинного познания, другое – косная практика мышления ученых всех направлений, которые сплошь и рядом не в состоянии уразуметь того, о чём философия говорила много веков назад.

На деле же абстрактно аналитический подход по необходимости является начальным в научном познании по простой необходимости изначального понимания рассматриваемого явление в наиболее простой форме его движения. Таковой формой является механическое перемещение. Ведь прежде чем говорить о всеобщей связи, требуется ясное определение тех величин, для которых эта связь предполагается. На этот счёт ответ дала сама история философии и науки: так, Гегель, оценивая достижения Ренессанса в научном познании, констатировал, что там столько всего беспорядочно намешано, что проще прийти к истине, пользуясь действительным научным методом, а не выискивая в общем наследии эпохи Возрождения жемчужины истины. К тому же, чтобы отделить их от заблуждений, нужно как-то ориентироваться в том, что мы ищем, т.е., фактически, уже знать эти истины. Поэтому нельзя признать упрёк Энгельса, неоднократно высказанный на протяжении всего текста «Диалектики природы», что-де философы уже давно высказали верные положения, а наука только-только к ним подхо-

дит. Философы высказали, во-первых, далеко не только «верные положения», но и массу спекулятивных домыслов о мире, и, во-вторых, одно дело умозрительно схваченные и приблизительно сформулированные «общие представления», но совершенно другое формулировка их в рамках точной понятийной системы с возможностью математической формализации.

Декарт так характеризует своё отношение к существующей познавательной традиции: «... Я вовсе не стремлюсь исследовать, что знали другие или чего они не знали; мне довольно заметить, что, если бы даже вся наука, какой только можно желать, содержалась в написанных книгах, все равно то хорошее, что в них есть, перемешано с таким количеством бесполезных вещей и беспорядочно раскидано в такой куче огромных томов, что для прочтения всего этого потребовалось бы больше времени, нежели нам отпущено в этой жизни, а для выборки полезных истин — больше ума, нежели требуется для самостоятельного их открытия» [6, с. 155] И третьё, невзирая на элементарную простоту трех постулатов Ньютона, выражающих законы механики, ни один из них не был высказан даже приблизительно наиболее научным умом античности, Аристотелем. В том-то и дело, что эта простота обманчива, и требует совсем иной, не созерцательной практики мышления древних. Излишним педантизмом выглядит и попытка Энгельса развернуть понятие числа, манипулируя арифметическими действиями или, скажем, углубить содержание понятия единицы перечислением вариантов её получения.

Для математики это тривиально, и её дальнейшее развитие пошло совсем по другому пути, а именно – в рамках развития аксиоматически-дедуктивного подхода к вопросам обоснования самой математики, с основанием на представлении множеств. Это одна сторона впечатления от работы Энгельса, несущая отпечаток известной исторической ограниченности. Однако есть и другая сторона, позитивная.

Энгельсу удалось дать краткий, но емкий по существу популярный очерк, излагающий достижения современной ему науки во всех основных сферах познания. Сделано это на высоком уровне владения материалом, и, что важно, применяемый Энгельсом метод материалистической диалектики позволил, несмотря на некоторую полемическую заострённость, дать в ряде случаев точные прогнозы и оценки. Основные из них касаются темы взаимоперехода форм

движения и – самое впечатляющее – Энгельс очень однозначно, вопреки расхожему мнению ученых той эпохи, высказался о неверности утверждения о «тепловой смерти Вселенной», которое вытекало из второго начала термодинамики о росте энтропии замкнутой системы. Он пишет: «Вопрос будет окончательно решён лишь в том случае, если будет показано, каким образом излучённая в мировой пространство теплота становится вновь *используемой*. Учение о превращении движения ставит этот вопрос в абсолютной форме...» [1, с. 248]. Это его общетеоретическое умозаключение исторически оказалось совершенно верным. Хотя в современной науке относительно дальнейшей эволюции Вселенной до сих пор нет устойчивого окончательного ответа, тем не менее можно утверждать правоту Энгельса, поскольку он опирается не только на верную трактовку закона сохранения энергии и взаимоперехода форм движения, но и на то бесспорное соображение, что «...в природе не происходит никаких чудес и... первоначальная теплота туманности не была получена ею чудесным образом из внемировых сфер» [1, с. 249].

В настоящее время большее значение, нежели проблема диалектизации мышления в естествознании, приобрела тема собственно просветительская, предполагающая популяризацию достижений науки и их правильную трактовку, и, второе, актуализировались вопросы познания современного этапа общественно-исторического развития. Первая сторона в своём мировоззренческом (а не только в простом разъяснительном) контексте нашла полное отражение в рассматриваемой работе Энгельса, а раскрытие второй (в совокупности с просветительской работой), по естественным причинам, лежит исключительно на плечах нынешнего поколения.

Список литературы

1. Энгельс Ф. Диалектика природы. – М.: Политиздат, 1975. – 359 с.
2. Материалистическая диалектика как общая теория развития: в 4-х т. Тт.1-4. – М.: Наука, 1982-1983.
3. Материалистическая диалектика как научная система. В 8-ми книгах. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983-1988.
4. Бузгалин А. В. Диалектика в мире креатосферы и сетевых структур: критике постмодернизма (реактуализация диалектического метода - i) // Философия хозяйства. - 2009. - № 2 (62). – С. 111-140.

5. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: Мысль, 1974. - 452 с.
6. Декарт Р. Разыскание истины посредством естественного света // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – С.154-178.

A. V. Gizha

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: 19andrey06@mail.ru

ENGELS AND DIALECTICS

***Annotation.** The article examines the work of Engels "Dialectics of Nature" in the context of both its historically leading component, expressed in the title of the monograph, and in relation to its meaningfully promising and relevant interpretations related to ideological and educational topics and issues of socio-historical development.*

***Key words:** Engels, dialectics, development, natural science, worldview, scientific picture of the world.*

УДК 141.12

М. М. Кухтин

(к. полит. наук, доцент)

Донецкий национальный университет
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ Б. СПИНОЗЫ В МИРОВОЗЗРЕНИИ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

***Аннотация.** В тезисах анализируется влияние Б. Спинозы на классиков марксизма. Делается вывод, что К. Маркс и Ф. Энгельс по-разному относились к голландскому философу. Это не оказало существенного влияния на их сотрудничество, поскольку учение Б. Спинозы достаточно далеко отстоит от материалистической диалектики. При этом ряд его идей сохраняет актуальность на текущем этапе научно-технической революции.*

***Ключевые слова:** марксизм, спинозизм, искусственный интеллект, общественно-историческая практика, метафизика XVII века.*

Переоценка философии Б. Спинозы – одна из важных задач постсоветского марксизма. Голландский мыслитель занимает уникальное положение в интеллектуальной жизни своей эпохи. Некоторые его положения глубоко диалектичны (свобода как осознанная необходимость и самодвижение субстанции), другие сближают его с метафизиками (врождённые идеи, понимание человека как «вещи природы», оторванное от конкретно-исторических социальных условий).

В XX в. рассматриваемый вопрос стал ещё актуальнее вследствие развития вычислительной техники. Искусственный интеллект заставил специалистов разных профилей по-новому посмотреть на проблему сознания. Ее альтернативные интерпретации были сформулированы математиком и кибернетиком А. Колмогоровым и философом Э. Ильенковым. Первый спрашивал: «Могут ли машины воспроизводить себе подобных и может ли в процессе самовоспроизведения происходить прогрессивная эволюция, приводящая к созданию машин, существенно более совершенных, чем исходные?»

Могут ли машины испытывать эмоции: радоваться, грустить, быть недовольными чем-нибудь, чего-нибудь хотеть?

Могут ли, наконец, машины сами ставить перед собой задачи, не поставленные перед ними их конструкторами?» [1, с. 14]. На все перечисленные вопросы учёный давал твердый положительный ответ.

Э. Ильенков, напротив, утверждал, что «Человек, имея дело с машиной, в действительности имеет дело с другим человеком, с её создателем и хозяином, и Машина – только посредник между людьми» [2, с. 31]. По сути, советский философ, продолжая линию Б. Спинозы, по онтологическому статусу сближал сознание с временем, пространством («протяженностью») и движением («самопричинностью» субстанции).

Впрочем, проблема «мыслящей машины» является частью более широкого вопроса «сознание и техника». Здесь можно вспомнить о мысленном эксперименте с наноассемблером – гипотетическим устройством, которое может разложить любой объект на атомы и вновь собрать их в любую структуру, допускаемую физическими законами. Если такая машина сделает точную копию реального человека или просто создаст по неким чертежам полноценно функционирующее человеческое тело (включая и нейронные связи, которые в норме формируются только опытом чувственного восприятия и практической деятельности), будет ли получившееся существо мыслить? Причём в мышление, по Д. Чалмерсу, следует включить не только причинную обусловленность поведения, но и субъективное качество опыта, перспективу от первого лица [3, с. 28-29]. С одной стороны, ничто не мешает учёным искусственно создать конфигурацию атомов, которая будет точной копией уже существующей или её полной аналогией во всех принципиальных отношениях. С другой, здесь есть мотив вторжения в «святая святых» природы, попытки сделать человека хозяином самих атрибутов материи, а не только их конкретных проявлений. В данной связи было бы интересно выяснить, не повлияли ли на философию Б. Спинозы легенды о пражском големе.

Вопрос о «сильном» искусственном интеллекте остаётся открытым, однако он позволяет высветить разногласия между существующими интерпретациями марксизма. Одни из его приверженцев максимально сближают спинозизм с материалистической диалектикой или даже объявляют его частью (как вариант, источником) данной философской традиции, другие характеризуют голландского мыслителя как типичного механистического материали-

ста. При этом обе позиции легко выдаются за «истинный марксизм», за общее мнение классиков. Однако Маркс и Энгельс не всегда были единодушны в оценке наследия Спинозы.

Как отмечает современный исследователь С. Н. Мареев, выдающийся философ-марксист Г. В. Плеханов «считал, что весь «современный материализм ... представляет собой только более или менее осознавший себя спинозизм». По свидетельству того же Плеханова, и Ф. Энгельс считал марксизм «родом спинозизма» [4, с. 188]. Действительно, в предисловии к «Диалектике природы» говорится, что «материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из её атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на земле свой высший цвет – мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время» [5, с. 21].

Понятие атрибута как существенного качества, которое не может быть утрачено его носителем, было подробно разработано и обосновано именно Спинозой. С другой стороны, созданное Энгельсом учение о формах движения материи позволяет сократить число ее атрибутов до минимума («брита Оккама»), а остальное объяснять через конкретно-исторический анализ, с опорой на уже известные законы диалектики.

Наконец, свидетельство Плеханова все же нельзя ставить в один ряд с прямой речью Энгельса, а ведь последний в своих произведениях оценивал спинозизм более сдержанно. Для сравнения следует обратиться к идеям его великого соавтора, который, по словам российского философа А. Д. Майданского, «вообще ни разу не помянул Спинозу добрым словом. Напротив, в «Святом семействе» Маркс горячо приветствовал критику, которую обрушили на Спинозу и прочих «метафизиков» сенсуалисты Бейль и Кондильяк. А спинозовскую субстанцию Маркс квалифицировал как «метафизически переряженную природу в ее оторванности от человека» [6, с. 124]. А. Д. Майданский признаёт, что Ф. Энгельс относился к голландскому философу гораздо благосклоннее [6, с. 124], но отвергает выводы, которые в том числе и отсюда сделал Э. Ильенков: последний «нарисовал необычайно привлекательный образ Спинозы – «убежденного материалиста с сильнейшим стремлением к диалектике». Образ этот, однако, был так мало похож на оригинал,

что даже преданные ученики Ильенкова остались в недоумении» [6, с. 128].

Приведённые оценки во многом подтверждаются текстами классиков. «... французское Просвещение XVIII века и в особенности *французский материализм* были ... *открытой, ясно выраженной борьбой против метафизики XVII века и против всякой метафизики, особенно против метафизики Декарта, Мальбранша, Спинозы и Лейбница*» [7, с. 139]. То есть, вопрос о диалектике у Спинозы К. Маркс вообще не ставит. Кроме того, по Э. Ильенкову получается, что французские материалисты, не понявшие всех тонкостей спинозизма, вызвали известный регресс в развитии философской мысли, её временное возвращение к механицизму и созерцательности.

Далее, Бейль «подверг ... критике всё историческое развитие метафизики. Он стал её историком, для того чтобы написать историю её смерти. Он опровергал главным образом *Спинозу и Лейбница*» [7, с. 141].

Наконец, Кондильяк «немедленно направил локковский сенсуализм против *метафизики XVII века*. Он доказал, что французы с полным правом отвергли эту метафизику как неудачный плод воображения и теологических предрассудков» [7, с. 144]. Весьма характерно, что спинозизм ставится здесь в один ряд с теоцентризмом Мальбранша, дуализмом и скептицизмом Декарта, монадологией Лейбница. Все приведённые утверждения принадлежат перу К. Маркса. Ф. Энгельс, соавтор цитируемой работы, вообще не затрагивает в ней проблему спинозизма. Также стоит отметить, что учение голландского философа не фигурирует в ленинском списке трёх источников марксизма [8], причём последний заимствовал у своих предшественников (немецких идеалистов) методологические достижения, а не систему. Старую трактовку философии классики марксизма отрицали [9, с. 424].

Советская философия, признавая вклад Спинозы в борьбу с религиозным мистицизмом и декартовским дуализмом, в развитие французского материализма XVIII в. [9, с. 170, 172-173, 206], настойчиво подчёркивала ограниченность его учения. «Если бы Спиноза понимал роль опыта и практики в познании, то он не абсолютизировал бы различие между чувственным и интеллектуальным родами знания. ... Спиноза не видит значения развития для познания» [9, с. 172]. Голландский мыслитель был рационалистом

в старом смысле слова, что заставляло его достаточно низко ставить чувственное отражение действительности и превозносить интеллектуальную интуицию, якобы позволяющую напрямую, помимо опыта и исследования, «усматривать» великие истины [9, с. 172]. Марксизм же, напротив, настаивает на неразрывной связи осмысления и преобразования действительности. «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический вопрос*» [10, с. 1-2].

К. Маркс и Ф. Энгельс несколько расходились в своих взглядах на Спинозизм. Впрочем, значение данной проблемы не следует переоценивать, поскольку Спиноза, несмотря на ряд диалектических прозрений и прогрессивных для его времени идей, в целом всё же остался механистическим, созерцательным, метафизическим материалистом. Прямой перенос его философских положений в марксизм невозможен, хотя в преобразованном, снятом виде некоторые его утверждения повлияли на развитие материалистической диалектики.

Список литературы

1. Колмогоров А. Н. Автоматы и жизнь / А. Н. Колмогоров // Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная. – М.: Наука, 1968. – С. 12-31.
2. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. 2-е изд. / Э. В. Ильенков. – К.: Час-Крок, 2006. – 312 с.
3. Чалмерс Д. Сознający ум. В поисках фундаментальной теории / Д. Чалмерс; пер. с англ. В. В. Васильева // Философия сознания. – М.: УРСС: Либроком, 2013. – 512 с.
4. Мареев С. Н. Спиноза в советской философии / С. Н. Мареев // Логос. – 2007. – № 2 (59). – С. 187-200.
5. Энгельс Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1941. – 338 с.
6. Майданский А. Д. Советский Спиноза: вера в поисках разумения / А. Д. Майданский // Свободная мысль. – 2012. – № 5/6 (1633). – С. 124-136.

7. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или критика критической критики. Против Б. Бауэра и компании / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 2. – С. 3-230.
8. Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. 5-е изд. – Т. 23. – С. 40-48.
9. Краткий очерк истории философии. 2-е изд., переработ. / под ред. М. Т. Иовчука, Т. И. Ойзермана, И. Я. Щипанова. – М.: Мысль, 1971. – 790 с.
10. Маркс К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс // Сочинения. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 3. – С. 1-4.

M. M. Kukhtin

(Candidate of Political Sciences, Associate Professor)

Donetsk National University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

**B. SPINOZA'S PHILOSOPHY IN THE WORLDVIEW OF K.
MARX AND F. ENGELS**

***Annotation.** B. Spinoza's influence on the classics of Marxism is analyzed in the points. The conclusion is made that K. Marx's and F. Engels' attitudes toward the Dutch philosopher were different. It didn't influence their cooperation in any significant way, because there is quite a long distance between B. Spinoza's doctrine and materialistic dialectics. At the same time, a number of his ideas stay topical at the current stage of the scientific and technological revolution.*

***Key words:** Marxism, Spinozism, artificial intelligence, socio-historical practice, XVII century metaphysics.*

УДК 101.8:316.653

Я. А. Зырина

(к. социол. наук)

Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: zyrina11@list.ru

И. А. Емец

Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: emets_ira@mail.ru

АТРИБУТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

***Аннотация.** Авторами, в контексте идей диалектико-материалистического понимания истории К. Маркса и Ф. Энгельса, проанализированы атрибутивные характеристики общественного мнения как компонента обыденного сознания: интенциональность; предикат не истинности, но конкретности; аксиологический характер; опора на здравый смысл и стереотипы; диалектика устойчивости – динамичности.*

***Ключевые слова:** общественное мнение, обыденное сознание, общественное бытие, диалектика, диалектико-материалистический подход.*

Общественное мнение является одним из наиболее сложных по содержанию и функциям феноменов социальной реальности. Обладая двойственной природой, оно отражает потребности многочисленных социальных групп и слоёв общества, выражая их отношение к весьма обширному кругу вопросов. В то же время общественное мнение зачастую играет решающую роль при идентификации и определении степени значимости различных проблем, обладая мощной побудительной силой и оказывая, таким образом, существенное влияние на преобразование действительности. Прак-

тически все современные исследователи признают его чрезвычайную значимость в современном цивилизационном процессе.

Теоретическое осмысление общественного мнения как социального феномена имеет давнюю традицию, однако интерес к исследованию содержательных и сущностных характеристик общественного мнения как социального феномена был актуализирован только в XX веке в контексте возможностей управления и манипулирования общественным сознанием, привлечения общественного мнения к процессу принятия управленческих решений, его учета и формирования.

Проблематика общественного мнения на современном этапе является достаточно разработанной, характеризуется многоуровневостью и множественностью подходов к осмыслению, объединяющих теории и концепции, разрабатывающие отдельные аспекты проблемы общественного мнения как состояния общественного сознания, его структуры, формирования и функционирования. Одним из наиболее перспективных, на наш взгляд, подходов к исследованию феномена общественного мнения представляется диалектико-материалистический подход К. Маркса и Ф. Энгельса.

Концепция диалектико-материалистического понимания истории представляет собой квинтэссенцию творческого сотрудничества двух великих умов, по праву считаюсь принципиально новым, в свое время, философским пониманием мира, и венчает завершение периода немецкой классической философии.

Исторически предшествующее марксизму гегелевское понимание сущности сознания позволило выделить продуктивные для дальнейшего развития философии диалектико-логические модели анализа, а видение взаимодействия общественного и индивидуального сознания, общества и личности стали «прямой предпосылкой нового материалистического воззрения» (К. Маркс), хотя и основывалось на идеалистической трактовке соотношения бытия и сознания. Как отмечал Ф. Энгельс: «...Разрыв с философией Гегеля произошел... путем возврата к материалистической точке зрения... За исходную точку была взята ... революционная сторона его философии, диалектический метод. Но этот метод в его гегелевской форме был непригоден. У Гегеля диалектика есть саморазвитие понятия. ... Вернувшись к материалистической точке зрения, мы снова увидели в человеческих понятиях отображения действительных вещей...» [1, с. 301-302].

Возникшие еще при жизни К. Маркса интерпретации его идей породили множество трактовок материалистического понимания истории, зачастую сводивших его к вульгарному материализму. В своем письме Конраду Шмидту Ф. Энгельс отмечал, что «хотя материальные условия существования являются *primus agens* ... это не исключает того, что идеологические области оказывают в свою очередь обратное, но вторичное воздействие на эти материальные условия» [2, с. 370-372]. Таким образом, ключевым отличием материалистического понимания истории от идеалистического является признание роли «...идейных побудительных мотивов человеческой деятельности, общественных идей...» и выяснение причин их возникновения мотивов, в конечном счете заключающихся в материальном бытии общества как способе и образе человеческой жизни [3, с. 28].

Труды К. Маркса и Ф. Энгельса являются основой научной методологии исследования общественного сознания. Принципиально новой является постановка вопроса о статусе обыденного сознания, его природе, социальных функциях и месте в структуре общественного сознания как продукта духовного производства и отражения общественного бытия, обладающего собственной специфической логикой и диалектикой развития.

Мыслители отмечают, что, равно как и теоретическое сознание, обыденное сознание обладает способностью к целенаправленному прогнозированию и прогрессивному преобразованию окружающего мира на основе творческой деятельности «всеобщего интеллекта» [4, с. 266]. Таким образом, сознание у К. Маркса приобретает новую характеристику – активность, выражающуюся не только в способности отражать мир, но и преобразовывать его.

Высказанные К. Марксом и Ф. Энгельсом идеи – принцип единства сознания и деятельности, типология общественного сознания через категорию общественно-экономической формации – позволили описать специфику обыденного сознания индивидов и масс конкретных исторически сложившихся типов обществ. И хотя основоположники диалектического материализма целенаправленно не изучали природу общественного мнения, но разработали эвристические методы, позволяющие его исследовать.

Целью нашего исследования является анализ атрибутивных характеристик общественного мнения как компонента обыденного

сознания с позиции диалектико-материалистического подхода К. Маркса и Ф. Энгельса.

Уже в домарксистской философской традиции общая категория «мнение» обособлялась от категории «общественное мнение». При этом под общественным мнением понималось «мнение большинства». Гносеологический анализ мнения (доксы) осуществлялся с позиции соотнесения его со знанием (эпистемой) на основе критерия истинности. Противопоставляя мнение знанию, мыслители отмечали его некритичность, подверженность влиянию заблуждений и предрассудков, привязанность к бытийным практикам и связью с эмоциональной сферой, а также стихийность формирования и непостоянство.

Диалектические черты общественного мнения, описанные в античности: консерватизм и стремление следовать традициям с одной стороны, и изменчивость и неустойчивость, детерминированные иррациональностью и эмоциональностью, с другой стороны, получили свое развитие в трудах представителей классической и современной философии.

В контексте диалектико-материалистического подхода К. Маркса и Ф. Энгельса общественное мнение анализируется как относительно самостоятельный феномен и состояние общественного сознания, представляющее собой совокупный социальный продукт, детерминированный деятельностью людей в различных сферах общественной жизни. Данный подход позволяет исследовать сущность общественного мнения, выступающего в диалектическом единстве процессуального и нормативно-фиксирующего, статичного и динамичного, актуализированного и потенциального.

Основная предпосылка анализа состоит в том, что определение специфики связи общественного мнения с различными феноменами общественной жизни, относительно самостоятельными в своем существовании (общественное бытие, общественное сознание, массовое сознание, обыденное сознание), позволяет выявить особенности внутренней структуры изучаемого объекта, исходя из «внешних» по отношению к нему обстоятельств - сущностных характеристик указанных явлений. Органическая связь между указанными феноменами проявляется в том, что атрибутивные характеристики общественного мнения воспроизводят сущностные свойства обыденного сознания: интенциональность, связь с социальными интересами; предикат не истинности, но конкретности;

аксиологический характер; опора на здравый смысл и стереотипы; диалектика устойчивости – динамичности.

Из множества толкований дефиниции «общественное мнение», представленных в рамках социально-философского дискурса, наиболее детально разработанной и позволяющей отследить диалектику становления и развития данного феномена является следующая: общественное мнение представляет собой «... проявление массового и группового сознания, в котором отражается отношение социальных общностей к явлениям общественной жизни и друг другу, обладающее в потенциальном реально действующей общественной силой» [5, с. 6].

Одним из атрибутов общественного мнения, указывающим на органическую связь между указанным социальным феноменом и общественным бытием, является его *интенциональность, связь с интересами*. В атрибутивном смысле общественное мнение является коллективным оценочным суждением представителей различных социальных общностей, в котором проявляется их явное или скрытое отношение к содержанию и способам разрешения актуальных и значимых общественных проблем, затрагивающих их интересы [6, с. 9].

Идея, объясняющая наличие многообразия мнений их связью с интересами различных социальных групп, впервые появляется в философии Нового времени. Так, П. Гольбах источником многообразия мнений считал не ограниченность познавательных возможностей индивидов, а условия жизни и социальную среду, детерминирующую мировоззрение. Развивая данное положение, Т. Гоббс объяснял причины существования различных мнений обусловленностью социальными потребностями людей, принадлежащих к разным сословиям [7].

Не обошел вниманием проблему интересов в своих трудах и Г. Гегель, разрабатывая проблему гармонического сочетания частных и общих интересов как залог силы и процветания государства. Отмечая, что «особенные» интересы «частью переходят через себя самих в интерес всеобщего, частью сознательно и добровольно признают его... именно как свой субстанциальный дух и действуют для него как для своей окончательной цели» [8, с. 270], философ утверждал, (подразумевая граждан), что «если им не хорошо, если их субъективная цель не удовлетворена, если они не находят, что

опосредствованием этого удовлетворения является государство как таковое, то последнее стоит на слабых ногах» [8, с. 275].

Современная интерпретация плюралистичности общественного мнения опирается на марксистский тезис о детерминированности общественного сознания социальным бытием, в контексте которого общественное мнение (как и индивидуальное) не просто отражает объективную реальность, но осуществляет это сквозь призму интересов социального субъекта.

И хотя общественное мнение как социальный феномен непосредственно основоположниками марксизма не исследовалось, разработке категории интереса (обуславливающего интенциональность общественного мнения) мыслители уделяли достаточно внимания. Исходя из того, что сходство условий производства жизнедеятельности детерминирует сходство мышления, выражающееся в классовой идеологии, ученые проводили параллель между освободительным движением пролетариата и выражением его классовых интересов и подчеркивали исключительную важность интереса как фактора формирования социальной солидарности. Так, было отмечено: «...Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе... эта масса сплачивается, она конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами» [9, с. 106].

Порожденные актуализированными потребностями, интересы выражают специфическое отношение людей к объектам действительности, от которых зависит распределение благ, обеспечивающих удовлетворение представляющих жизненную значимость потребностей, и являются непосредственными побудительными мотивами зарождения и формирования общественного мнения.

Интенциональность общественного мнения, таким образом, выражается в его селективности, проявляющейся в заинтересованности в рассмотрении конкретного объекта представителями определенных социальных общностей. Интересы субъекта, выражающиеся в процессе формирования общественного мнения, опосредованы его зависимостью от общественных отношений и являются субъективными, что обуславливает возможность неадекватности и плюралистичность общественного мнения.

Не менее значимой атрибутивной характеристикой общественного мнения, обусловленной сущностными свойствами обыденного сознания, является *предикат не истинности, но конкретности*. Относительно самостоятельным направлением исследований феномена общественного мнения в философской традиции является вопрос о социальной обусловленности его содержания, затрагивающий, прежде всего проблему истинности – ложности.

С момента появления интереса к общественному мнению вопрос о его истинности и ложности связывался со спецификой познавательных возможностей его субъекта, в дальнейшем – с социальной обусловленностью, в частности, социальной принадлежностью субъектов мнения, их местом и ролью в социальных отношениях.

Впервые диалектика истинности – заблуждения общественного мнения – была затронута в трудах Г. Гегеля, указывавшего на имманентно присущую общественному мнению внутреннюю истину, просвечивающуюся сквозь заблуждения и предрассудки. В своих трудах Г. Гегель характеризует общественное мнение как «всеобщее, субстанциональное и истинное», отражающее «правильные тенденции действительности» благодаря публичности и дискуссионности, утверждающих момент всеобщей осведомленности и приводящих к истинным суждениям [10, с. 351].

В марксистской философии критерием истинности общественного мнения является его компетентность, определяющаяся связью с практикой. Практика, выступающая основой бытия и сознания, предполагает сознательную материальную деятельность человека, направленную на преобразование и изменение окружающего мира, связанную не только с материальным производством, но и с различными формами общественной жизни и с сознанием. Показатель компетентности общественного мнения выражается в адекватности его суждений объективной действительности и обуславливает успешность социальных практик, направленных на воспроизводство социальных отношений.

Уровень компетентности общественного мнения определяется соотношением рационального и иррационального в его структуре, полнотой, доступностью и степенью интериоризации субъектом достоверных знаний об интересующих его процессах и явлениях окружающей действительности.

Недостаточность полноты знаний об объекте общественного мнения у коллективного субъекта, компенсируется выдвиганием предположений о его возможных свойствах, основанных как на рационализированных, так и на иррациональных представлениях, опирающихся на нормативность, традиционность, коллективную интуицию «правильности» оценки, которая подтверждается либо опровергается практиками повседневности, определяя, таким образом, компетентность общественного мнения.

При этом истинность в общественном мнении определяется не столько достоверностью и адекватностью отражения объективной действительности, сколько соответствием исторически сложившимся идеалам, стереотипам и моральным нормам, выполняющим регулятивную функцию, что обусловлено спецификой структуры данного феномена, объединяющего воедино когнитивный, оценочно-ценностный и аффективный компоненты. Не смотря на то, что представления об объекте включены в смысловое ядро общественного мнения, сущностной характеристикой данного феномена является, прежде всего, выражение отношения субъекта к объекту на основе соотнесения с идеалами.

Принимая во внимание динамичность исторического процесса, можно отметить конкретность общественного мнения, проявляющуюся в пространственной и темпоральной обусловленности отношения субъекта к объекту и социокультурной спецификой определенного социального субъекта. Конкретность может проявляться также в способе аргументации занимаемой по отношению к объекту позиции. Например, соотнесение конкретного объекта с существующим в обыденном сознании массы абстрактным нравственным эталоном служит критерием оценки в процессе формирования отношения к нему.

Атрибутивной характеристикой общественного мнения, выделяющей его из ряда других структурных компонентов обыденного сознания, является его *аксиологический характер*. Как было отмечено ранее, одним из наиболее значимых структурных элементов общественного мнения является обыденная онтология, представляющая собой некий «символический порядок» включающий общие ценности, моральные нормы, присущие традиционной культуре и идеологии, и интегрирующий индивида в систему общественных отношений. Необходимо отметить, что, при всей значимости морали в формировании общественного мнения, она лишь задает

нормативный смысл социальной действительности, выступающий эталоном для оценки объекта общественного мнения.

Интериоризация одинаковых ценностей субъектами, принадлежащими к одной социальной общности, делает возможным согласованность их практических действий. Благодаря социализации интегрированный в общество субъект, реализуя свои личные цели и задачи, бессознательно воспроизводит систему социальных отношений, поскольку общее благо, являясь и целью и средством, становится собственной потребностью. Индивидуальный и коллективный опыт субъектов; социальная информация о событиях и фактах общественной жизни; идеологические фильтры и социальные стереотипы, определенным образом осуществляющие селекцию мнений и позиций представителей различных социальных групп и общностей и сформированные на основе обыденных социальных практик, выступают фундаментальной основой формирования общественного мнения.

Одним из ядерных элементов общественного мнения, детерминированным органической связью с обыденным сознанием является *опора на здравый смысл и стереотипы*. Концентрируясь вокруг непосредственных нужд и забот человека, общественное мнение выражает отношение субъекта к общественным явлениям и событиям, затрагивая широкий круг социальных проблем (политических, нравственных, эстетических и др.), оценивая и определяя отношение к ним с позиции житейского опыта и практических интересов, являясь повседневным средством ориентации субъектов в окружающей социальной действительности.

Как было сказано выше, когнитивный компонент в общественном мнении представлен, как правило, не в виде научного либо иного специализированного знания, а в виде символизации [11, с. 38], разновидностью которой являются стереотипы. Согласно У. Липпману, именно социальные стереотипы составляют первооснову формирования общественного мнения, представляя собой квинт-эссенцию идеологии, обыденной философии и свода моральных законов. Устойчивые, упрощенные, эмоционально окрашенные образы объективной реальности, являются своего рода «фильтрами», сквозь которые происходит оценка определенного явления, события, факта, порождающая либо принятие, либо неприятие воспринимаемого объекта.

Неосознаваемые «стандарты» восприятия социального поведения и социальной действительности, с одной стороны, способствуют ориентации субъекта в обстоятельствах, относительно которых у него отсутствует собственный социальный опыт, выполняя также функцию «экономии» мышления, с другой – заменяя логический анализ, упрощая действительность, снижают критичность и препятствуют получению полной, достоверной информации и объективному оцениванию.

Следует отметить и такую атрибутивную характеристику общественного мнения как компонента обыденного сознания, как *диалектику устойчивости-динамичности*. Общественное мнение формируется в условиях бурного противостояния стереотипных представлений и ценностных установок представителей разных социальных групп, сообществ и общностей в ходе их взаимодействия, затрагивающего спектр актуальных вопросов жизнедеятельности в различных модусах социального бытия.

Специфика переработки общественным мнением новой информации, позволяет говорить как о его устойчивости, инертности и консервативности, обусловленных стереотипизацией, мифологизацией и, отчасти, сакрализацией обыденного сознания, так и об изменчивости и динамичности, детерминированных схематичностью и абстрактностью обыденного сознания. Новая информация, транслируемая посредством различных социальных институтов и призванная повлиять на общественное мнение, всегда имеет конкретный характер, соотносится с интериоризированным ранее в процессе инкультурации социальным опытом и принимается во внимание либо отторгается коллективным субъектом, если не вписывается в традиционно сложившуюся «картину мира».

Хотя влияние на общественное мнение – достаточно сложная задача, оно характеризуется постоянным движением, и то, что кажется неизменным в данный конкретный момент времени, может измениться под воздействием определенных обстоятельств. Динамизм общественного мнения обусловлен несколькими обстоятельствами: наличием в его структуре аффективной составляющей (связь с социальными настроениями); дискуссионностью и плюралистичностью его природы, выражающихся в столкновении общественных интересов и борьбе мнений; подтверждением адекватности отражаемой информации в практиках повседневной деятельно-

сти; динамикой самих социальных процессов, изменяющих повседневные практики.

Диалектика устойчивости и динамичности в общественном мнении проявляется в возможности выделить два «пласта», уровня общественного мнения в зависимости от его интенции [12]. Первый – общественное мнение в наибольшей степени подверженное внешнему воздействию. Оно представляет собой поверхностное, «летучее», динамичное, ситуативное мнение, откликающееся на текущие события, актуализированные в данный конкретный момент времени, обладающее энергией практического действия, формирующееся под воздействием СМИ и связанное с явлениями «массовой культуры» и идеологии. Второй – более устойчивое и стабильное общественное мнение, отражающее интересы, базирующиеся на глубинных пластах обыденного сознания, направленные на жизнеобеспечение личности и сохранение её субъектности, связанные с системой исторически сложившихся в обществе социальных отношений.

Таким образом, диалектико-материалистический подход К. Маркса и Ф. Энгельса к пониманию социальной сферы как поля деятельности социальных субъектов, представленных различными социальными общностями и группами и связанных социальными отношениями, позволяет рассматривать общественное мнение, прежде всего, как комплексное явление, обусловленное определенной статусной позицией в социальном процессе, и представляющее собой и процесс и результат совместной коллективной оценочно-ценностной деятельности социальных субъектов.

Осуществленный в контексте идей диалектико-материалистического понимания истории К. Маркса и Ф. Энгельса анализ атрибутивных характеристик общественного мнения (интенциональность, связь с интересами социальных групп; предикат не истинности, но конкретности; аксиологический характер; опора на здравый смысл и стереотипы; диалектика устойчивости – динамичности) позволяет рассматривать общественное мнение как динамическую характеристику существования социальных отношений, что может служить методологической основой дальнейших исследований общественного мнения как социального феномена.

Список литературы

1. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. - Изд.2. - Т. 21 – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1961. – С. 269-317.
2. Энгельс Ф. Письма об историческом материализме. 1890-1894 / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. – Изд. 2. – Т. 37. – С. 370-372.
3. Чесноков Г. Д. Материалистическое понимание истории и критика «наших критиков» / Г. Д. Чесноков // [Социально-гуманитарные знания](#), 2018. – С. 27-37.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – Изд.2. - Т. 42. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – 512 с.
5. Седлецкий Б. А. Общественное мнение в открытом обществе: проблемы формирования и функционирования. - Автореф. дисс. ...канд. филос. наук – Москва, 2007. – 24 с.
6. [Оссовский В. Л.](#) Проблема идентификации общественного мнения. / В. Л. Оссовский // [Социологические исследования](#). - 1999. - № 10. – С. 7-16.
7. Федотова М. Г. Формирование общественного мнения как управляемый процесс: информационный аспект. – Автореф... канд. филос. наук. – Омск, 2002. – 27 с.
8. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. - Т.7. Философия права. / Г. В. Ф. Гегель / пер. с нем. Б. Г. Столпнер – Москва-Ленинград: Соцэкгиз, 1934. – 384 с.
9. Маркс К. Нищета философии. / К. Маркс – М.: Прогресс, 1980. – 299 с.
10. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. - Т.7. Философия права. / Г. В. Ф. Гегель / пер. с нем. Б. Г. Столпнер – Москва-Ленинград: Соцэкгиз, 1934. – 384 с.
11. Михайлов В. А. Общественное мнение: структурно-функциональный подход/ В. А. Михайлова // Вестник ТвГУ. - Серия Философия. - 2015. - № 2. - С. 35–49.
12. Горбунова Л. В. Общественное мнение: особенности формирования. – Автореф. дисс.... канд. филос. наук. – Москва, 1991. – 22 с.

I. A. Zyrina

(Candidate of Sociological Sciences)

Donetsk Academy of Management and Public Service

under the Head of Donetsk People's Republic

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: zyrina11@list.ru

I. A. Yemets

Donetsk Academy of Management and Public Service
under the Head of Donetsk People's Republic
(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: emets_ira@mail.ru

**ATTRIBUTIVE CHARACTERISTICS OF PUBLIC OPINION
IN THE CONTEXT OF THE DIALECTICAL
MATERIALISTIC APPROACH OF K. MARX AND F. ENGELS**

Annotation: *The authors analyzed the attributive characteristics of public opinion as a component of everyday consciousness: intentionality; predicate not of truth, but of concreteness; axiological character; reliance on common sense and stereotypes; dialectics of stability - dynamism in the context of the ideas of dialectical materialistic understanding of history of K.Marks and F.Engels.*

Key words: *public opinion, everyday consciousness, social being, dialectics, dialectical materialistic approach.*

УДК 101.8

Ю. М. Лустин

(ст. преподаватель)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: lustin56@mail.

**ТИПОЛОГИЯ ФОРМ ДВИЖЕНИЯ МАТЕРИИ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ФИЛОСОФСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
Ф. ЭНГЕЛЬСА «ДИАЛЕКТИКА ПРИРОДЫ»**

***Аннотация.** Статья посвящена методологическому дискурсу осмысления типологии форм движения материи. Философской основой исследования выступает материалистическая диалектика. Показана типологическая взаимосвязь форм движения материи. Полученные выводы исследования важны для философии, социальной психологии космологии, космической биологии, сравнительной планетологии.*

***Ключевые слова:** материя, движение, диалектика, типология, объективное, развитие, социальное.*

«Сказать ли: мир есть движущаяся материя
или: мир есть материальное движение,
от этого дело не изменится»

В. И. Ленин

«Материализм и эмпириокритицизм»

Актуальность темы исследования обусловлена особенностями реального развития философской мысли в эпоху дефицита цивилизационной безопасности в систематически обостряющихся вызовах современности. В частности, социетальный поворот к сетевому сообществу отдаляет социум от типовых реалий его жизнедеятельности. В условиях начавшейся мировой перезагрузки, которая направлена на переход к шестому технологическому укладу, по авторитетному мнению профессора Колесниковой Г. И., «происходит перекодировка массового сознания для создания нового отцифрованного и отформатированного типа личности...» » [1, с. 26]. Как следствие, на типологический потенциал современного субъек-

екта социальности всё активнее оказывают влияние такие взаимосвязанные факторы информационного пространства как: электронизация, компьютеризация, информатизация, социокиборгизация, медиатизация, виртуализация, цифровизация (С. А. Бочан, И. В. Лысак, Е. В. Поликарпова). Социально-философское осмысление данных факторов в качестве специфических видов социальной формы движения материи, их роли, места, значения в современном обществе немислимо без истинной методологии познания типологических аспектов развития и совершенствования материального мира.

Целью исследования является выявление методологического конструктива для обоснования типологических закономерностей диалектического развития форм движения материи как концептуальной основы сравнительного познания реальности.

Фундаментальная философская работа Ф. Энгельса «Диалектика природы» содержит в себе не только глубокое изложение диалектико-материалистического понимания концептуальных вопросов теоретического естествознания, но и всецело определяет методологию развития форм движения материи, типологические закономерности их существования и взаимоопределения. Онтологическое содержание данного тезиса проясняет энгельсовский постулат: «природа не просто *существует*, а находится в процессе *становления и исчезновения*» [2, с. 351]. Это возможно, прежде всего, в силу материалистического понимания диалектики как истинного и основополагающего метода «объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы» [2, с. 367]

Онтологически верное осмысление данных аксиом раскрывает сущность объективной диалектики в природе. Это придает подлинно научную всеохватность и методологическую цельность закономерному проявлению основных законов материалистической диалектики, тем самым подчеркивая их всеобщий статус существования и конкретный характер всестороннего проявления.

Методологическая незыблемость постулирования диалектики как «науки о всеобщей связи», «науки о наиболее общих законах всякого движения» позволяет Ф. Энгельсу в своей работе определить три основных закона диалектики. Это: закон перехода количества в качество и обратно, закон взаимного проникновения проти-

воположностей, закон отрицания отрицания [2, с. 384]. Характерно также, что концептуальная тождественность понятий «законы диалектики» и «диалектические законы» объективированы глубиной самого высокого смыслового уровня их методологического обобщения, в силу чего, они действительно являются уникальными законами развития природы, находящейся в процессе постоянного движения.

Движение, как некая данность, есть атрибутивное свойство материи, оно несотворимо, неуничтожимо и вечно как сама материя. Как известно, основными характеристиками движения выступают его материальность, абсолютность, противоречивость в формах своего обнаружения. «Движение, отмечает Ф. Энгельс, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением» [2, с. 391]. С данным наукоемким установлением невозможно не согласиться.

Исходя из этого, основополагающее свойство движения двояко направленное и оно заключается, с одной стороны, в его способности иметь и превращаться (то есть «быть превращенным») при определенных условиях – автор) в различные формы. Говоря другими словами, эта определяющая сторона констатирует явленность реальной формы движения материи в границах ее конкретной единичной данности. С другой стороны, всеобщность движения, его типологическая многосвойственность обнаруживается в объективной и субъективной реальности в диалектически установленной мере, в диалектически данном порядке. В этих пределах раскрывают свою предметную определенность все элементы, эпизоды, факты, явления, процессы реальности, находящиеся в постоянном круговороте событий, как правило циклического характера.

В критическом анализе идей своих оппонентов Ф. Энгельс, подчеркивая объективную правильности своих доводов, резюмирует о закономерностях событий в пространстве и во времени, определяющих тот «круговорот, в котором каждая конечная форма существования материи... одинаково преходяща и в котором ничто не вечно, кроме вечно изменяющейся, вечно движущейся материи и законов ее движения и изменения» [2, с. 362-363]. Векторно результирующий методологический алгоритм этого изменения задан

природой материальных связей и отношений в формате: от низшей формы движения в виде простого перемещения, до высшей – мыслительно осознаваемой социальной формы движения. Как следствие, типологическая составляющая противоречивого дискурса развития материи заключается в неразрывном единстве двух противоположных моментов – сходства и различия форм своего обнаружения, сравнительное единство свойств которых самотождественно в аспекте своей конкретной явленности.

Сказанное подтверждает, что по своим закономерным проявлениям движение материи типологически многообразно и существует в различных формах, которые имеют общий генезис архетипического содержания. Прежде всего следует учитывать то объективное обстоятельство, что абсолютно все формы движения материи, в том числе познаваемые современной наукой и пока ею непознанные, по законам диалектики типологического познания имеют методологической основой своего существования атрибутивную взаимосвязь материи и движения в качестве единого целого, нераздельного и неслиянного. Методологическая целостность и диалектико-материалистическая очевидность данных установлений истинна и не нуждается в научной аргументации.

В этой связи, к примеру, не выдерживает никакой критики толкование Алиева А. С. о том, что «субстанция, которую мы воспринимаем в виде энергии, на более верхнем плане или уровне бытия является материей» [3, с. 14]. В контексте рассуждений о некой информационной форме движения материи методологически некорректной, а вследствие этого – и научно несостоятельной является гипотеза А. А. Шагина, утверждающая что «супрамолекулярная химия является новой формой движения материи» [4, с. 89]. Наряду с такими малоисследованными понятиями как «белая» и «черная» материя (Ю. П. Выблый, В. В. Орлов, А. А. Райков), «эволюционирующая материя» (О. А. Базулук), «физика материи» (В. Ф. Блинов), существуют высокого научного уровня работы А. В. Гульги, А. Н. Дмитриева, В. П. Казначеева, В. Г. Мушич-Громыко, В. В. Рындина, Е. А. Спирина, А. Д. Урсула [5], В. А. Штоффа, раскрывающие содержание материи и движения в различных научных парадигмах.

Красной нитью через всё произведение выдающего мыслителя проходит мысль о классификации форм движения материи: *механическая* (взаимодействие твердых, жидких и газообразных тел; простое перемещение тел в пространстве); *физическая* (электромагнитные процессы; превращенные виды тепловой энергии); *химическая* (дихотомия «атомы–молекулы»; превращение одних элементов объективной реальности в другие); *биологическая* (многовидовая жизнедеятельность природных организмов). Их методологический формат содержит детерминанту: каждая низшая форма движения посредством диалектического скачка переходит в высшую форму. При этом каждая высшая форма движения содержит в себе как подчиненный момент низшую форму, которая не сводится к ней.

Надо полагать, что типологические закономерности развития форм движения материи отражают, прежде всего, сравнительные уровни как динамических, так и статистических связей между элементами их содержания и явленностью взаимного обнаружения. Такая интерпретация подразумевает наличие у каждой формы движения материи своего типопределенного материального носителя. Ей также имманентны субординированные отношения в широком диапазоне как противоречивых связей и причинно обусловленных зависимостей, так и сравнительных уровней формирования тех или иных условий материальной среды.

Опираясь на эту истинную методологию научного познания можно, по мнению автора, разрешить дискуссионный вопрос об отношениях между понятиями «метафизика», «софистика», зачастую рассматриваемых в качестве альтернативных категории «диалектика». В качестве доказательства уместным будет сослаться всего лишь на один аргумент следующего содержания: органическая взаимосвязь понятий «материя» и «материальное» вполне очевидна в примате материального единства мира, подлинно философская объективность которого отражена в незыблемых законах диалектики.

Этого нельзя сказать о метафизике как частном случае диалектического знания. Метафизика, не имея собственного самодостаточного категориального аппарата, базируется в основном на философско-диалектических построениях априорных схем субъективного мышления в догматизированном дискурсе познавательного процесса. В метафизическом постижении реальности использо-

вание дефиниций «материя», «движение», «форма» и других определений в качестве общепризнанных философских «понятийных средств», есть ни что иное, как идеалистическое решение возникающих вопросов в рамках основного вопроса философии с точки зрения различных феноменологических, трансцендентальных, экзистенциальных подходов. По своей совокупности данные подходы «размывают» мнимую целостность метафизического знания, тем самым доказывая его ограниченность по отношению к диалектике. Само собой разумеется, что явно диалектическая фрагментация процесса метафизического познания может иметь позитивную прогностическую направленность и практическую востребованность.

Выводы:

1. Сущность материи определена движением как способом ее существования. Способ существования материи типологичен ввиду постоянного изменения свойств вечно движущейся материи. Изменения («движимые превращения» – автор) свойств материи детерминированы типологическим разнообразием ее соответствующих форм. Проявления законов и принципов диалектики, с одной стороны, отражают уровни обнаружения конкретных форм движения материи, а с другой стороны, обуславливают их типологию в виде особого рода типологических (сравнительных) закономерностей как онтологической, так и гносеологической явленности.

2. Типологические закономерности диалектического развития форм движения материи объективны и их «развертывание» в предметном поле методологического конструктива «сходство – самождество – различие» вполне очевидно. В относительно завершенном виде данный конструктив представляет собой диалектическое единство *всеобщего* сходства и особенных *различий* форм движения материи. Их методологическая проекция самождественна в неповторимой *единичности* той или иной формы вечно изменяющейся материи.

3. Диалектика типологического развития концепции материального единства мира является методологической основой научного познания, в которой типология форм движения материи приоритетна.

4. Мировое значение философского произведения Ф. Энгельса «Диалектика природы» бесценно в методологии теоретико-практических воззрений классиков марксизма-ленинизма. Диалектико-материалистическая обоснованность, научно-фундаментальная цельность, мировоззренческая всеохватность, практическая целеопределенность работы служит не только правильным ориентиром в использовании диалектического метода в понимании категорий «материя», «движение», законов и принципов развития материального мира, но и будет вечно сиять немеркнувшей звездой научной истины на небосводе человеческого Бытия.

Список литературы

1. Колесникова Г. И. События весны 2020: реальность и квазисимулякры (социально-философский анализ) // Научный потенциал. – 2020. – № 3(30). – С.20-27.
2. Энгельс Ф. Диалектика природы / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т.20. – С. 343-626.
3. Алиев А. С. Материя и энергия // European science. – 2019. – № 3(45). – С.13-23.
4. Шагин А. А. Информационная форма движения материи /А. А. Шагин // Мир современной науки. – 2014. – № 3(25). – С.89-105.
5. Урсул А. Д. Формы темной материи и глобальная эволюция // Философская мысль, 2013. – № 6. – С.96-170.

Yu. M. Lustin

(Senior lecturer)

Donetsk National University of Economics and Trade
named Tugan-Baranovsky

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: lustin56@mail.ru

***Annotation.** The article is devoted to the methodological discourse of understanding the typology of forms of motion of matter. The philosophical basis of the study is materialist dialectics. The typological relationship of the forms of motion of matter is shown. The findings of the study are important for philosophy, social psychology, cosmology, space biology, comparative planetology.*

***Key words:** matter, movement, dialectics, typology, objective, development, social.*

УДК 316.36

И. В. Ширкова

(ст. преподаватель)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: i-shirkova@yandex.ru

СЕМЬЯ КАК ПРАВО ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

***Аннотация.** В статье рассматривается семья как право человека в системе социокультурных ценностей, формирующая и мобилизующая социокультурные потребности и интересы, мотивирующая культурную деятельность личности.*

***Ключевые слова:** семья, право человека, социокультурная среда, семейные ценности.*

В нашем стремительно меняющемся мире человеку требуется быстрая адаптация к новым условиям существования. Когда обновляется общество, меняются его установки и нормы, центральной проблемой, выступает сохранение универсальных ценностей – абсолютных норм морали и основанных на них правах человека.

Радикальное изменение социокультурной среды, обновление и преобразование ценностных регуляторов в современном мире обусловили актуальность темы исследования. Нивелирование моральных ценностей, в частности, отношение к браку и семье, юридическое признание неприемлемых отношений в обществе, неизбежно приводят к деградации человека как уникальной личности и к торможению социального развития общества. Поэтому обеспечение взаимодействия права и морали в современном гражданском обществе будут способствовать его духовному формированию и консолидации.

Семья, брак, родство – традиционные темы философии, политологии, социологии, правоведения. Отношения в семье, родственные отношения, как правило, находятся на стыке моральных и правовых норм, поэтому в процессе социально-экономических и общественных изменений трансформируются и морально-правовые нормы, в частности, институт семьи.

Заметный вклад в изучение этого института внесли исследователи марксистской ориентации. Ф. Энгельс в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» выделил три главные формы брака, «в общем и целом соответствующие трем главным стадиям развития человечества. Дикости соответствует групповой брак, варварству – парный брак, цивилизации – моногамия..». Он также резюмировал, что основа современных отношений между мужчиной и женщиной – это любовь. Современная половая любовь существенно отличается от простого полового влечения, от эроса древних /.../ она предполагает у любимого существа взаимную любовь /.../ брак по любви был провозглашен правом человека [1].

В определении семьи, Ф. Энгельс ссылается на определение, данное Льюисом Г. Морганом, «Семья, – активное начало; она никогда не остается неизменной, а переходит от низшей формы к высшей, по мере того как общество развивается от низшей ступени к высшей.» [1]. Нельзя не согласиться с тем, что институт семьи изменяется, но изменяется от дикой, животной беспорядочной страсти, к отношениям, основанным на любви, свободе и ответственности супругов, родителей и детей, регулируемые морально-правовыми нормами. Сегодня, как и раньше, право и мораль взаимовлияют, дополняют и взаимообеспечивают друг друга в регулировании общественных отношений. Объективная необходимость такого взаимодействия определяется, тем, что законы государства должны ориентироваться на моральные ценности современного общества.

Рассмотрим определения семьи, данные советскими и постсоветскими учеными.

Один из ведущих исследователей института семьи А. Г. Харчев предлагает такое понимание семьи – «исторически конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малой группы, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальной необходимостью, в которой обусловлена потребность общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [2, с. 75]

В словаре-справочнике по социологии – «семья – это основанное на кровном родстве, браке или усыновлении объединение

людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью за воспитание детей» [3].

В учебном пособии для начального профессионального образования мы находим следующее определение семьи – «общность людей, связанных отношениями супружества, родительства, родства, совместного домохозяйства; она как основная ячейка общества выполняет важнейшие социальные функции, играет особо значимую роль как в общественном развитии в целом, так и в жизни человека, его защите, формировании и удовлетворении духовных потребностей, обеспечении первичной социализации /.../ Осуществляет воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, /.../ поддержание существования членов семьи» [4, с. 5].

На основании вышеизложенных определений понятия «семья», можно сделать вывод, что семья играет решающую роль в демографическом воспроизводстве человечества, важнейшей потребности общества. А значит, на семью возлагаются основные функции: репродуктивная (рождение детей), экзистенциальная (содержание детей), экономическая, коммуникативная, первичной социализации (воспитательная), фалицитологическая (ощущение счастья), организации досуга и отдыха, производственно-трудовая. Семья – единственный и незаменимый производитель самого человека, продолжения рода. Семья принимает участие в количественном и качественном воспроизводстве населения – это и есть ее репродуктивная функция. Она приобщает новое поколение к научно-культурным достижениям человечества, заботится о его здоровье [4, с. 7].

Международные документы, закрепляющие основные права человека не содержат определения брака (семьи). Всеобщая декларация прав человека закрепляет условия вступления в брак: «Мужчины и женщины, достигшие совершеннолетия, имеют право без всяких ограничений по признаку расы, национальности или религии вступать в брак и основывать свою семью..., и право на защиту: «семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства» (ст.16) [5].

Семейные отношения основаны на традициях и обычаях (моральных нормах) конкретного общества, поэтому понятие семьи

должно определяться национальным законодательством. Но при его формировании необходимо учитывать взаимодействие права и морали, чтобы «порок не был возведен в ранг дозволенного поведения» [6]. На сегодняшний день мы можем констатировать усиление ценностной составляющей конституций демократических государств, что выступает конституционным ответом (конституционной реакцией) на кризис ценностей в современном обществе (легализация однополых браков и др.) [7, с. 83-84]. К таким государствам относится и РФ.

Центральное место в правовом регулировании института семьи принадлежит Конституции РФ и поправки в Конституции, принятые в 2020 году, закрепляющие социальные обязательства государства перед его гражданами, исторические традиции и общечеловеческие ценности общества, в том числе, представление о браке как союзе мужчины и женщины, нормы, направленные на защиту традиционных семейных ценностей. Семейный кодекс Российской Федерации определяет условия заключения брака и права и ответственность родителей и детей [8].

Современные семейные отношения – это не только право на любовь, но и огромная ответственность перед супругом, ребенком, обществом, потому что семья – это источник ценностных ориентаций личности, который формирует и мобилизует ее социокультурные потребности и интересы, мотивирует культурную деятельность. На этой основе развивается и укрепляется ориентация на семейный образ жизни, от которой зависят отношение человека к браку, семье, характер и содержание межличностного общения в ней, активная творческая деятельность, в том числе в сфере семейного образования и воспитания, создание реальной модели культурной среды семьи [4, с.7].

«Кризис брака – это в первую очередь кризис системы ценностей» [9].

«В Риме случилось то, что теперь называется демографической катастрофой – образованные римские женщины решили, что лучше пожить для себя. Римские мыслители и писатели того времени отмечали, что матроны предпочитают завести комнатную собачку вместо того, чтобы родить ребенка. /.../ Вообще переизбыток благ редко кому идет на пользу. /.../ В индивидуальном плане избыток благ (денег, власти) деформирует личность. /.../ налицо был идеологический кризис, кризис мировоззрения, кризис целеполага-

ния, потеря ориентира для движения...» [10, с. 237-239]. В этой цитате речь о Римской империи накануне ее гибели, но до боли знакомые современные новостные европейские факты.

Не позволим случиться демографической катастрофе на нашей земле, в нашем обществе, в нашем государстве. Установление и закрепление в национальном законодательстве традиционных семейных ценностей возродит природное отношение к семье – как союзу мужчины и женщины для сохранения потомства и продолжения рода, а также повысит степень гражданско-правовой и моральной ответственности родителей перед детьми и совершеннолетних детей по отношению к нетрудоспособным родителям.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф.; Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. – М.: Политиздат, 1986. – 639 с.
2. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М., 1979. – 367 с.
3. «Словарь-справочник по социологии. Учебное издание»: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»; Москва; 2011.
4. Гуслова М.Н. Организация и содержание работы по социальной защите женщин, детей, семьи: учеб. пособие для нач. проф. образования. - М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 272 с.
5. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: Режим доступа:
https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 05.09.2020)
6. Паленый Иван Андреевич Нравственные ценности в конституционно-правовом развитии Российской Федерации // ЮП. 2013. №4 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennye-tsennosti-v-konstitutsionno-pravovom-razvitii-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 05.09.2020)
7. Масловская Т. С. Новые направления конституционных реформ в зарубежных странах (динамика последних пяти лет) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4. – С. 83-84
8. Семейный кодекс РФ [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/e816c719b5266ca4f28f9ae0c236ab2e8520f3e2/ (дата обращения: 05.09.2020)
9. Перепелкин Л.С. Демографические процессы в регионах Евразии и их роль в международной политике: Учебное пособие. М., 2005.
10. Никонов А. Судьба цивилизатора. Теория и практика гибели империй. М.; СПб., 2009. – С. 237-239.

I. V. Shirkova

(senior lecturer)

Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikhail Tugan-Baranovsky

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: i-shirkova@yandex.ru

**FAMILY AS A HUMAN RIGHT
IN THE SYSTEM OF GENERAL VALUES**

***Annotation.** The article examines the family as a human right in the system of sociocultural values, which forms and mobilizes socio-cultural needs and interests, motivating the cultural activity of the individual.*

***Keywords:** family, human rights, socio-cultural environment, family values.*

УДК 101.1::316

Д. И. Измайлова

(старший преподаватель)

Донецкий национальный университет экономики
и торговли имени Михаила Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: Jamilyushka@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ В СВЕТЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

***Аннотация.** В статье рассмотрены особенности трансформации религиозного сознания под влиянием глобализационных процессов. Проведён анализ религии как явления в контексте марксистской философии. Исследованы и проанализированы социокультурные трансформации мировых религий, произошедшие под влиянием глобализации.*

***Ключевые слова:** религия, религиозное сознание, глобализация, мировые религии, социокультурные трансформации.*

Если рассмотреть глобальные тенденции религиозного развития начала XXI в., можно отметить, что наиболее глобальной среди таких тенденций является само существование религии. Ведь мыслители XIX - XX веков считали, что религия «не дотянет» до XXI века. Религия отождествлялась с предрассудками, формой ухода от страха, проявлением светской ограниченности и тому подобное.

Целью данной работы является исследование религиозного сознания в глобальном дискурсе и анализ влияния глобализационных процессов на мировые религии.

Для реализации поставленной цели автором были решены следующие задачи:

- проанализировано религиозное сознание в ракурсе марксистской философии;
- проанализированы социальные и социокультурные трансформации мировых религий, вызванные глобализацией.

Обобщённую критику так называемых доказательств бытия Бога впервые осуществил И. Кант ещё в XVIII веке, позволив тем самым констатировать К. Марксу, что «все доказательства суще-

ствования бога являются доказательствами его несуществования, опровержением всех представлений о боге» [1, с.514].

В контексте марксистской философии религия представляет собой общественный компонент, зависящий от других общественных явлений. Согласно определению К. Маркса, общественная природа религии заключается в следующем: религия – «превратное мировоззрение»; ее порождает «превратный мир»; она – «дух бездушных порядков» [2, с. 415]. Согласно же определению Ф. Энгельса, религия является фантастическим отражением тех внешних природных сил, которые подчиняют себе повседневную жизнь человека. «В начале истории, – писал Ф. Энгельс, – объектами этого отражения являются прежде всего силы природы... Но вскоре, наряду с силами природы, вступают в действие также и общественные силы, – силы, которые противостоят человеку в качестве столь же чуждых и первоначально столь же необъяснимых для него, как и силы природы... Фантастические образы... приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил» [2, с. 415].

Очевидно, что и К. Маркс и Ф. Энгельс напрямую связывали развитие религиозного сознания с общественно-историческим развитием человеческого общества, а сама по себе религия была прямым продуктом этого развития. Ф. Энгельс писал: «...религиозные представления...развиваются у каждого народа своеобразно, соответственно выпавшим на его долю жизненным условиям» [3, с. 269].

Как Маркс, так и Энгельс поясняли, что религия как явление возникает совершенно объективно и создаётся самими людьми, которые, не умея понять противостоящую объективную действительность, прибегают к неким иллюзорным представлениям. Очевидно, что иллюзии не в состоянии в полной мере удовлетворить человека и решить все стоящие перед ним проблемы, вследствие чего объективно и закономерно возникшая религия, столь же закономерно и объективно должна уйти на задний план и уступить ведущее место истинно научному (материалистическому) мировоззрению. Падение авторитета религии и, соответственно, снижение её влияния, а также обращение общественного сознания к мировоззренческим нормам, противоположным религиозным, были характерны для русского общественного сознания в начале XX века. Необходимо признать, что религиозность в XX веке сокращалась

по ряду причин, основной из которых является изменение социальной обстановки. Увеличение прослойки так называемого «среднего класса», снижение классового неравенства мало по малу устраняло востребованность религии в советском обществе.

Перед современными исследователями встает вопрос: что же стало решающим в большом религиозном возвращении последней четверти XX и начала XXI века?

По мнению автора, чтобы ответить на этот вопрос, имеет смысл обратиться к трудам известного политолога современности С. Хантингтона [4]. Он считал, что это возвращение религии связано с разрушением двухполюсной системы, с упадком мирового коммунизма и с переконфигурацией мировых отношений, которые происходят по линии различия между цивилизациями, ядро которых составляют религии. Как отмечает известный исследователь религиозных процессов В. Еленский, кроме исчерпанности светских идеологий и выхода мира из «западной» фазы своего развития, кроме ситуации постколониализма и даже того, что философы называют «антропологической революцией», среди первопричин возврата массовой религиозности следовало бы обратить внимание на просто таки поразительное «сжатие мира» [5]. Современные глобализационные процессы превращают мир в единое целое, и даже если при этом не происходит массовой культурной и религиозной конвергенции, то, во всяком случае, они делают встречу религий и культур необратимой.

Под трансформацией религиозного сознания будем понимать преобразование в соответствии с определенными правилами.

Как отмечает российский исследователь религиозных преобразований А. Гавриленков, наряду с традиционными «старыми» религиями в современном поликультурном мире стихийно появляются новые религиозные движения, «современные нетрадиционные религии и культы» [6].

По данным христианского сайта «Laborers Together» на 2011 год по религиозным предпочтениям населения Земли имеет примерно такое распространение:

- христиане – 2,31 млрд., то есть примерно 33% населения Земли;
- мусульмане - 1,58 млрд., это примерно 23% населения планеты;

- приверженцы индуизма – 0,95 млрд., то есть около 14% населения земного шара;

- буддисты – 0,47 млрд., т.е. 7% населения Земли.

В пределах от 0,2% до 4% населения планеты находятся те, кто исповедует иудаизм, сикхи и сторонники религиозных верований, присущих данной местности. Примечательным фактом этой статистики, на взгляд автора, является то, что примерно 10% населения Земли идентифицируют себя как нерелигиозных, и только 2% самоидентифицируются как атеисты. Автор считает, что такое распределение свидетельствует о том, что для большинства людей в жизни есть определенный указатель, задекларированный доктринами той или иной религии, исповедуемой респондентами, или «личный категорический императив», который хоть и не вписывается ни в одно из традиционных религиозных течений, но, безусловно, имеет отношение к религиозной вере. Скорее всего, здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда верующие идентифицируют себя не с чистой религией, а с какой-то определенной культурой или национальными особенностями, которые были сформированы под влиянием религии.

Но при этом мы так и не видим ни мирового масштаба поисков новых религиозных альтернатив, ни возникновения или попыток создания некоей общей для всех «глобальной» религии. По наблюдению В. Еленского [5], вместо возникновения в едином глобальном мире единой новой религии планета становится свидетелем почти повсеместного «восстания» религий. Новые или относительно новые глобальные религиозные культуры хотя и появляются наряду с традиционными, но они не в состоянии их заменить.

Исторический опыт современного мира убедительно демонстрирует, что некоторые традиционные религии весьма органично вплетаются в кружева современной цивилизации. Процесс глобализации неизбежно влечет за собой значительные метаморфозы религиозного сознания. Информационная открытость, а не замкнутость культурной системы делают невозможным господство той или иной религиозной доктрины в сознании индивидуума, является присущей для традиционного общества. И даже если человек получил в семье ортодоксальное воспитание в пределах той или иной конфессии, то, в любом случае, его нельзя изолировать от внешних воздействий. А отсюда понятно, что в таких условиях, религиозное

сознание приобретет принципиально новое качество, которое можно условно обозначить как «всеприсутствие» [7].

В целом отношение каждой религии к самому процессу глобализации можно уже считать сформированным, но при этом о сиюминутном мировом развитии каждая из религий говорит со значительно меньшей определенностью и уверенностью. Если в некоторых регионах мира люди демонстрируют непреодолимую верность своим доглобализационным идеалам и религиозным формам, то в других происходит приобретение религией модернистских конфигураций. Примером религии подобного толка является буддизм, поскольку эта религия с легкостью адаптируется к любым изменениям современного мирового порядка. Отрадный факт, что в отношении буддизма никак нельзя употреблять такое понятие как «фундаментализм», поскольку границы между ортодоксией и «инакомыслием» в буддизме по сравнению с другими мировыми религиями нежесткие, а доктринальная часть несколько размыта. Нынешний Далай-лама XIV в качестве одного из действенных средств решения проблемы глобального диалога культур, религий и цивилизаций видит в создании новой общечеловеческой этики. Существует мнение, что именно буддийская модель реакции на глобализацию станет лучшим выходом из сложившейся ситуации, поскольку именно эта модель поможет найти тот самый «срединный путь» между современными глобализационными процессами и традиционализмом, не принося при этом в жертву многообразия культур.

В свою очередь христианские церкви относятся к глобализационным процессам очень по-разному. Очевидно, что наибольший эффект от глобализации получают протестантские церкви, поскольку они очень легко усваивают харизматичные элементы новой религиозной культуры, создают по всему миру сети своих организаций и положительно воспринимают экспансию западных культур. Отсюда можно проследить ростки нового глобального христианского течения - экуменизм. Экуменизм - идеология Всехристианского единства, движение за сближение и объединение различных христианских церквей и (или) конфессий, один из рычагов по регулированию межхристианских отношений [7]. Преобладающая роль в формировании и насаждении экуменизма принадлежит протестантским церквям. Сам термин был предложен в 1937

году теологами из Принстонской теологической семинарии. Изначально идея экуменизма базировалась на теории ветвей, сущность которой заключается в том, что все христианские конфессии являются единой Христовой церковью, несмотря на существующие различия в догматах. Ту же идею, но экстраполированную на всё религиозное пространство, находим у Д. Андреева, который интерпретирует всё разнообразие религий воображаемым цветком - Розой Мира и предлагает представить все религии лепестками единого цветка с корнем, чашей, стеблем и содружеством всех лепестков [8].

В то же время, очевидно, что темпы и вектор постмодернистской глобализации в своей основе имеют принципиальные разногласия с догматами православной церкви. Главным краеугольным камнем здесь является непринятие православной церковью унификации, которая нарушает многовековые национальные традиции и аксиологические основы личной идентификации.

Принципиально иначе выглядит глобализация в исламском дискурсе. Поскольку ислам как конфессиональная сеть определяется открытостью и возможностью свободного распространения, а кроме того высокой адаптивностью к изменяющимся условиям, то он имеет достаточно уверенные перспективы развития в глобализационных условиях. Примечательным фактом является то, что многие из исламских авторов вообще предлагает избавиться от термина «исламский мир» как от вымышленного на Западе и игнорирующего национальную идентичность народов, исповедующих ислам. При этом следует заметить, что те же исследователи проявляют разное отношение ислама к феномену глобализации. Условно их можно разделить на три группы:

- те, кто считает глобализацию новой колониальной политикой Запада, которая не дает представления о его истинную сущность;

- те, кто считает глобализацию объективным феноменом, которого невозможно избежать, а вследствие этого нужно воспользоваться им, пытаясь получить максимальные «дивиденды»;

- те, кто считает, что ислам - это лишь один элемент в истории и культуре 55 наций мира, но элемент ключевой, соединяющий все нации и предоставляющий им ощущение общности [5; 7].

Руководствуясь принципом объективности, необходимо отметить, что по своей сущности глобализация не является ни рели-

гиозным, ни антирелигиозным процессом. Именно поэтому будет в корне неверным противопоставить глобализационные процессы любой авраамической религии. По сути, глобализация приводит к выработке глобального сознания.

Проведя анализ влияния глобализационных процессов на религию как явление и на религиозное сознание как структурный элемент религии, автор приходит к следующим выводам:

1. Глобализация по своей сущности не может рассматриваться как положительное или отрицательное явление по отношению к религии. В условиях, когда происходит проникновение культов и религий, зародившихся в странах Запада в страны Востока и наоборот, очевидно, что глобализационные процессы в религиозном сознании представляют взаимный характер.

2. Очевидно, что при формировании новой философской концепции культурного и межконфессионального диалога в глобальном пространстве, в первую очередь, необходимо опираться на вечные общечеловеческие ценности, поскольку только они способны стать тем самым мостиком, стоя на котором люди надеются на приобретение душевной опоры.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 18.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 1.
3. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; [пер. с англ. Т. Велимеева]. – М.: АСТ, 2006. –573 с
5. Єленський В. Глобальні тенденції релігійного розвитку у XXI столітті URL https://risu.ua/globalni-tendenciji-religiynogo-rozvitku-u-hhi-stolitti_n32230 (дата обращения 01.10.2020)
6. Гавриленков А.Ф. Трансформация религиозного сознания в условиях глобализации – URL <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-religioznogo-soznaniya-v-usloviyah-globalizatsii/viewer> (дата обращения 01.10.2020)
7. Байдаров Э. У. Религия в глобальных процессах – URL <https://carnegieendowment.org/2013/09/30/ru-pub-53152> (дата обращения 01.10.2020)
8. Андреев Д. Роза мира – URL http://lib.ru/DANDREEW/roza.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 01.10.2020)

D. I. Izmailova

(Senior lecturer)

Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikhail Tugan-Baranovskiy
(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: Jamilyushka@yandex.ru

TRANSFORMATION OF RELIGIOUS CONSCIOUSNESS IN THE LIGHT OF GLOBALIZATION PROCESSES

***Abstract.** The article examines the features of the transformation of religious consciousness under the influence of globalization processes. The analysis of religion as a phenomenon in the context of Marxist philosophy is carried out. The socio-cultural transformations of world religions that have occurred under the influence of globalization have been investigated and analyzed.*

***Key words:** religion, religious consciousness, globalization, world religions, socio-cultural transformations.*

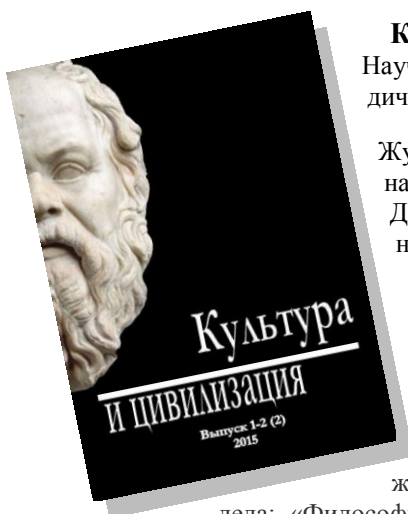
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Армен Анастасия Сергеевна**, ст. преподаватель кафедры социологии и политологии Донецкого национального технического университета (г. Донецк, ДНР).
2. **Беженарь Мария Сергеевна**, ассистент кафедры философии Донецкого национального технического университета (г. Донецк, ДНР).
3. **Борисова Анастасия Павловна**, студентка факультета отраслевой и цифровой экономики, Брянский государственный технический университет (г. Брянск, Россия).
4. **Брычков Анатолий Сергеевич**, д. филос. н., профессор, действительный член Академии военных наук, Российской Академии социальных наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А. М. Василевского (г. Смоленск, Россия).
5. **Бурцев Александр Иванович**, ст. преподаватель кафедры правовых и политических наук Донецкого национального университета экономики и торговли имени Туган-Барановского (г. Донецк, ДНР).
6. **Галко Виктор Иванович** к. экон. наук, Университет рабочих корреспондентов Фонда Рабочей Академии (г. Санкт-Петербург, Россия)
7. **Гижа Андрей Владимирович**, к. филос. н., доцент кафедры философии Донецкого национального технического университета (г. Донецк, ДНР).
8. **Глушко Екатерина Сергеевна**, к. экон. наук, доцент кафедры «Общественные науки», Авто-дорожный институт ДОННТУ (г. Горловка, ДНР).
9. **Давыденко Элина Николаевна**, к. филос. наук, доцент каф. философии Донецкого национального университета экономики и торговли имени Туган-Барановского (г. Донецк, ДНР).
10. **Емец Ирина Александровна**, ст. преподаватель кафедры социологии управления, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики (г. Донецк, ДНР).

11. **Зырина Ярослава Александровна**, к. соц. наук, зав. кафедрой социологии управления, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики (г. Донецк, ДНР).
12. **Иванов Максим Андреевич**, студент 2 курса магистратуры кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Юнокоммунаровск, ДНР).
13. **Измайлова Джамиля Ибрагимовна**, ст. преподаватель каф. философии Донецкого национального университета экономики и торговли имени Туган-Барановского (г. Донецк, ДНР).
14. **Кондратьев Валерий Алексеевич**, к. юрид. наук, доцент кафедры правовых и политических наук Донецкого национального университета экономики и торговли имени Туган-Барановского (г. Донецк, ДНР).
15. **Кухтин Михаил Михайлович**, к. полит. наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики Донецкого национального университета (г. Донецк, ДНР).
16. **Лемешко Галина Александровна**, ст. преподаватель кафедры философии Донецкого национального технического университета (г. Донецк, ДНР).
17. **Лобеева Вера Михайловна**, д. филос. наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Брянский государственный технический университет (г. Брянск, Россия).
18. **Логвинов Дмитрий Владимирович**, студент факультета информационных технологий, Брянский государственный технический университет (г. Брянск, Россия).
19. **Лустин Юрий Михайлович**, к. филос. наук, ст. преподаватель каф. философии Донецкого национального университета экономики и торговли имени Туган-Барановского (г. Донецк, ДНР).
20. **Микляев Виктор Анатольевич**, к. филос. наук, доцент Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
21. **Молодцов Борис Иванович**, к. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Луганского государственного университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, ЛНР).

22. **Мусатова Светлана Владимировна**, ассистент кафедры философии Донецкого национального технического университета (г. Донецк, ДНР).
23. **Никоноров Григорий Александрович**, к. филос. наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооружённых Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского (г. Смоленск, Россия).
24. **Одинцова Елена Алексеевна**, к. юрид. наук, доцент кафедры правовых и политических наук Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, ДНР).
25. **Петрова Елена Игоревна**, ст. преподаватель кафедры правовых и политических наук Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, ДНР).
26. **Пeftиев Олег Владимирович**, к. юрид. наук, доцент кафедры правовых и политических наук Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, ДНР).
27. **Попов Михаил Васильевич**, д. филос. наук, профессор, профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
28. **Рагозин Николай Петрович**, к. филос. наук, доцент, зав. кафедрой социологии и политологии Донецкого национального технического университета (г. Донецк, ДНР).
29. **Рагозина Татьяна Эдуардовна**, д. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии Донецкого национального технического университета (г. Донецк, ДНР).
30. **Ретинский Станислав Григорьевич**, студент магистратуры государственного управления Донецкого национального технического университета (г. Донецк, ДНР).
31. **Римская Ольга Николаевна**, к. филос. наук, доцент кафедры философии и истории науки, Белгородский государственный институт искусств и культуры, (г. Белгород, Российская Федерация).

32. **Римский Виктор Павлович**, д. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории науки, Белгородский государственный институт искусств и культуры, (г. Белгород, Российская Федерация).
33. **Романова Анна Сергеевна**, аспирант кафедры философии Донецкого национального университета (г. Донецк, ДНР).
34. **Соловьёва Раиса Петровна**, к. ист. наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, ДНР).
35. **Соловьёва Юлия Михайловна**, ассистент кафедры экономической теории Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, ДНР).
36. **Черниговских Игорь Васильевич**, к. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и истории Воронежского государственного университета инженерных технологий (г. Воронеж, Российская Федерация).
37. **Швырков Александр Иванович**, к. филос. наук, Брянский государственный технический университет (г. Брянск, Российская Федерация).
38. **Ширкова Ирина Владимировна**, ст. преподаватель каф. философии Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского (г. Донецк, ДНР).

О ЖУРНАЛЕ

Культура и цивилизация (Донецк)

Научный журнал. Издаётся с 2015 г. Периодичность издания: 2 раза в год.

Журнал включён в перечень рецензируемых научных изданий ВАК ДНР (приказ МОН ДНР № 1134 от 01.11.2016 г.), а также в наукометрическую базу РИНЦ.

Журнал ориентирован на философские и политологические исследования проблем культурного и цивилизационного развития современного общества, вступившего в фазу острого кризиса своих основ.

Структура журнала. Издание содержит два основных научно-отраслевых раздела:

«Философия» и «Политические науки». Вместе с тем, предполагается, что журнал будет обладать гибкой структурой. Его основные материалы могут группироваться как по отраслям науки, так и проблемно-тематически. Кроме того, планируются такие разделы, как «Научная хроника», «Книжные новинки», «Отзывы и рецензии», «Анонсы и объявления».

Учредитель и издатель – государственное высшее учебное заведение «Донецкий национальный технический университет», УНЦ «Социально-гуманитарный институт».

Редакционная коллегия: Главный редактор – Н. П. Рагозин, к.филос.н.; зам. главного редактора – Дрожжина С. В., д.филос.н.; Драч Г. В., д.филос.н.; Римский В.П., д.филос.н.; Поцелуев С. П., д.полит.н.; Атоян А. И., д.филос.н.; Лугуценко Т. В., д.филос.н.; Шелюто В. М., д.филос.н.; Рагозина Т. Э., д.филос.н.; Гига А. В., к.филос.н.; Молодцов Б. И., к.филос.н.; Басенко Н. А., к.полит.н.; Сулимов С. И., к.филос.н.; Черкашин К. В., к.полит.н.; Черниговских И. В., к.филос.н.

Ответственный секретарь – д.филос.н. Т. Э. Рагозина.

Адрес редакционной коллегии: Донецкая народная Республика, 83001, г. Донецк, ул. Артёма, 96, ГОУВПО «ДонНТУ», 3-й учебный корпус, кафедра философии. Тел.: (062) 305-39-18.

Эл. почта: tatyana.ragozina@list.ru; **Internet:** <http://cic.sgi.donntu.org>

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики. Регистрационный номер от 06.11.2015 г. № 340.

Для заметок

